

М.Н. ПАК
ОЧЕРКИ
РАННЕЙ
ИСТОРИИ
КОРЕИ

М.Н. ПАК
ОЧЕРКИ
РАННЕЙ
ИСТОРИИ
КОРЕИ

*Издательство
Московского
Университета · 1979*

ПЕЧАТАЕТСЯ ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ
РЕДАКЦИОННО-ИЗДАТЕЛЬСКОГО СОВЕТА
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензенты:
кандидат исторических наук
Р. Ш. Джарылгасинова
кандидат исторических наук
Д. В. Деопик

Пак М. Н.

Очерки ранней истории Кореи. М., Изд-во Моск.
ун-та, 1979, 240 с., 25 ил.

В монографии рассматриваются основные этапы истории Кореи с древнейших времен до IX в., трактуется проблема генезиса феодализма, анализируется современная историография, посвященная изучению сложных процессов социально-экономического развития страны в период формирования классового общества и государственности.

П $\frac{10605-056}{077 (2)-79}$ 46—79 050400000

© Издательство Московского университета, 1979 г.

*Посвящаю светлой памяти моих
товарищей, друзей студенческой
юности, погибших в боях за нашу
Советскую Родину*

А в т о р

ПРЕДИСЛОВИЕ

Многовековая и насыщенная событиями история корейского народа составляет неразрывную часть всемирной истории и является конкретным проявлением ее общих закономерностей. Интерес к различным сторонам истории Кореи особенно велик в наши дни, когда корейский народ борется за национальное воссоединение и социалистическое развитие своей родины, за мир и социальный прогресс всего человечества.

В современных условиях, когда «идейное противоборство двух систем становится более активным, империалистическая пропаганда — более изощренной»¹, трактовка исторического пути, пройденного корейским народом, служит предметом острой идеологической борьбы между реакционными и прогрессивными силами современности. Для идеологических спекуляций и прямых фальсификаций реакционные историки часто используют малоизвестные или недостаточно выясненные страницы прошлого. Этим определяется не только научно-познавательная, но и политическая актуальность изучения древнейшей и древней истории Кореи.

Вопросы ранней истории корейского народа (ввиду их недостаточной изученности или нехватки источников) остаются наиболее спорными или дискуссионными среди историков различных направлений, поэтому и самыми сложными для понимания студен-

¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1977, с. 74.

тами, только приступающими к их изучению. В настоящей работе, обращенной прежде всего к учащимся, сделана попытка представить наиболее важные фактические сведения (в том числе археологические данные) по ранней истории Кореи (вплоть до времени формирования классового общества включительно) и их трактовку в современной исторической науке. Автор стремится одновременно обосновать и собственное понимание вопроса о социально-экономической сущности ранних корейских государств (Когурё, Пэкче и Силла), делая вывод о том, что в древней Корее после разложения первобытнообщинного строя стало складываться (после определенного переходного периода) феодальное общество. При этом он старался избежать категорических суждений, обращая больше внимания на сопоставление различных точек зрения, могущих прояснить понимание сущности исторических явлений.

ПЕРВОБЫТНАЯ КОРЕЯ

(по археологическим данным)

История первобытнообщинного строя Кореи, наиболее длительного ее периода, почти совершенно не отражена в письменных источниках, за исключением самого последнего этапа, освещенного в немногочисленных известиях китайских авторов, поэтому решающая роль в ее изучении принадлежит данным археологии. Немаловажно значение археологии и при изучении последующих периодов корейской истории. При недостаточности сведений письменных источников по древней и раннесредневековой истории Кореи данные археологии (особенно эпиграфические памятники) существенно дополняют известные письменные источники по ранней истории Кореи — известия китайских авторов и основных корейских исторических памятников «Самгук саги» и «Самгук юса». Более того, археологические материалы дают возможность исправить ошибки или неточности, содержащиеся в письменных памятниках.

Являясь важнейшим средством познания истории далекого прошлого, археология не может ограничиваться только изучением материальных памятников: орудий труда, остатков жилья, пищи и всевозможных предметов, связанных с образом жизни людей, — находимых на территории Кореи, а должна широко сопоставлять их с соответствующими археологическими культурами других стран мира (особенно сопредельных регионов) и определить их место в развитии культуры всего человечества. Материальные памятники должны изучаться также параллельно с данными исторической этнографии и лингвистики, антропологии и других наук, помогающих уяснению как специфических черт культурного развития данной страны, так и общих закономерностей развития истории человечества. Словом, археология должна опираться на все современные достижения общественных и естественных наук. Не имея возможности коснуться всех аспектов корейской археологии, а также накопленных (и все возрастающих в объеме) данных, в настоящем исследовании делается попытка обзора некоторых важнейших материалов современной корейской археологии, дающих

представление об основных чертах развития первобытного общества на территории Корейского полуострова.

Но сначала немного о развитии археологической науки в современной Корее. Несмотря на то, что интерес и внимание к памятникам материальной культуры восходят в Корее к летописной традиции, а в XIX в. уже делались (такими учеными, как Ким Чон-хи) попытки научной оценки и систематизации материальных (прежде всего эпиграфических) памятников прошлого, археология Кореи как наука утвердилась лишь после освобождения страны от колониального ига.

Раскопки и соби́рание археологических памятников Кореи регулярно велись уже в годы японского господства в стране, но тогда занятие археологией было монополизировано в руках тех японских ученых, которые в соответствии со своим служебным положением все изучение истории подчинили политическим целям оправдания колониальных порядков, поэтому создаваемые ими теории и гипотезы имели мало общего с подлинной наукой. В первобытной археологии они стремились обосновать теорию «общности происхождения японцев и корейцев», которая должна была показать историческую зависимость «отсталых» корейцев от «цивилизованных» японцев. Однако добываемые факты свидетельствовали лишь о тщетности этих попыток. Такая распространенная в Японии археологическая культура, как культура керамики дзёмон, почти совершенно не встречается в Корее, а культура керамики яёи оказалась просто завезенной в Японию пришельцами из Корейского полуострова. Именно поэтому японская казенная археология утратила интерес к изучению первобытной археологии Кореи¹. Свои неудачи в этой области ее представители старались компенсировать материалами классической (древней) археологии.

Используя многочисленные археологические памятники северо-западной Кореи, оставленные древними поселенцами — выходцами из Китая, японские официальные историки стали создавать ложную теорию об исторической обреченности Кореи как колониальной страны, начиная с самой глубокой древности. Именно с этой теорией был связан тезис об исключительной отсталости корейского наследия ко времени первых контактов с китайцами, о сохранении каменного века у корейцев до тех пор, пока Корея не стала «колонией» китайских завоевателей, якобы принеших культуру металлических орудий (датируется это временем правления ханьского императора Уди). Подобного рода фальсификаторские теории, порожденные задачами колониальной политики японского империализма, не могли не служить препятствием для подлинно научного изучения истории Кореи, которое стало возможным лишь со свержением колониального ига в стране. Вот почему То Юхо имел

¹ См.: То Юхо. Чосон вонси когахак (Первобытная археология Кореи). Пхеньян, 1960, с. 7.

полное основание утверждать, что «становление археологии Кореи как подлинной науки стало возможным лишь с освобождением корейского народа вооруженными силами великого Советского Союза от жесточайшего колониального господства японского империализма, только в условиях, когда народ взял политическую власть в свои собственные руки»².

И действительно, установление народно-демократического строя в северной части страны и социалистическое развитие КНДР способствовало успешному развитию всех наук, в том числе и археологии. Комиссия по охране исторических памятников (с 1947 г.) и созданный на ее основе «Комитет по выявлению и охране памятников материальной культуры», были научными центрами по изучению археологических памятников в КНДР. Серия раскопок и исследований, проведенных в КНДР, привнесла к открытиям, проливающим новый свет на материальную культуру прошлого. Особенно важное значение имели открытия в области первобытной археологии и в изучении культуры Когурё.

Уже раскопки первобытных стоянок на о. Чходо (уезд Наджин, Сев. Хамгён) и в деревне Кунсани (уезд Ончхон Южн. Пхёнан) в 1949—1950 гг. дали новый материал по истории первобытного общества на территории Кореи. Крупным событием было открытие (1949 г.) когурёских гробниц (курганых могил) в районе Анака (Сев. Хванхэ), которое внесло много нового в изучение когурёских гробниц вообще³.

Война, навязанная КНДР американской агрессией, временно прервала полевые археологические исследования, но сразу по окончании войны они возобновились.

В трудное время войны в КНДР была учреждена Академия наук, в составе которой был предусмотрен и Институт археологии и этнографии (с 1963 г. он входит в состав Академии общественных наук КНДР). Под руководством этого института с 1954 г. ведутся все раскопки и исследования по археологии. С 1957 г. Институт стал издавать журнал «Мунхва юсан» («Культурное наследство»), впоследствии переименованный в «Кого минсок» («Археология и этнография»). Кроме того, в течение 1955—1956 гг. осуществлены раскопки первобытных стоянок в Кымтхании (уезд Сынхо) и Вонами (уезд Каннам) провинции Юж. Пхёнан, в Конгвири (г. Канге) провинции Чаган, в Нонпхори (г. Чхонджин) провинции Сев. Хамгён. Они позволили выяснить ареал распространения первобытных памятников и их типологические особенности, заключающиеся в том, что можно резко разграничить первобытные культуры Северо-Западного побережья (Кунсани, Читхамни) и Северо-Восточного побережья (о. Чходо)⁴, а также опровергнуть некоторые несостоятельные выводы японских археологов. Откры-

² Там же, с. 8.

³ Там же, с. 9—10.

⁴ Там же, с. 12.

тие в Кымтханни и Вонамни кирпичных ханьских могил позднего времени, сделанных в глубине, под разрушенным слоем стоянки первобытной эпохи, ясно показало возможные истоки ошибочных заключений тех японских ученых, которые, полагаясь на подъемный материал из поверхностного слоя (например, в Миримни), утверждали о том, что предметы времен династий Хань и Вэй якобы находились вместе с памятниками каменного века, что в Корее будто бы существовала особая эпоха (после неолита) «одновременного употребления камня и металла».

Ученые КНДР пришли к важному выводу о существовании в Корее эпохи бронзового века, отрицавшегося прежде японскими археологами. Этот тезис аргументируется прежде всего результатами изучения культурного слоя остродонной керамики в ходе раскопок первобытных стоянок на о. Чходо (уезд Наджин), в Одоне (Хверён), Кымтханни (уезд Сынхо), в Вонамни (уезд Каннам) и Конгвири (г. Канге) ⁵.

Событием огромного значения в развитии первобытной археологии Кореи ученые КНДР считают раскопки в Читханни уезда Понсан весной 1957 г., которые позволяют правильно решать задачи как относительной, так и абсолютной датировки археологических культур первобытной Кореи.

Археологические исследования ученых КНДР позволили глубже изучить и культуру раннего железного века. Обследовав ямные могилы в районе Киянского водохранилища, они пришли к заключению, что найденные там узкие бронзовые кинжалы, наконечники стрел и бронзовые детали колесниц принадлежат уже железному веку, причем хронологически нижняя граница культуры ямных (грунтовых) могил датируется временем до ранней Хань, а верхняя граница — примерно началом новой эры ⁶. Памятники раннего железного века, раскопанные в 1958 г. в Сольмэколь (деревни Сонсанни уезда Понсан), в деревнях Пхунчхонни и Нонамни уезда Сиджун, позволили сделать вывод о том, что в Корее начали применять железные орудия не в III, а в IV в. до н. э. Новые материалы, относящиеся к раннему железному веку, были обнаружены также в Помый-Кусок («тигровый уголок») уезда Мусан на р. Туманган и в Мисонни уезда Ыйджу (на р. Амноккан). Подводя итоги изучения перечисленных выше археологических материалов, То Юхо отмечал: «Теперь мы узнали, что культура железных орудий в Корее не является завезенной пришлыми китайцами, а возникла независимо от иммиграции китайцев примерно в то же время, когда сам Китай вступил в железный век» ⁷.

В эти годы интенсивных археологических исследований (до начала 60-х г.) археологами КНДР были получены и новые материалы о культуре государства Когурё. В дер. Яксури уезда Кансо

⁵ Там же, с. 12—14.

⁶ Там же, с. 14, 15.

⁷ Там же, с. 17.

была открыта модифицированная (меньшая по размерам) двухкамерная когурёская гробница с настенной росписью, важная для изучения эволюции когурёской культуры. К интересным произведениям когурёского художественного ремесла относится и чеканной работы бронзовая статуэтка будды, найденная в районе г. Пхеньяна (в Пубёкнун). Ряд новых памятников когурёской культуры был исследован учеными Пхеньянского университета им. Ким Ир Сена во время строительства городского парка на горе Тэсонсан, где когда-то (еще до возникновения города на месте современного Пхеньяна) стояла когурёская крепость.

В развитии корейской археологической науки 60-х гг. крупным событием явилось открытие палеолитической стоянки в Кульпхо (уезд Унгый, Сев. Хамгён) в 1962—1963 гг. Возможность открытия в Корее памятников палеолитической культуры неоднократно высказывалась корейскими археологами⁸, но достоверные свидетельства в виде каменных орудий были получены впервые лишь в результате исследований Института археологии и этнографии с начала 60-х гг. XX в. Затем эти свидетельства были подтверждены и открытиями археологов Южной Кореи, где в течении 60—70-х гг. были осуществлены широкие исследования, приведшие к важным открытиям как в области первобытной, так и классической археологии (например, открытие настенной живописи пэкческих и силланских гробниц). Новые археологические памятники древней корейской культуры были найдены также на территории Японии.

В свете данных археологии, особенно благодаря открытиям в последние десятилетия, становится возможным представить основные черты развития материальной культуры на территории Кореи с древнейших времен. Таким образом выявлена объективная основа научной периодизации исторического процесса у древнейшего населения Корейского полуострова.

Как известно, основоположники марксизма, открыв объективные закономерности истории человечества, связанные с изменением способа производства, основу исторической периодизации видели в закономерной смене форм общественных производственных отношений между людьми (определяющих характер социально-экономической формации), которые соответствуют (более или менее адекватно) достигнутому уровню производительных сил, и включают рабочую силу людей (как активный элемент) и средства (прежде всего орудия) производства. Также известно, что основу общепринятой в археологии периодизации составляют сменявшие друг друга эпохи, характеризующиеся состоянием применяемых орудий производства, которые различаются как по материалу (каменный, бронзовый и железный века), так и по уровню техники их

⁸ См.: То Ю хо. Первобытная археология Кореи, с. 20; Ким Вольён. Хангук мухвае когохакчок ёнгу (Археологическое изучение корейской культуры). — В кн.: Хангук мухвае тэге (История корейской культуры в 6-ти т.), т. 1. Сеул, 1964, с. 242.

изготовления: палеолит (древнекаменный век), мезолит (среднекаменный век), неолит (новокаменный век), энеолит (бронзикаменный век), ранний и поздний бронзовый века, ранний железный век и т. д. Хотя эта периодизация истории древнейшего человечества исходит из уровня производительных сил, характеризующихся орудиями производства, и соответствует в целом и определенным этапам в развитии общественных производственных отношений, это не означает, что археологическая периодизация точно соответствует периодизации истории по социально-экономическим формациям или их отдельным этапам. Например, железный век, как правило, соответствует периоду цивилизации или классового общества, но опыт истории показал, что некоторые народы и в условиях применения железных орудий сохраняли первобытнообщинные отношения, а другие, наоборот, уже в период бронзы имели рабовладельческие государства. И только конкретное изучение истории отдельных народов позволяет установить те специфические условия, в которых реализуются общие исторические закономерности. Это следует иметь в виду и при изучении истории Кореи. И здесь археологическая периодизация не может быть механически перенесена (как показатель) к определению уровня развития общественных отношений, ибо в зависимости от географических районов и существующих конкретных условий и при железном веке, вероятно, наблюдалось и сохранение первобытнообщинных отношений и развитие раннеклассового (в том числе и рабовладельческого) общества. К тому же надо принимать во внимание современное состояние археологической науки, когда выяснены лишь основные черты развития материальной культуры первобытной Кореи, и остаются нерешенными или спорными такие коренные проблемы археологической периодизации, как вопрос о точных временных границах между палеолитом и неолитом, между неолитом и ранним железным веком (памятники последних в большинстве случаев попадались вперемежку, что вызывало большие споры ученых о периодизации бронзового и железного веков). В этих условиях трудно было бы ожидать, чтобы археологическая периодизация могла служить безусловной основой определения социально-экономических процессов исторического развития страны (т. е. была равнозначна общепериодической периодизации). Более того, любая из существующих схем общей периодизации археологии Кореи может рассматриваться лишь в качестве рабочей гипотезы, которая должна быть уточнена дальнейшими исследованиями и новыми фактическими данными.

Такова и попытка периодизации истории материальной культуры первобытной Кореи, предпринятая археологом Ким Вольёном⁹. Обобщая археологические материалы Северной и Южной Кореи

⁹ Хангукса, И. Кодэ, сонса мунхва. Кукса пхёнчан вивонхва (История Кореи, т. I. Древность. Доисторическая культура Кореи). Сеул, 1973, с. 1—8.

с учетом спорных моментов в решении важнейших вопросов периодизации и в трактовке сущности археологических культур первобытной Кореи, Ким Вольён предлагает следующую схему периодизации. Полагаясь на открытие палеолитической культуры в Северной и Южной Корее, он делит палеолит (существовавший на протяжении сотен тысячелетий) на ранний, средний и поздний, причем возраст позднего палеолита исчисляет в 20—30 тыс. лет до наших дней (как показывают исследования с применением радиоуглеродного метода датировки), а само существование палеолита, как полагает он по данным южнокорейской стоянки Сокчанни, обрывается примерно за 10 тыс. лет до наших дней, когда во время оледенения, с изменением природных условий, палеолитические насельники ушли куда-то за пределы Кореи¹⁰.

Новое неолитическое население появляется в Корее значительно позже конца прослеживаемого здесь палеолита. Оно пришло сюда с севера, примерно за 4—3 тыс. до н. э. Этот неолит, продолжавшийся около трех тысячелетий, Ким Вольён предлагает разделить на ранний (I), средний (II) и поздний (III) периоды. В I период, начавшийся около середины IV тыс. до н. э. и длившийся несколько веков, неолитические насельники представляли небольшие коллективы людей, употреблявших гладкую керамику (стоянка Тонсамдон) и полуполированные каменные орудия. Несмотря на отсутствие подробных сведений о содержании и районах распространения культуры этого периода, Ким Вольён считает ее несомненной предшественницей культуры гребенчатой керамики.

В период, начавшийся около 3000 г. до н. э. и длившийся примерно 1000 лет, представлен культурами Чхонхори (Южн. Пхёнан) и Тонсамдон II (Пусан). Особенностью периода считается появление гребенчатой керамики (пришедшей из Сибири) и употребление каменных орудий из галечника. Так называемая гребенчатая керамика была представлена остродонными и круглодонными сосудами, на поверхности которых выделялось несколько рядов (поясков) прямолинейных и косолинейных орнаментов, напоминающих по форме рыбы скелеты. Они названы гребенчатыми не по их форме, а по видовой принадлежности к типу неолитической керамики Северо-Западной Европы, которая действительно имела гребенчатый (будто нанесенный движением гребня) орнамент.

III период, продолжавшийся около тысячи лет с первой половины II тыс. до VI—V вв. до н. э., представлен культурами Кунсанни (Южн. Пхёнан), Читхамни (Сев. Хванхэ), Амсадона (Сеул). Отмечая начало земледелия как характерную черту периода, Ким Вольён приписывает это влиянию китайской культуры крашеной керамики. В гребенчатой керамике вместо прямолинейного орнамента в виде рыбьего скелета появились, по его мнению, волнистые линии, шнурочной и овальной формы с использованием точек, а в

¹⁰ Там же, с. 3—4.

тесте сосудов можно установить наличие укрепляющих средств — асбеста и талька. Изменения в формах сосудов выразились в более плоском дне, в появлении фальшивых донцов, ручек, а также новых по форме изделий: блюдов, бутылей и др., в которых орнамент ограничивался горловиной. Развитие в этот период мореплавания и начало связей с Японией подтверждается формой гребенчатой керамики, найденной на о. Кюсю. Каменные орудия этого периода относятся к северокайскому типу (полулунные ножи и пр.) и отличаются более совершенной полировкой по сравнению с изделиями предшествующего периода¹¹.

Так как о времени существования бронзового века имеются разные точки зрения, Ким Вольён считает возможным (примиряя крайние взгляды) чисто бронзовый век датировать примерно с 600 г. до 300 г. до н. э. Но, учитывая широкое распространение бронзовых орудий и в последующие три века, период с 600 г. до 300 г. до н. э. он предлагает называть бронзовым веком I, а период с 300 г. до н. э. до начала н. э. — бронзовым веком II. Но поскольку уже началось употребление и изготовление железных орудий, бронзовый век II, по его мнению, фактически может считаться ранним железным веком, но в названной «Истории Кореи» решено в качестве железного века рассматривать лишь бесспорное время господства железных орудий, т. е. начиная с раннего периода трех государств¹².

Начало бронзового века датируется появлением на Корейском полуострове (в VI—V вв. до н. э.) гладкой (безорнаментной) керамики, принесенной с севера (через Монголию и Маньчжурию) большой волной кочевников («всадников»), двинувшихся из района Минусинска, через Ордос. Этим Ким Вольён объясняет находки в Корее бронзовых орудий ордосского типа. Под натиском этих носителей бронзовой культуры (тунгусского происхождения) люди культуры гребенчатой керамики (из палеосибирских племен) или погибли или ассимилировались с пришельцами¹³.

Несмотря на отсутствие свидетельств об отливке бронзовых орудий, период с 600 г. до 300 г. до н. э. Ким Вольён считает возможным называть бронзовым веком I исходя из появления бронзовых орудий ордосского типа, изменений в керамике, а также существования дольменов и погребений в каменных ящиках. Появившиеся в это время крупные дольмены рассматриваются как свидетельства значительного развития производительных сил (земледелия и скотоводства), дававших питание для больших коллективов людей, над которыми усиливалась власть вождей (им и воздвигались эти монументальные каменные надгробия).

Порой настоящего расцвета бронзовых орудий Ким Вольён считает бронзовый век II (ок. 300 г. до н. э. — 0), развитие кото-

¹¹ Там же, с. 4—5.

¹² Там же, с. 2.

¹³ Там же, с. 5.

рого связывается с приходом нового населения со стороны Ляодунского района. Бронзовый век II он подразделяет на два этапа — до и после учреждения ханьского округа Лолана (в результате завоевательного похода Ханьской империи в конце II в. до н. э.). К первому относятся измененной формы бронзовый кинжал ляонинского типа и происходящий от него кинжал корейского типа (I-я форма), а также многоушковые (с 2-мя и более) бронзовые зеркала с грубым орнаментом. В погребальном обряде наряду с сохранением дольменов встречаются ямные могилы. В это время, по мнению Ким Вольёна, впервые проникло железо, хотя и не стало местным производением культуры Ёнхвари в Пуё и Квэджонни в Тэджоне. И на втором (послеханьском) этапе бронзового века II, когда явным стало развитие железных орудий (под сильным ханьским влиянием), повсюду продолжали отливать бронзовые орудия, бронзовый кинжал, бронзовые зеркала с тонким орнаментом. копья и пики, а также детали колесниц, все более превращавшиеся в предметы ритуального характера, но все же практическое применение имели тогда железные орудия.

Как подчеркивает Ким Вольён, бронзовый век II может быть назван также железным веком I, предшествовавшим железному веку II, или раннему периоду трех государств (I—III вв. н. э.). Рубежом, отмечающим конец бронзового века, он считает прекращение изготовления бронзовых кинжалов и употребления всех каменных орудий, исчезновение гладкой безорнаментной керамики, глиняных изделий красного и черного цвета¹⁴.

Железный век II (I—III вв. н. э.), отмечает Ким Вольён, характеризовался широким распространением железных орудий, появлением крепких глиняных сосудов, систематическим занятием земледелием, основанным на зерновых культурах и применении труда крепостных в рамках «общинных деревенских государств» (пурак кукка)¹⁵. Китайскому (ханьскому) влиянию после учреждения округа Лолан Ким Вольён приписывает начало повсеместной разработки железа на Корейском полуострове. В этот период кроме оружия (мечи, топоры) из железа стали изготавливать земледельческие орудия и хозяйственные предметы (ножи), полностью вытеснившие каменные орудия. Вместо гладкой керамики ручной лепки по всей стране распространялась так называемая кимхэская керамика, изготавливавшаяся на гончарном круге и прокаленная в высокотемпературных закрытых печах. Как отмечает Ким Вольён, эта новая культура чисто железного века из Северо-Западной части Кореи распространилась далее по западному побережью на Хонамскую равнину и в низовье реки Нактонган на южном побережье. Типичными стоянками этой («раннеисторической») эпохи Ким Вольён называет янпхёнский Тэсимни

¹⁴ Там же, с. 7.

¹⁵ Там же.

(Южн. Ханган) и капхёнский Маджинни (Сев. Ханган) в верховье Хангана. Археологические памятники этих мест говорят о том, что употребление оббитых каменных орудий и сосудов улучшенной гладкой керамики здесь уживалось с изготовлением крепкой керамики кимхэского типа и отливкой железных топоров и лопат. Новая техника железных орудий повсеместно обеспечивала переход к регулярному земледелию, где использовался и труд подневольных людей («Санго чжи» свидетельствует о применении здесь рабов лоланско-китайского происхождения). Новые производительные силы и связанные с ними социальные перемены подготовили, вероятно, и политическое объединение деревенских общин в составе новых королевств — трех государств (и именно тогда появились и большие гробницы-усыпальницы с высокой курганной насыпью).

В периодизации Ким Вольёна, несомненно отражающей основные этапы развития материнской культуры первобытной Кореи, все-таки остаются нерешенными некоторые принципиальные вопросы, касающиеся более или менее точного определения границ периодов, особенно бронзового и железного веков (что отражает современное состояние науки), поэтому только дальнейшее развитие археологии Кореи сможет помочь выработке более аргументированной периодизации на основе общепризнанных решений. Одновременно нельзя не отметить и методологическую односторонность подхода автора к проблеме периодизации, выразившуюся в стремлении объяснить смену археологических культур и важнейшие перемены в развитии производительных сил внешними факторами (миграциями и влияниями иноземцев, например, китайцев в становлении железного века). Дальнейшее изложение ставит цель дать краткий обзор современного состояния изучения важнейших археологических культур, представляющих определенные вехи в истории первобытной Кореи.

ПАЛЕОЛИТ

До начала 60-х гг. археологи не располагали убедительными свидетельствами об обитании в Корее человека палеолитической эпохи, хотя не раз высказывали предположения о возможности или вероятности открытия палеолитических памятников в будущем¹⁶. Основанием для этих прогнозов служили не только близость Кореи к Северному и Северо-Восточному Китаю, а также к Приморью, где уже были обнаружены материальные следы древнейшего человека, но также и находки в самой Корее (с начала 30-х гг.) костей мамонта, носорога, зубра и других живот-

¹⁶ См.: То Ю хо. Первобытная археология Кореи, с. 20; Воробьев М. В. Древняя Корея. Историко-археологический очерк. М., 1961, с. 8—9.

ных, обычно составлявших фауну в среде обитания палеолитического человека, а также отдельных грубо оббитых каменных орудий (большей частью подобранных на поверхности земли) ¹⁷.

Первым об открытии палеолита в Корее заявил Наора Нобуо, профессор университета Васэда, опубликовавший специальную статью ¹⁸. Существование в Корее палеолитической культуры Наора аргументировал данными раскопок, которые произвели в 1933 и 1935 гг. археологи Мори Тамэдзо и Токунага Сигэяса в одном из прибрежных склонов р. Туманган (у железнодорожной станции Тонгван в уезде Чонсон пров. Сев. Хамгён). Во время этих раскопок были найдены два обсидиановых осколка, похожих на микролитические орудия, рог северного (гигантского) оленя с заметными царапинами (сделанными, вероятно, человеком) и несколько острых предметов из рога. Наора подчеркивал, что во время раскопок оба археолога работали вместе и тщательно следили за тем, чтобы орудия и предметы палеолитического слоя (залегавшие на глубине трех метров вместе с костями мамонта и носорога) не смешались с неолитическими предметами поверхностного слоя. Однако, несмотря на важность этой публикации Наора, заявившего об открытии палеолита впервые не только в Корее, но и в Японии того времени, сообщению Наора не придали значения, и его мнение не было поддержано. Такое отношение объяснялось не столько недостаточностью фактического обоснования точки зрения Наора, сколько политическими соображениями влиятельных кругов Японии, не желавших подтвердить научными данными давние истоки корейской истории. Распространилась и версия о том, что «вероятной причиной появления царапин на костях (на роге. — М. П.) являлась деятельность животных» ¹⁹. Высказывались также сомнения относительно точного соблюдения исследователями стратиграфии места раскопок. Даже в позднейшей работе Фудзита Рёсаку (одного из видных представителей тогдашней официальной науки) настойчиво подчеркивалось, что ножевидные пластины и изделия из оленьих рогов часто встречаются в погребениях неолитической эпохи, что «до тех пор, пока не будет ясно показано, в каком отношении упоминаемые в «Докладах...» предметы находились с окаменелостями, невозможно прямо утверждать, что они являются памятниками палеолитической эпохи. Поскольку это касается вопроса о том, существовал ли в Корее с самого начала (вообще) палеолит, еще необходимо более тщательное изучение его» ²⁰.

¹⁷ Ким Вольён. Указ. соч., с. 241—242.

¹⁸ Дай итидзи манмо гакудзюцу тэса кэнкюдан хококу (Доклады Первой маньчжуро-монгольской исследовательской группы), ч. 6, вып. 3. Токио, 1940; См.: Ким Вольён. Указ. соч., с. 240.

¹⁹ Воробьев М. В. Указ. соч., с. 9.

²⁰ Фудзита Р. Каменный век в Корее.—В кн.: Тёсэн когогаку кэнкю (Изучение корейской археологии). Киото, 1948, с. 54. Цит. по: Ким Вольён. Указ. соч., с. 241.

Таким образом, фактически корейский палеолит был заново открыт в 60-х гг., когда новейшие раскопки выявили более убедительные факты его существования. Осенью 1962 г. экспедиция Института археологии и этнографии АН КНДР, производившая раскопки около устья р. Туманган, в деревне Кульпхо (уезд Унгый, пров. Сев. Хамгён), обнаружила в самой нижней части

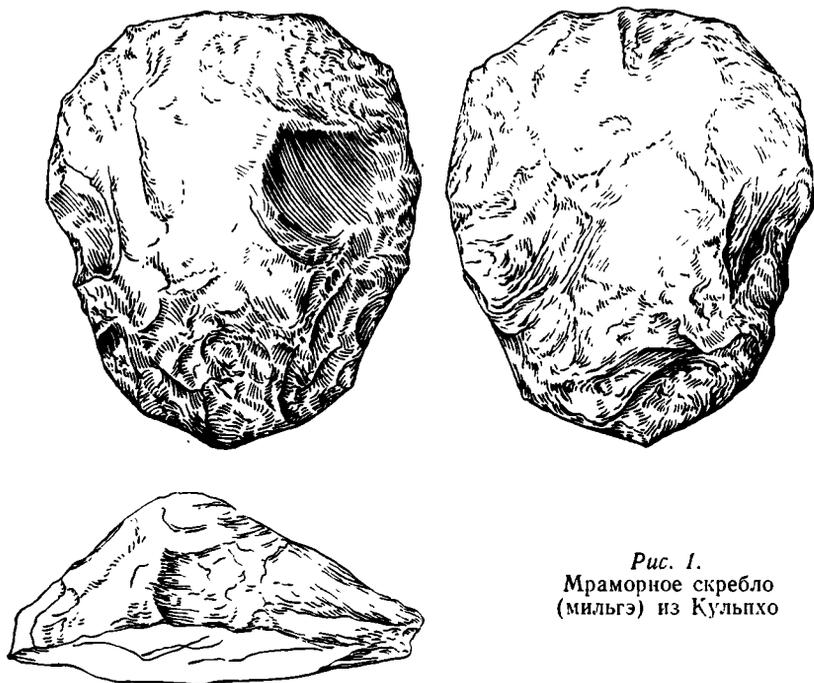

Рис. 1.
Мраморное скребло
(мильгэ) из Кульпхо

неолитического слоя одно мраморное скребло (мильгэ) размером $10 \times 8 \times 3 \times 10$ см (рис. 1), которое при анализе оказалось похожим на палеолитические орудия, раскопанные на территории Советского Приморья (с. Осиновка), к северу от р. Туманган²¹. Дополнительные исследования в 1963 г. подтвердили существование стоянки палеолитической эпохи. Обнаруженные здесь каменные орудия позволяли судить о том, что в стратиграфическом отношении различались более ранняя (Кульпхо I с преобладанием изделий из кварцита) и поздняя (Кульпхо II с изделиями из роговика) культуры. В пятом (от поверхности) культурном слое, залегавшем в массе мелкой гальки, были найдены палеолитиче-

²¹ См. То Ю хо. Чосоны кусокки сидэ мунхваин Кульпхо мунхваэ кванхаё (О культуре Кульпхо — культуре корейского палеолита). — «Кого минсок» (Археология и этнография), 1964, № 2, с. 4.

ские орудия из роговика и упоминавшееся мраморное скребло. Из трех кремневых (из роговика) предметов один представлял собой кусок камня (размером $6 \times 4, 5 \times 2,3$ см), обработанный с двух сторон. Как указывает То Юхо, такой предмет был раскопан археологами и на территории Приморья (Осиновка). Два других предмета, один из которых размером $7,5 \times 6,5 \times 2,2$ см обработан лишь с одной стороны, а другой размером $8 \times 5,5 \times 2,2$ см полностью обработан с одной стороны и с другой у лезвия, оказались идентичными палеолитическим изделиям, раскопанным в Динцуне бассейна Фэньхэ (пров. Шаньси) в Северном Китае²². Во время этих предварительных раскопок весной 1963 г. в нижнем слое (Кульпхо I) были найдены один кварцитовый нуклеус и гранитное рубило (сворер) размером $9,5 \times 7 \times 2,7$ см, имевшее явные следы обработки в рабочей части орудия²³.

Последующими раскопками в июле — августе 1963 г. удалось выявить и место изготовления каменных орудий. Так, в груде обветрившихся каменных обломков попались нуклеус и пластины 5—6 см длины, обработанные с одной стороны и приспособленные для использования в качестве остроконечников или скребков²⁴. А в северо-восточной части участка раскопок был найден скальный обломок с плоской поверхностью, служивший, вероятно, подставкой для обработки каменных орудий, судя по тому, что возле него находилось около 50 обломков кварцита. К югу от этого камня находилась еще один обломок скалы (диаметром 92—95 см и толщиной 35—40 см) рядом с двумя кучами каменных обломков, причем на одной из них лежал кусок камня размером $15 \times 10 \times 10$ см (базальтовой породы), явно принесенный сюда человеком. По этим данным То Юхо пришел к заключению, что в культурах Кульпхо I и Кульпхо II для изготовления орудий обычно брали большой кусок камня и раскалывали его, ударяя о край скалы (на своеобразную наковальню), а затем обрабатывали отщепы (осколки), которые раскалывались еще по несколько раз для изготовления более тонких орудий. Так, рубила представляли острый сколок от глыбы, обработанный лишь с одной стороны. Об этой технике скалывания свидетельствуют и нуклеусы. Правда, в слое Кульпхо II попадались и орудия с двусторонней обработкой, но все же преобладающей была односторонняя. Такая техника односторонней обработки являлась характерной и для палеолитических культур Северного Китая (Чжоукоудянь, Динцун). Однако установить их хронологическое совпадение не представляется возможным, ибо, как отмечает То Юхо, такие точные методы датировки, как радиоуглеродный, здесь исключают

²² См.: там же, с. 5

²³ См.: То Юхо, Ким Еннам. Кульпхо мунхваэ кванхан кыху сосик (Дополнительное сообщение о культуре Кульпхо).— «Кого минсок», 1965, № 1, с. 56.

²⁴ «Кого минсок», 1964, № 2, с. 5.

ются, поскольку культура Кульпхо представлена исключительно каменным инвентарем.

Равным образом остается открытым вопрос о наличии в геологическом слое, близком культуре Кульпхо, глинозема, богатого окисью железа, характерного для олигоцена (середины третичного периода). Учитывая эти трудности, при датировке культуры Кульпхо корейские археологи придерживаются традиционного типологического метода и считают, что каменные орудия культуры Кульпхо I могут быть отнесены к концу периода нижнего палеолита, к типу Мустье (хотя нуклеусы не совпадают с мустьерскими, но нуклеусы кульпхоского типа попадались археологам на Украине)²⁵. И культуру Кульпхо II они склонны отнести к нижнему палеолиту (более позднему, чем Кульпхо I), отмечая, однако, что этот вопрос нуждается в дальнейшем выяснении²⁶.

Раскопками в июне — июле 1964 г. более полно выявлен инвентарь слоя Кульпхо II, причем среди нескольких орудий из кварцита находилось рубило с явными следами обработки²⁷. Этими же раскопками выяснено, что расположение каменных куч и крупных камней очень напоминает группировку жилищ (шалашей из веток и шкур) на участке длиной 11,5 м (с юго-запада на северо-восток) и шириной около 8 м. Установлен также факт повреждения культурного слоя Кульпхо II последующими вторжениями (устройством землянок) в период неолита и бронзы. Вот почему в культурном слое бронзовой эпохи оказались палеолитические орудия типа Кульпхо II, которые, может быть, употреблялись по прямому назначению или служили материалом для переработки²⁸.

Тогда же была открыта еще одна палеолитическая стоянка в деревне Пупхо, расположенной на расстоянии 5 км от Кульпхо, прямо на противоположном берегу озера (образовавшегося из бывшей морской лагуны, на берегу которой располагалась кульпхоская стоянка). Здесь в результате размывов холма оказались обнаженными на поверхности орудия палеолитического типа. Напоминавшие кремневые (из роговика) орудия из Кульпхо II, они в то же время были светлее (в результате выветривания). Причем рубило, например, имело на поверхности продольные полосы, напоминавшие годовые кольца на срезе древесины. Места поломов говорят о том, что эти изделия внутри были более темными. Еще до подробных раскопок культуры Пупхо археологи КНДР пришли к выводу о несомненной ее принадлежности к типу культуры Кульпхо II, т. е. к самому последнему периоду нижнего палеолита. Но если окажется, что культура Кульпхо II должна

²⁵ Там же, с. 6, 7.

²⁶ Там же.

²⁷ См.: То Ю х о, Ким Ён н а м. Указ. соч., с. 54.

²⁸ См.: там же, с. 55.

быть отнесена к более позднему времени, то они допускали возможность переименования ее в «культуру Пупхо»²⁹.

Открытие культуры Кульхо в КНДР послужило началом систематического изучения палеолита в Корее. Стали поступать сведения о многочисленных находках палеолитических орудий и в различных районах Южной Кореи. Только к началу 70-х гг. такие находки были сделаны в районе Сеула (Ёксамдон, Карактон, Амсадон), в уезде Янпхён (в деревнях Янгын, Кёпхён, Сонхвак, Яндок) по реке Ю. Ханган, в уезде Янджу (дер. Кынам) бассейна Сев. Ханган, и в других районах Кёнгидо (в уезде Хвасон, г. Сувон, уезде Амон, на о. Канхва), а также в ряде мест пров. Южн. Чхунчон, Южн. и Сев. Кёнсан, пров. Южн. Чолла (уезд Сунчхон) и др.³⁰

Исследована голько палеолитическая стоянка Сокчанни (36°21' с. ш. и 127°10' в. д., в волости Чанги уезда Конджу пров. Южн. Чхунчон), раскопки которой выявили культуру палеолита на протяжении сотен тысячелетий — от 600—500 тыс. лет до 20—10 тыс. лет до наших дней. Как указывают исследователи³¹, в Сокчанни (на 2-м участке раскопок) было обнаружено 12 культурных слоев (при наличии 27 слоев естественных геологических отложений), представляющих все основные периоды палеолита.

Самый нижний (1-й) культурный слой в Сокчанни датируется временем миндельского (или Тайгуского в Китае) оледенения, когда появились такие раннепалеолитические культуры в Китае, как Чжоукоудянь, Лантянь, Коухэ. В этом слое, на глубине 11 м от поверхности, были обнаружены каменные орудия, названные односторонним рубилом (chopet, 4 шт.), колуном (point, 4 шт.), скреблом (scrapet, 6 шт.), проколом (cleaver, 3 шт.), резцом (hand-adze, 2 шт.), стругом, молотом для изготовления орудий (2 шт.) и молотком. Самым характерным для данного слоя орудием считается одностороннее рубило (рис. 2).

Техника изготовления орудий была самой примитивной. Большая часть их (91,3%) сделана из целого куска камня (только 2 предмета из отщепы) с односторонней грубой обработкой — ударами гранитного или гнейсового молота по куску кварцита, а отбитые куски употреблялись в качестве резца без всякой обработки. Орудия изготовлялись грубым откалыванием поверхност-

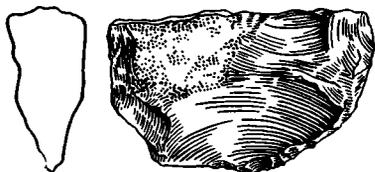

Рис. 2. Одностороннее рубило (Сокчанни, I слой)

²⁹ См.: там же, с. 56.

³⁰ Хангукса. В 28-ми тт., т. I. Кодэ, с. 12.

³¹ См.: Сон Поги. Сокчанни чонги-чунги кусокки мунхвачхын (Культурные слои раннего и среднего палеолита в Сокчанни).— Хангукса ёнгу (Изучение истории Кореи), кн. 7, 1972, с 1—58; Хангукса, т. I, с. 21.

ного слоя, без ретуши, и многие из них по форме напоминали орудия из пещеры Валлонэ или из Ордовэйского ущелья (в Африке)³².

Спустя 2—3 сотни тысячелетий, в теплый росс-вормский (или лущаньский) межледниковый период отложилось от 2-х до 6-ти культурных слоев Сокчанни, относящихся к нижнему или раннему палеолиту. Характерными для этого периода орудиями являлись ручная мотыга из слегка обработанного булыжника (рис. 3, а), взятая из 2-го слоя на глубине 7,8—8,2 м, скребло и одно-стороннее рубило универсального назначения (рис. 3, б) из 3-го слоя, ручной топор (рис. 3, в), знаменующий поворот от односторонней к двусторонней обработке режущей части, и многочисленные скребки и резцы из 4-го слоя, одностороннее рубило, многочисленные скребла проколы и резцы 5-го слоя, и, нако-

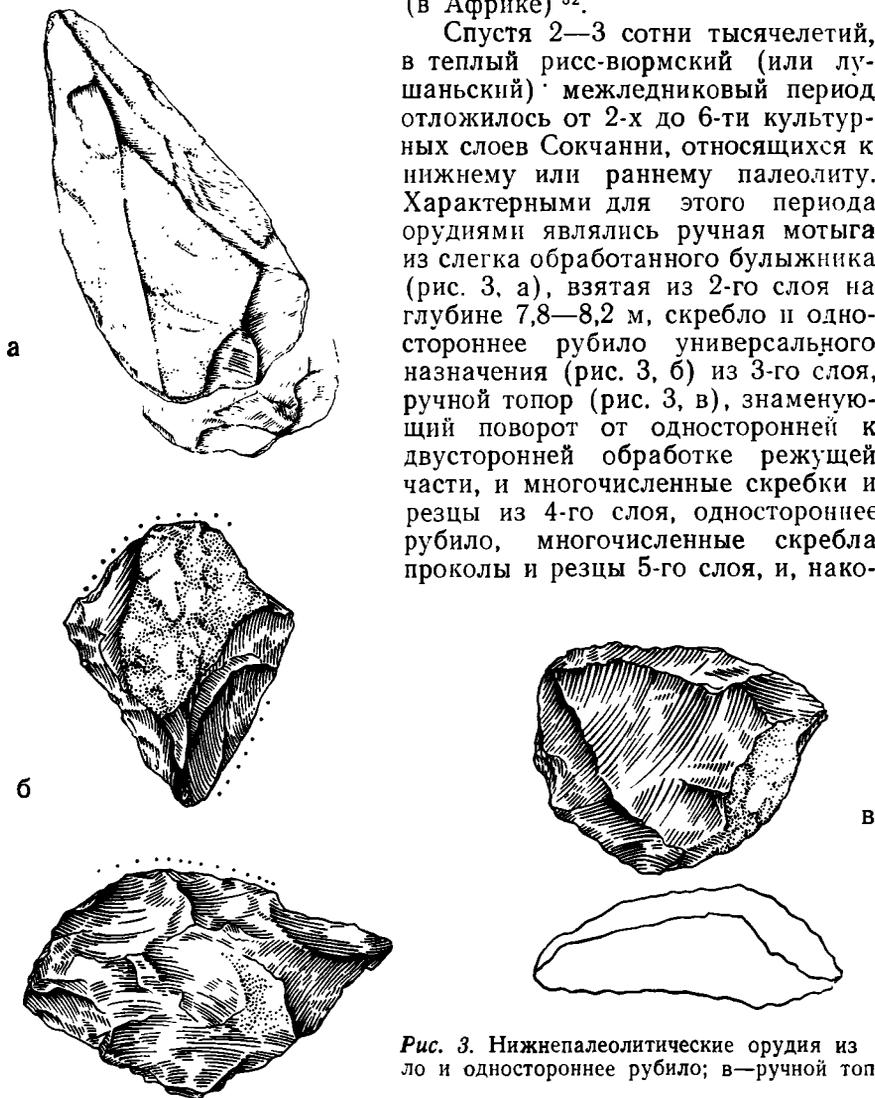

Рис. 3. Нижнепалеолитические орудия из ло и одностороннее рубило; в—ручной топор

нец, скребла и резцы (рис. 3, г) с выдающейся частью для держания из 6-го слоя, где удельный вес орудий из отщепленных пластин поднимался до 1/3 общего числа (рис. 3, д).

Обработка держателя скребла (из 6-го слоя), связанная с

³² Хангукса, т. I, с. 21—22.

тщательным откалыванием отщепов, как бы знаменовала переход к следующей ступени (среднему палеолиту). Отсутствие каких-либо сохранившихся окаменелых растений, костей животных, останков людей не дает возможности судить о физическом облике человека.

В Сокчани период среднего палеолита, соответствующий времени неандертальского человека, начинается с седьмого культурного слоя, который геологически следовал за глинистыми отложениями лушань-далийского (I—II вюрмского) межледникового периода. Из шести извлеченных здесь предметов пять составляли орудия из отщепленных пластин, один из нуклеуса. Отсюда отказ от прежней традиции обработки камня и дальнейшее развитие типичной для среднего палеолита техники использования отщепленных пластин и новых материалов (песчаника, порфира), менявших характер ретуши. В восьмом слое из 267 каменных орудий остроконечники составляли 33,7% (90 шт.), причем поражает разнообразие орудий, каждое из которых имело специфическое назначение. А применение каменных наковален при изготовлении орудий сближает этот слой с культурой Кульпхо I и напоминает аналогичный способ в динцунской культуре Северного Китая³³. В девятом слое, относящемся к межледниковью II—III периодов вюрмского оледенения (далиского в Китае), выявлены специальные инструменты (молотки) для отщипа, а также отколотые пластины,

Сокчани: а — ручная «мотыга»; б — скребок; г — то же самое; д — резец и скребло

которые при соединении друг с другом позволяют восстановить черты целого камня до обработки. Хотя двусторонние рубила из этого слоя по форме близки нижнепалеолитическим орудиям Юго-Восточной Азии, тщательная обработка отщепленных пластин,

³³ Там же, с. 32.

применение долот и сверл, а также красно-желтых красителей (сохраняемых в специальных желобах) свидетельствуют о характерных чертах культуры среднего палеолита³⁴.

Период верхнего палеолита (время появления современного человека — *homo sapiens*) в Сокчанни представлен культурными слоями, которые датируются от 30.690 ± 3000 до 20.830 ± 1880 лет до наших дней по данным анализа вещественных остатков на основе радио-углеродного метода датировки³⁵. Для Сокчанни этого периода было характерно значительное сокращение количества рубил и соответствующее увеличение орудий, изготовленных из отщепов, особенно орудий мустьерского типа в виде треугольных пластин, которые вообще типичны для верхнего палеолита Сибири и Китая. В Сокчанни раскопано огромное количество остроконечников в виде долот и клювообразных шил. Ким Вольён полагает, что к этому периоду следовало бы отнести северокаорейские палеолитические культуры Кульпхо II и Пупхо³⁶.

Хотя еще не было завершено исследование десятого и последующих слоев верхнего палеолита, южнокорейские археологи считали, что представленные здесь орудия — массивные скребла с крупными плечиками и другой формы, остроконечники и различные предметы для изготовления орудий (молотки, наковальни и пр.) — свидетельствуют о происшедших технических усовершенствованиях в скальвании отщепов и изготовлении орудий. А найденный в 11-м слое кусок белого вещества с содержанием фосфора давал представление о физико-химических изменениях, которым подверглись остатки костей или рогов³⁷. Этими изменениями, вероятно, можно объяснить отсутствие сохранившихся орудий из рогов или костей животных. Но наличие большого количества каменных осколков (в 7—8 раз больше, чем самих орудий) несомненно дают представление о той тщательности, с которой отделялись каменные орудия. Среди таких орудий, как скребки или долота, обращает внимание наличие предметов микролитического типа, характерных для последующей (мезолитической) эпохи.

Но особое значение имело выявление на 1-м участке раскопок в Сокчанни (в 13-м, по счету, культурном слое) следов человеческого жилья, существовавшего ок. 20 тыс. лет назад (план жилища (см. на рис. 4). По сообщениям археологов можно установить следы очага, нескольких столбов и контуры ограждения (стены?), причем расположенные в южной части два камня (на расстоянии 150 см друг от друга, как раз напротив реки), по их

³⁴ Там же, с. 33—34.

³⁵ Yang Kyung Rin. Atomic Energy Research Institute of Korea: Radio—Carbon measurements.— «Radiocarbon», 12, 2, 1970, p. 351; 14, 2, 1970, p. 274. Цит. по: Хангукса, т. I, с. 36.

³⁶ Хангукса, т. I, с. 36.

³⁷ Там же, с. 38—39.

мнению, явно указывают на дверь жилища. Зола и угли от очага позволили определить возраст стоянки на этом участке. Обследованные остатки растений (всего 12 видов, в том числе вяз, сосна, дуб, пихта, магнолия и др.) говорят о том, что климат тогда был более влажным и теплым, чем в наше время.

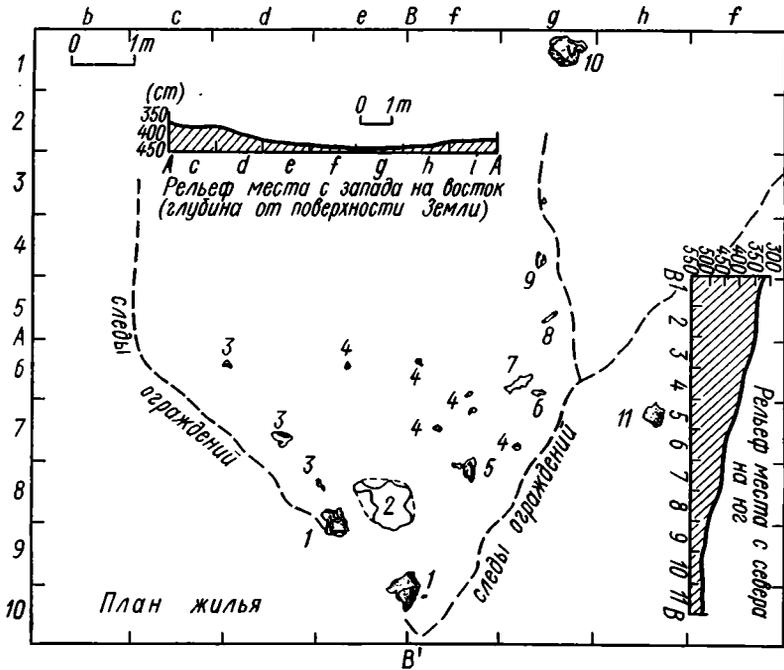

Рис. 4. Жилище верхнепалеолитического времени: 1 — камни, обозначающие вход в жилище; 2 — угли; 3 — обработанные камни (скульптуры); 4 — следы от столбов. Каменные изображения собаки (5), птицы (6), кита (7), «охотничьей собаки» (8), кабана (9), черепахи (10); 11 — каменная глыба (рабочее место)

Примечательны также находки на этой стоянке изображений (из камня или на камне) различных животных, указывающих на образ жизни и религиозные представления людей. Перед дверью жилища стояло каменное изображение, похожее на собаку, а сбоку от него видны следы какого-то зверя. А сзади наискосок по поверхности вырезано изображение кита (57×17×9 см). Реалистический подход в изображении хвоста, плавников, глаз и рта свидетельствует о хорошем знании художником предмета. Рядом с китом как бы в роли «стража» — скульптура какой-то птицы с большим клювом. Если кит ориентирован головой на северо-восток, то находящаяся за ним скульптура собаки смотрит на юго-запад, а кабана — в сторону очага и дверей. А на расстоянии

8 м от очага (в северо-северо-восточном направлении) найдена каменная черепаха с головой, ориентированной на восток, как бы со взглядом на кита. Наряду с этими произведениями искусства найдены также геометрические рисунки на гальке (отдаленно напоминающие плоты, птиц, оленя, человека, трезубцы и др.), типичные для ориньякской культуры. Попадают гальки с кружками и дугами, напоминающие изображение бровей. Некоторые рисунки на гальках свидетельствуют о повторном их нанесении. Одновременно обнаружены рудообразные массы, служившие материалом для красной, оранжевой, черной и желтой (путем смешения) краски. Найдены также человеческий волос и шерсть животных, но не попадают кости или рога. Расположение скульптур животных, а также рисунки на гальках еще не получили научного истолкования исследователей путем широкого сравнительного анализа, но уже установлена несомненная их общность с хорошо изученными памятниками искусства периода верхнего палеолита, найденными во многих странах. Можно предположить, что эти памятники были связаны с определенными религиозными представлениями людей, придававших магический смысл изображениям животных. Магия могла служить стремлению умножать поголовье животных или достичь успехов в охоте. Наконец, животные могли изображать тотемы³⁸.

В связи с религиозными представлениями палеолитического человека рассматриваются и наскальные рисунки у дер. Пангудон уезда Юльжу. Хотя на этих скалах осталось много различных рисунков позднейших эпох, точечные изображения оленей и других животных, сохранившиеся в самой верхней части, археологи относят к верхнему палеолиту, полагая, что именно для выбивания таких рельефных рисунков на скалах или иной подобной деятельности могли служить многочисленные каменные долота или резцы (сэгигэ), обнаруженные на месте жилья в стоянке Сокчанни. Поскольку эта стоянка датируется более ранним временем, чем наскальные рисунки у о. Байкал или в верховье Лены (Шишкино), южнокорейские археологи высказывают даже предположения о возможности влияния юга на их возникновение, полагая, что по мере таяния ледников могло произойти перемещение населения из южных районов (Кореи и др.) на север (в сторону Сибири). Причем общность стоянки Сокчанни с верхнепалеолитическими культурами Сибири и Северного Китая усматривается в том, что, несмотря на растущее число орудий из отщепленных пластин, половину общего числа каменных орудий составляют изготовленные ядра.

Хотя исследования по раскопкам в Сокчанни еще не завершены, длительность существования этой стоянки в период верхнего палеолита доказывается наличием огромного количества

³⁸ Там же, с. 42.

каменных орудий, обнаруженных на месте жилья (до 20 тыс. штук). По характеру применявшихся каменных орудий прослеживаются определенные этапы в техническом совершенствовании их вплоть до перехода к мезолиту, когда преобладало применение мелких орудий³⁹. Дальнейшие раскопки палеолитических стоянок несомненно пополнят сведения по истории древнейшего населения корейского полуострова.

Однако и по имеющимся (пока предварительным) данным о корейском палеолите можно утверждать, что Корейский полуостров был населен в самую отдаленную эпоху зарождения и становления человеческого общества, что на протяжении сотен тысячелетий эволюционного развития и здесь сформировался современный человек (*homo sapiens*), достигший в период позднего (верхнего) палеолита начальной (матриархальной) стадии родового строя. К этому времени явно расширились связи между различными районами, получил развитие язык как средство общения, формировались религиозные представления (например, тотемизм и магия), находившие отражение в изобразительном искусстве.

НЕОЛИТ

Неолитическая (новокаменная) эпоха — дальнейший этап в прогрессивном развитии человечества, когда произошли крупные перемены в состоянии общественных производительных сил. Совершенствование каменных и костяных орудий, появление разнообразного хозяйственного инвентаря сопровождалось значительным увеличением ресурсов питания и одежды, появлением долговременных стоянок с постоянным жильем. Наряду с охотой и рыболовством все большее значение стали приобретать земледелие и разведение домашних животных.

Отличительным признаком начала неолитической эпохи наряду с появлением шлифовки каменных орудий служит применение керамических сосудов для приготовления или хранения продуктов питания. Типы этой керамики служат археологам ориентирами для определения последовательности в смене археологических культур (относительной хронологии). Для абсолютной их датировки все шире применяется радиоуглеродный метод, позволяющий (при определенных условиях) довольно точно установить возраст археологических памятников.

Еще в 60-х годах весьма приблизительно определялся возраст неолитических культур Кореи. Отмечая, что точная датировка первобытных культур Кореи представляет «задачу будущего», возраст стоянок Кунсани и Читхамни То Юхо определял путем сравнения их с другими археологическими культурами Восточной

³⁹ Там же, с. 43—44.

Азии. Исходя из того, что культура Кунсанни принадлежала к тому же периоду жаркого субтропического климата, когда в Аньяне существовала китайская культура шан-иньского периода (верхняя ее граница датируется ок. 15 в. до н. э.), То Юхо полагал, что культура Кунсанни может быть датирована никак не позже шан-иньской. Затем на основе сопоставления с данными байкало-енисейской культур Китои и Глазкова То Юхо приходил к заключению, что культуры Кунсанни и Читхамни (1-й участок) можно датировать от 3600—3700 до 4000 лет до н. э., а культуру 2-го участка Читхамни — концом II тыс. до н. э. А неолитическую культуру северо-восточной Кореи (Нонпхо, Комынгэбон) с керамикой гребенчатого и меандрового орнамента То Юхо сравнивал с археологической культурой Зайсановка I (Гладкая I) в Приморье, которую советский археолог Г. И. Андреев датировал 16—12 вв. до н. э. Принимая эту датировку, То Юхо однако отрицал принадлежность данной культуры к бронзовому веку⁴⁰.

После обзора существовавших к концу 50-х годов мнений по проблеме датировки неолита Кореи и соседних районов Восточной Азии, М. В. Воробьев отмечал, что древнейшие из известных неолитических культур Кореи относятся к III тыс. до н. э. (замечая: «конечно, отыщутся и более древние»), а конец неолита падает на V—IV вв. до н. э.⁴¹.

Опираясь на исследования последних лет, археологи Южной Кореи выдвигают идею о возможности разделения корейского неолита на ранний, средний и поздний путем установления хронологической последовательности типов археологических памятников (в частности, керамики) и сравнения их с аналогами из соседних стран. Одновременно отмечается невозможность точной датировки из-за недостатка материалов для радиоуглеродного анализа и нерешенности проблем датировки неолита соседних стран — Приморья (и Сибири), Монголии, Китая и Японии. Причем, как замечено, в археологии последнего времени принято перемещение начальных дат во все более отдаленную древность (в связи с поправками, вносимыми радиоуглеродным методом). Начало китайского неолита датируется на 1000—2000 лет раньше, чем указывалось Дж. Андерсоном⁴². И практически начало китайского неолита — древнего периода культуры яншао — датируется 3700—3900 гг. до н. э.⁴³. Но при определении возраста корейского неолита очень важное значение имеют данные о японском неолите, в датировке которого (по радиоуглеродному мето-

⁴⁰ См.: То Юхо. Первобытная археология Кореи, с. 95.

⁴¹ См.: Воробьев М. В. Указ. соч., с. 34.

⁴² Chang K. C. Relative chronologies of China to the End of Chou. Ehrlich. Chronologies in the old world archeology. Chicago, 1965, p. 503—526; Хангукса, т. I, с. 161.

⁴³ Pearson R. Radiocarbon Dates from China.— «Antiquity», 186 (1973), p. 141—143; Хангукса, т. I, с. 161.

ду) существует немало противоречий, требующих объяснений и уточнений.

Существование раннего периода неолита устанавливается такими памятниками самого раннего слоя культур Тонсамдон I (в устье р. Нактонган, пров. Южн. Кёнсан) и Кульпхо I (пров. Сев. Хамгён), как гладкая (безорнаментная) керамика более раннего происхождения, чем гребенчатая, и топор из отщепленного куска камня со следами обработки (шлифовки) в режущей части. Хотя культура Тонсамдон I сохранилась и в период распространения гребенчатой керамики, она считается более ранней и принадлежавшей коренному населению Корейского полуострова, жившему там еще до прихода людей с гребенчатой керамикой. Однако абсолютная датировка ранненеолитической культуры Тонсамдон I наталкивается на трудности, так как по данным радиоуглеродного анализа собранных углей (2995 г. до н. э. по А. Мору, 2930 и 3230 гг. по Кавасака) она существовала позже, чем керамика типа Собата (на о. Кюсю), появившаяся под непосредственным влиянием корейской гребенчатой керамики и датируемая 3240 г. до н. э.⁴⁴ Лишь допуская возможность преувеличения в этой дате, Ким Вольён полагает, что появление гребенчатой керамики в Корее можно датировать примерно 3000 г. до н. э. (или 2995 г. для Тонсамдона I), когда заканчивался ранний период неолита. Исходя из этого, начало периода предположительно датируется серединой IV тыс. (ок. 3500 г.) до н. э., так как именно к теплоту для всего земного шара периоду с 4000 до 2000 гг. до н. э. относится появление неолитических насельников в Корее.

При выяснении общего направления в распространении неолитических культур Восточной Азии (в частности, и вопроса о происхождении корейского населения) важное место занимает сравнение неолитических культур Кореи и Японии. Рассматривая черты, сближающие раннюю неолитическую керамику Японии (типа Собата на о. Кюсю, Камикуроива на о. Сикоку и Косэкасава из префектуры Синью), особенно керамику с выступающим (налепным) орнаментом, с аналогичной керамикой Кореи, Забайкалья (г. Шилка) и Монголии, археологи ставят вопрос о взаимосвязях между ними и хронологической последовательности их распространения. Однако после признания, например, сходства между неолитом Кореи и Японии наблюдаются значительные расхождения во взглядах археологов при подходе к проблеме датировки. Одни японские археологи, как Сэридзава Тёкай (Нагасукэ?) и др., высказывая идею о зарождении керамики с налепным орнаментом в низовьях Амура и проникновении в Японию через Корею, ее появление в Японии датируют столь давним временем, что противоречат всей существующей периодизации

⁴⁴ Хангукса, т. I, с. 162—163.

первобытной истории стран Дальнего Востока⁴⁵. С другой стороны, Ямауги К., Сато Т. и другие, связывая происхождение древнейшей японской керамики типа Косэкасава с проникновением корейской керамики из района Сев. Хамгён (происхождение которой, в свою очередь, уходит через Сибирь к берегам Черного моря), ее появление в Японии датируют примерно 2500 г. до н. э. Это определение начала японского неолита, по словам Ким Вольёна, хорошо согласуется с датировкой появления корейской гребенчатой керамики (восходящей к аналогичной керамике Сибири), но совершенно противоречит показаниям радиоуглеродного анализа, определяющим возраст японского неолита в 10 тыс. лет до н. э. Поэтому выходом из этого противоречия может быть коренное изменение существующей датировки (перенесение в глубь веков) появления гребенчатой керамики Сибири и северо-западной части России или признание возможности проникновения в Корею гребенчатой керамики из Японии; или, наконец, признание неточности самого радиоуглеродного метода датировки⁴⁶.

Несмотря на нерешенность многих вопросов абсолютной хронологии корейского неолита, относительная хронология его раннего периода устанавливается тем, что до появления типично гребенчатой керамики, хотя бы на ограниченной территории Кореи, существовал особый тип керамики, называемой догребенчатой. Ввиду того, что эта керамика не найдена лишь на западном побережье Кореи, можно говорить о временной или территориальной ограниченности ее распространения. Однако в Тонсамдоне (на юге) и Кульпхо (на северо-востоке) ее расположение стратиграфически ясно предшествует слою типично гребенчатой керамики, поэтому она и считается признаком этапа ранней неолитической культуры (культура Тонсамдон I), датируемой примерно с середины IV тыс. до 3000 г. до н. э. Правда, не весь слой Тонсамдон I принадлежал раннему неолиту, так как частично там были представлены и самые ранние памятники следующего периода.

Средний период неолита датируется распространением специфической керамики гребенчатого типа, встречающейся в таких археологических культурах, как Наджин, Кульпхо I^a на северо-востоке; Чхонхори, Ояри, Амсари I, Мисари I на западном побережье; Тонсамдон I (верхний слой), Тонсамдон II, Синамни II в бассейне р. Нактонган и др.

Отличительным признаком керамики этого периода (называемого также I периодом гребенчатой керамики) является четкий поперечный орнамент в виде рыбьего скелета, который, как правило (за исключением предметов из бассейна р. Тэдонган), украшает горловую часть сосудов. В этот период применялись

⁴⁵ См.: Сэриджава Т. О происхождении керамики в Восточной Азии. — «Рэ-киси кэнкю», т. 17, № 4, 1969, с. 1—9.

⁴⁶ Хангукса, т. I, с. 164, 165.

недостаточно шлифованные (оббитые) каменные орудия, а основным занятием населения были рыбная ловля и охота. При определении абсолютной даты начального рубежа периода ориентиром служат данные, полученные с помощью радиоуглеродного метода (ок. 3200 лет до н. э.) японской керамики Собата (из центральной и западной части о. Кюсю), на которой явно прослеживается влияние корейской керамики культур Тонсамдон II и Синамни II. Конец периода отмечается появлением плоскодонной керамики с криволинейным орнаментом и полулунных ножей, связанных с занятием земледелием. Южнокорейские археологи усматривают связь между началом позднего неолита в Тонсамдоне и появлением в Японии поздненеолитической керамики дзёмон, датированной ок. 1500 г. до н. э. Из этих сопоставлений делается вывод, что средний период корейского неолита начался ок. 3000 лет до н. э. и продолжался вплоть до первых веков II тыс., т. е. ок. 1800—1700 гг. до н. э.⁴⁷

Поздний период корейского неолита представлен такими культурами, как Мисонни I, Ссанхакни, Синамни и др. в бассейне р. Амноккан; Чхонхори II, Қымтханни, Читхамни, Кунсанни в бассейне р. Тэдонган; Кёдон уезда Чхунчхон (пров. Канвон), Амсари II, Мисари II, о. Сидо в бассейне р. Ханган, о. Тэхыксандо и Сохыксандо в архипелаге Намхэдо, Тонсамдон III, Амнамдон, Тодэдон, Нонсори в устье р. Нактонган; Хыккубот, Нонпхори, Сонпхёндон, Кудьпо I в северо-восточной Корее. Этот период характеризуется началом подлинного земледелия (о чем свидетельствуют полулунные ножи и зернотерки), употреблением плоскодонной керамики с криволинейным орнаментом или керамики с меандровым орнаментом, причем на западном побережье в глину примешивали тальк и асбест. Южнокорейские археологи отмечают, что при незначительности масштабов переселения пришельцы естественно и мирно ассимилировались с прежним населением Кореи, имевшим культуру гребенчатой керамики⁴⁸.

При абсолютной датировке периода принимают во внимание находки в Тонсамдоне черепков поздненеолитической японской керамики с о. Кюсю, сходство широкогорлой чаши из черной керамики культуры Амсари с черной керамикой из Лунышаня (Сев. Китай). Учитывается также, что поздний неолит Японии датируется ок. 1500 г. до н. э., а возраст культуры с поздненеолитической культурой северо-восточной Кореи исчисляется от 1500 до 1000 г. до н. э. В сравнении с ними рассматриваются и полученные в южной Корее данные радиоуглеродной датировки культур Тонсамдон III (1450 г. до н. э.) и о. Сидо (1090 г. до н. э.). Исходя из этих данных и предполагая распространение неолитической культуры с материка (через Корею) на Японию, начало

⁴⁷ Там же, с. 166—167.

⁴⁸ Там же, с. 167.

периода позднего неолита в Корее определяется в 1800—1700 гг. до н. э. Конец же этого периода (и неолита вообще) связывается с массовым нашествием из района Маньчжурии и Монголии людей с бронзовым оружием и гладкой, безорнаментной керамикой, которое явилось отзвуком потрясений в Китае и Юго-Западной Маньчжурии, вызванных подъемом в Сибири и Ордосе обществ с бронзовой культурой. Поскольку самой архаической формой бронзовых орудий, обнаруженных в Корее, являются орудия тагарско-ордосско-ляонинского типа, нашествие в Корею людей бронзовой культуры относят не ранее 700 г. до н. э. (времени появления тагарско-ордосской культуры). Показания радиоуглеродного анализа культуры гладкой керамики (500—280 гг. до н. э.) не противоречат этому предположению, поэтому конец неолита и начало бронзы датируется примерно 700—600 гг. до н. э. Предположение некоторых корейских ученых, относящих начало бронзового века в Корее к значительно более раннему времени, опирается на том основании, что бронзовый век Японии, зародившийся под влиянием корейской бронзовой культуры, датируется не ранее 300 г. до н. э. Период позднего неолита (или II период культуры гребенчатой керамики) датируется от 1800—1700 гг. до н. э. до 700—600 гг. до н. э.⁴⁹

Эта периодизация, конечно, не может считаться бесспорной, являясь лишь одним из вариантов обобщения итогов изучения неолитических стоянок на территории Корейского полуострова. Всего исследовано около 100 стоянок (и в них, по некоторым предположениям, проживало до 50 тыс. человек)⁵⁰, распространенных по всему Корейскому полуострову. Они располагались преимущественно по морскому побережью (включая прибрежные острова) или по берегам озер и рек. Классифицируют их по основным историко-археологическим районам: Северо-Восток, Северо-Запад, Центр, Юго-Запад и Юго-Восток.

В северо-восточном районе, охватывающем провинции Сев. и Южн. Хамгён, неолитические памятники найдены по течению р. Туманган и вдоль морского побережья, от Унгый, Наджина и Чхонджина до уезда Синчхон (пров. южн. Хамгён). По характеру неолитической культуры этот район явно примыкает к соседней территории Приморья и издавна (с палеолита) имел связи с культурами Монголии и Юго-Западной Маньчжурии. Прежде всего исследования и открытия ученых КНДР серьезно обогатили знания по археологии этого района. Ими выявлен ряд новых археологических культур и памятников. Довольно многочисленные неолитические жилища были открыты в Одоне (уезд Хверён, Сев. Хамгён), в Сонпхёндоне (уезд Кёнхын, той же провинции), на о. Чходо у г. Наджин (уезд Кёнхын), в Сонодоне у г. Сонджин

⁴⁹ Там же, с. 168.

⁵⁰ Там же, с. 88.

(Ким Чхак) и другие. Здесь археологи получили представление не только о форме и характере жилья, но и о разнообразном неолитическом инвентаре. Были обнаружены разнообразные по форме наконечники стрел и копий, шлифованные топоры и мотыги, полулунные ножи и зернотерки, а также грузила от рыболовных сетей, пряслица и другие предметы. В стоянке Нонпхо (гор. Чхонджин) найдено огромное количество изделий из обсидиана (ножевидных пластин, скребков и пр.).

Обнаруженная в этом районе керамика может служить определенным ориентиром для периодизации неолитической культуры. Безорнаментная керамика из Кульпхо, предшествовавшая появлению так называемой гребенчатой и рассматриваемая как древнейшая, служит для определения раннего периода неолита. Для керамики из Наджина (уезд Кёнхын, найденной еще в 1916 г., характерен орнамент из ряда коротких прямых параллельных линий без рыбьего скелета, а вдавленный орнамент наджинской керамики имеет продолжение в самой ранней неолитической керамике Японии⁵¹.

Черепки из стоянки Санпходон (г. Ким Чхэк) дают представление о сосудах с прямой или изогнутой горловиной, с выпуклым туловом и, вероятно, плоскодонных. Орнаменты на них нанесены то в виде рядов точек, то в виде линий от зубчатого инструмента наподобие рыбьего скелета, характерного для керамики Западного побережья⁵².

Переход к так называемому второму периоду гребенчатой керамики (или к позднему периоду неолита) отмечен изменениями в форме и орнаменте сосудов. В слое Кульпхо I в. как и в предыдущем (Ia), преобладает форма плоскодонной цветочницы, но попадались и бутылеобразные сосуды с длинным горлом, вывернутым наружу. В орнаменте ряды точек сочетаются с несколькими рядами наклонных параллельных линий (штрихов), проведенных в «ёлочку», и одним пояском выпуклого орнамента у горловины. Ряды точек, нанесенные поперечно 4—5-зубчатым предметом, воспринимаются как рыбий скелет, а продольно проведены ряды линий и точек. В таком орнаменте из рядов линий или точек явно прослеживается влияние гребенчатой керамики Монголии, имеющей продольные ряды из коротких косых линий. А криволинейный орнамент, состоящий из сочетания S-образных спиралей, напоминает орнамент на китайской цветной керамике из Баньшаня (пров. Ганьсу)⁵³. Разнообразная керамика с точечным, пунктирным и меандровым орнаментом обнаружена в стоянках уезда Хверён, Помыйкусок уезда Мусан, а также Нонпходон в г. Чхонджин. О разнообразии форм и орнамента керамики этого периода свидетельствуют сосуды из Нонпходона (рис. 5). В окрас-

⁵¹ Там же, с. 151—152.

⁵² Там же, с. 153.

⁵³ Там же, с. 154.

ке, формах и орнаменте их проявились общие черты керамики этого периода, найденной и в других районах — на западном побережье и в южной части Корейского полуострова⁵⁴.

Несмотря на невыясненность типов каменных орудий по периодам, характерным для стоянки Нонпходона, наряду с зернотеркой и полированным топором были изделия из обсидиана: но-

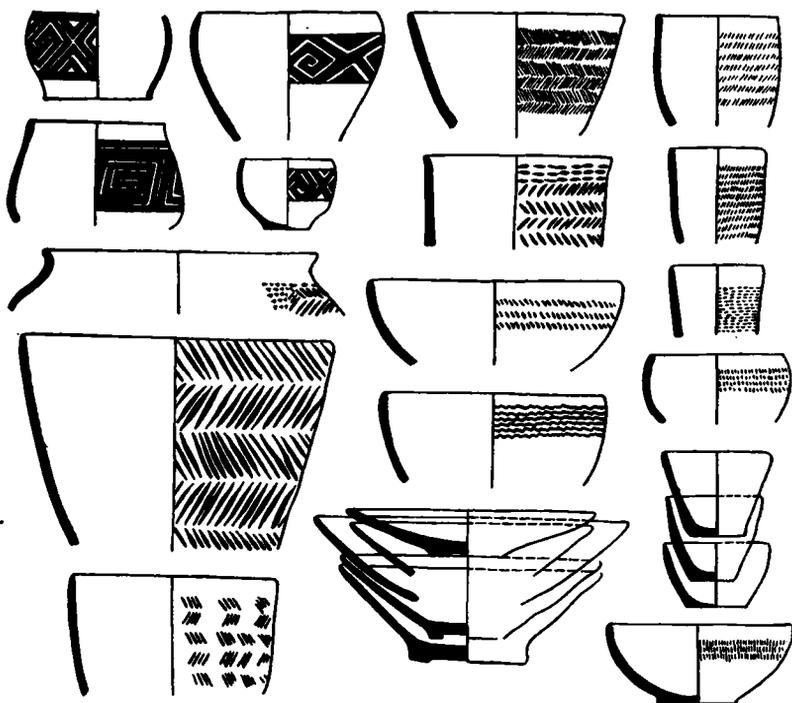

Рис. 5. Образцы неолитической керамики из Нонпходона

жи, проколки, скребки, наконечники стрел и др., (рис. 6), т. е. изделия, типичные и для других стоянок этого периода.

В северо-западном районе более ранними (относящимися к среднему периоду) неолитическими стоянками являются такие, как Чхонхори (около Пхеньяна), исследованная еще в 30-х гг. японскими археологами. Типичными для данного периода считаются лишь оббитые и полуполированные каменные орудия. Топоры, например, сделаны из сколотого галечника с легкой полировкой рсжущей части. Каменные грузила имели четко выделявшиеся канавки для веревочек, прикреплявшихся к сетям⁵⁵.

⁵⁴ Там же, с. 156, 157.

⁵⁵ Там же, с. 101, 115.

Хорошо исследованные стоянки Северо-Западного района относятся к позднему периоду неолита. Среди них следует отметить многочисленные стоянки в бассейнах рек Амноккан и Тэдонган. В стоянке Конгври (около г. Канге) на берегу реки Токноган выявлены квадратной формы землянки (со следами столбов, очагов и хозяйственных ям) и различные предметы: наконечники

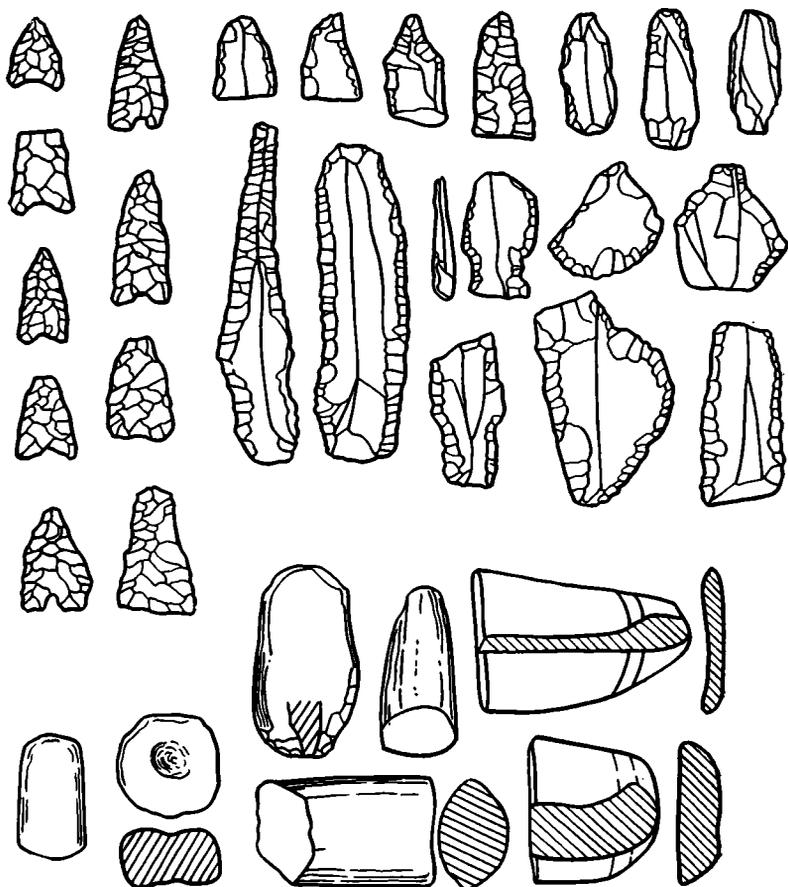

Рис. 6. Неолитические каменные орудия из Нонпходона (г. Чхонджин)

стрел, топоры, тесла, гарпуны, шилья, округлодонные и плоскодонные керамические сосуды, а также кости животных и рыб⁵⁶. Керамика в стоянках бассейна р. Амноккан представлена такими, как поздняя гребенчатая с содержанием асбеста и талька в тесте,

⁵⁶ Воробьев М. В. Указ. соч., с. 13.

плоскодонная с меандровым орнаментом (стоянка Синамни уезда Ёичхон, пров. Чаган), а также плоскодонная с криволинейным зигзагообразным орнаментом (стоянка Мисонни уезда Ёйджу), напоминающая цифэн-хуншаньскую культуру Внутренней Монголии. Стоянка переходного периода к бронзе (Чансонни и Тхосонни уезда Чунган) имеет общее с неолитической культурой Северо-Восточного района⁵⁷.

В стоянке Кунсанни (по старому названию, теперь Унхари уезда Ончхон, провинции Южн. Пхёнан), охватывавшей площадь

около 5 тыс. кв. м, выявлены землянки круглой формы (у основания) с очагами в центре жилища и разнообразный инвентарь из камня и рогов. Из каменных орудий найдено 14 полированных топоров (из гранита или малахита), около 70 наконечников стрел (из гнейса), 10 наконечников копья, мотыга, множество зернотерок (в форме каменных площадок с пестом), употреблявшихся, вероятно, как для обработки зерна, так и мяса и других продуктов. Найдены также грузила, точила и яшмовые украшения. Особое внимание привлекают мотыги из оленьих рогов, серпы или резцы из кабаньих клыков, шилья, гребни, и костные инструменты для нанесения узоров на керамику. Характерной чертой керамики, представленной круглодонными и плоскодонными сосудами, была примесь талька. Типичным орнаментом являлась форма рыбьего скелета в сочетании с поясками из точек или рядов коротких линий (см. рис. 7). Попадались и гладкая (безорнаментная) керамика. Поражало обилие костей

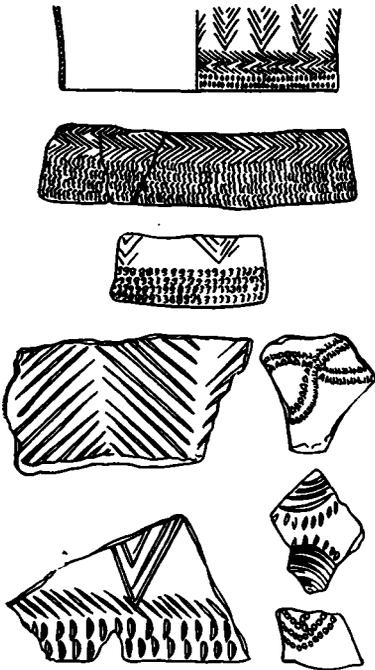

Рис. 7. Образцы орнамента типичной неолитической (гребенчатой) керамики из Кунсанни

и рогов оленей, а также наличие костей буйвола, свидетельствующих о жарком климате периода существования стоянки. Форма жилища и порода оленей указывали на северное происхождение ее обитателей, которые даже в условиях жаркого климата сохранили традиционную для Севера форму жилища⁵⁸.

Типичной для бассейна р. Тэдонган неолитической стоянкой является Кымтханни (уезд Тэдон, пров. Южн. Пхёнан), где выяв-

⁵⁷ Хангукса, т. I, с. 104—105.

⁵⁸ См.: То Ю х о. Первобытная археология Кореи, с. 81.

лены сотни жилищ и разнообразные каменные изделия (полулунные ножи, топоры, тесла, наконечники стрел и копий, зернотерки, грузила и др.) и фрагменты характерной круглодонной керамики с гребенчатым орнаментом. В стоянке Миримни (в районе Пхеньяна) наряду с типичным каменным инвентарем и керамикой были обнаружены кости древнего быка и дикой лошади⁵⁹.

В культуре бассейна р. Тэдонган примыкает и находящаяся в Сев. Хванхэ стоянка Читхамни (уезд Понсан), где в неолитическом слое (под слоями культур железа и бронзы) найдены землянки квадратной формы, различные каменные орудия: наконечники стрел и копий, зернотерки, лемех, серпы и топоры, молот, огниво (кресало), грузила — и инструменты для нанесения орнамента, а также керамические сосуды как более раннего времени (остродонные), так и позднего периода (округлодонные и плоскодонные), с зигзагообразным орнаментом или модифицирующим рыбий скелет, или без орнамента (гладкие, красно-коричневого цвета). Эта стоянка довольно широко представляет неолитическую культуру позднего периода, к которой относятся и другие стоянки провинций Сев. и Южн. Хванхэ (Ёнданпхо в Хэджу, Чомамдон в Онджине, Монгымпхо в уезде Чанъён)⁶⁰.

В Центральном районе (пров. Кёнги и Канвон) исследованы неолитические стоянки бассейна р. Ханган и примыкающих островов западного побережья, которые территориально близки неолитической культуре бассейна р. Тэдонган. Раскопками 1971 г. впервые в центре страны выявлено жилище неолитического человека в Амсари (по-старому — уезд Кванджу, а теперь Амсадон в сеульском районе Сондон) вместе с разнообразными каменными орудиями и керамикой, позволяющими говорить о периодизации неолитической культуры этого района. Несмотря на отсутствие опубликованных отчетов об этих раскопках археологи Южной Кореи указывают на существование здесь двух периодов в развитии гребенчатой керамики (кратковременного I периода и более длительного II периода), соответствовавших II и III периодам неолита. Для ранней гребенчатой керамики низовья р. Ханган (Мисари, Амсари I) характерно соединение косолинейного орнамента в горловой части с продольным рыбьим скелетом в тулове. Образцом керамики этого типа может служить остродонный сосуд из Амсари I, тесто которого состоит из глины с песком (с естественной примесью слюды).

Гребенчатая керамика II периода характеризовалась наличием плоского дна, отсутствием орнамента в нижней части и примесью асбеста и талька в тесте. В Амсари керамика II периода по-прежнему содержала в тесте естественную примесь слюды, но имела форму срезанного рога и более разнообразный орнамент. Призна-

⁵⁹ См.: Воробьев М. В. Указ. соч., 15.

⁶⁰ Хангукса, т. I, с. 112—114.

ками принадлежности ее ко II периоду служат более огрубленный и экономный орнамент рыбьего скелета, наличие ветвистого и точечного орнамента, а также плоское дно. В Мисари встречается также меандровый и спиральный орнамент, свидетельствующий о принадлежности к более позднему периоду.

Раскопками 1971 г. в Амсари установлено употребление ранних, оббитых из галечника, каменных орудий, но появление большого количества полированных каменных топоров, хотя и с выборочной обработкой булыжника (рис. 8), свидетельствует о наступлении уже стадии развитого неолита. Наконечники стрел — двухлопастные и листовидные — родственны по форме с кунсанскими. Из остального каменного инвентаря следует отметить характерные ножи из кремнистого сланца (с односторонним резцом), пряслицу, зернотерку и полулунный нож без отверстий (из раскопок 1971 г.). Кроме того, из стоянки Мисари этого периода обращает внимание полированное каменное приспособление (шпулька) для вязания сетей (длиной 7,6 см, шириной 2,6 см) с отверстием и особыми выемками для нитей. Треугольный нож из кремнистого сланца, найденный в стоянке Тонмактон уезда Янджу (выше Мисари по р. Ханган), типологически является разновидностью полулунного ножа. Аналогичные каменные орудия найдены и на островах Западного побережья⁶¹.

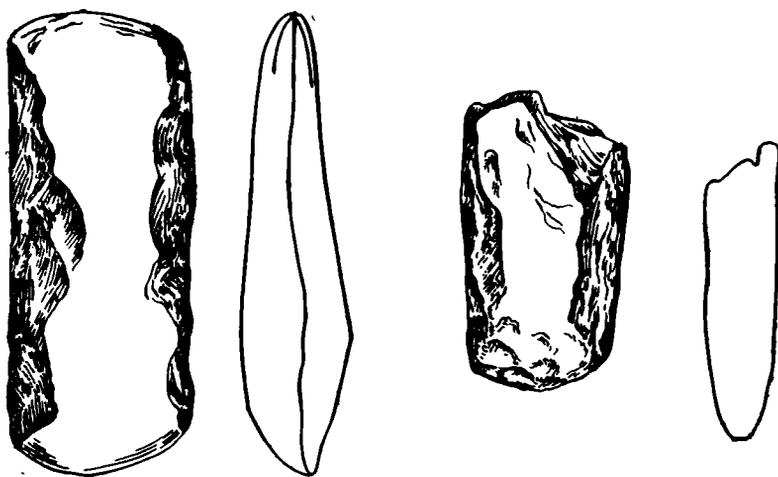

Рис. 8. Каменные топоры из Амсари

⁶¹ Там же, с. 128—133.

Неолитические стоянки пров. Канвон изучены крайне слабо — всего три стоянки по побережью и одна в материковой части (в Чхунчхоне). Керамика прибрежной стоянки Ёнджинни (уезд Мёнджу) похожа на гребенчатую керамику пров. Хамгён: глинистое тесто и V-образная форма, суженная или расширенная горловина с косолинейным или точечным орнаментом, сочетающимся с рыбьим скелетом в тулове. Наряду с хамгёнскими элементами прослеживается сходство и с керамикой Западного побережья. Попадают и черепки безорнаментной керамики плоскодонных сосудов⁶². В материковой стоянке Кёдон (уезд Чхунчхон), находящейся в искусственной пещере, вместе с большим количеством каменных орудий найдены и 5 целых керамических сосудов высотой от 9 до 13 см, горшкообразной формы, с плоским дном. Наконечники стрел, треугольные без черенков или листообразные, напоминают по типу кунсанские. Кусок трубчатого нефрита (с наполовину выдолбленным отверстием), очевидно, занесен с севера (пров. Хамгён).

В стоянках Центрального района почти не попадают изделия из рогов и костей (по некоторым предположениям, они просто могли истлеть в почве).

Изучение стоянок Юго-Восточного района (пров. Сев. и Южн. Кёнсан) позволило в последние годы уточнить периодизацию неолита на ранний, средний и поздний. В этом отношении особенно важным было исследование раковинных куч в Тонсамдоне (Пусан), где ранний период определяется протогребенчатой керамикой самого нижнего слоя культуры Тонсамдон I, в котором выявлены и широкогорлые плоскодонные сосуды без орнамента, и гладкая полушарообразная керамика с круглым дном, и грубые сосуды с налепными выступами на поверхности, и сосуды с ровным пояском и рядами косолинейных украшений, или сосуды с орнаментом, напоминающим швы на кожаных изделиях, и плоскодонные сосуды с выступающим в виде пояса орнаментом, а также резко отличающиеся от всех перечисленных круглодонные сосуды с надавленным орнаментом в форме рыбьего скелета и с тщательным оформлением горловины рядами Δ -образных или перекрещенных коротких линий (X). И этот последний орнамент встречается только у горловины и в верхней части сосудов. Тесто их состоит из глины с примесью песка (или иногда мелкой гальки). Указывая на факт существования рядом сосудов гладких и орнаментированных, круглодонных и плоскодонных, южнокорейские исследователи полагают, что облик тонсамдонской керамики позволяет говорить о том, что на стадии преобладания гладкой (безорнаментной) плоскодонной керамики вторжение извне круглодонной керамики с надавленным в форме рыбьего скелета орнаментом вызвало значительное усложнение внешнего вида керамики⁶³.

⁶² Там же, с. 145—146.

⁶³ Там же, с. 139.

Несмотря на отсутствие подробного отчета о раскопках в Тонсамдоне, южнокорейские археологи обращают внимание на то, что в самом нижнем его слое найден полуполированный топор, представляющий слегка оббитый естественный кусок камня, отполированный только в режущей части. При этом подчеркивается его отличие от типичных галечных изделий Западного побережья, встречающихся в более позднее время⁶⁴.

Наступление среднего периода неолита (I периода гребенчатой керамики) в этом районе фиксируется культурами Тонсамдон II, Енсондон I, Синамни и Тодэпхо I.

В Тонсамдоне II оно ознаменовалось появлением в большом количестве гребенчатой керамики с орнаментом, вдавленным в виде ровных рядов коротких косых линий у горловины и продольных рыбьих скелетов в тулове. Что касается каменных орудий, то наряду со скребками из осколков булыжника и продолговатыми треугольными наконечниками стрел здесь были обнаружены обсидиановые наконечники стрел с проемом у основания, а также наконечники для гарпунов и др. В раскопках 1964 г. попался и один полулунный нож с отверстиями. Остается невыясненным вопрос о происхождении обсидиана — привозился ли сюда из северных районов Кореи (пров. Хамгён) или попал из Японии. К этому же периоду культуры Тонсамдон относится большое количество орудий из костей, рогов и раковин. Вместе с костяной иглой, шилом, листообразным наконечником стрелы был найден большой рыболовный крючок (длиной 5 см) с бородкой и специальными выемками для привязывания лески. А собачий клык с дыркой, вероятно, служил или украшением или инструментом для нанесения орнамента на керамику⁶⁵.

В культурном слое Тонсамдон III представлен следующий II период гребенчатой керамики, или поздний неолит. Наступление его в устье р. Нактонган характеризовалось исчезновением груболинейной гребенчатой керамики и появлением керамики с двойной двуступенчатой горловиной и плоским дном, с орнаментом из рядов косых продолговатых пунктиров (точек), характерных для конца гребенчатой керамики. В отличие от Западного побережья здесь не встречается в тесте примесь талька или асбеста. В слое Тонсамдон III обнаружены (в незначительном количестве) черепки японской керамики дзёмон, свидетельствующие о каких-то связях населения с японскими островами. В стоянках Амнамдона (г. Пусан) и Нонсари (г. Кимхэ) наблюдаются вариации поздней тонсамдонской керамики. Сосуды с двойным горлом из Нонсари не имеют орнамента, а их форму невозможно восстановить по сохранившимся фрагментам. Но судя по тому, что позднегребенчатые сосуды с одинарным горлом имели остроконечное или

⁶⁴ Там же, с. 142.

⁶⁵ Там же, с. 144.

рубленное дно, допускают возможность возникновения этой керамики под влиянием остродонной⁶⁶.

Что касается каменных орудий этого периода, то они не отличались существенно от орудий среднего периода, причем в Тонсамдоне преобладали обсидиановые.

Юго-Западный район (пров. Южн. Чхунчхон, Сев. и Южн. Чолла с примыкающими островами) располагает небольшим числом изученных неолитических стоянок на островах юго-западного побережья (в уезде Муам), достаточно удаленных от материка. Найденная на о. Тэхьксандо керамика продолжает традицию гребенчатой керамики типа Амсари, сделана из красивого теста (с примесью песка), имеет светло-коричневый или темно-коричневый цвет и яйцеобразную форму. Орнамент, продолжающий традицию точечного орнамента западного побережья, оформлен в виде рядов рисинок или коротких линий, нанесенных краем раковины. Каменные орудия, сделанные из расколотых кусков булыжника, отличаются значительной простотой (имеют форму чопера или скребел). Попадаются и топоры (3 шт.), изготовленные из естественного куска булыжника путем полировки режущей части⁶⁷.

Чтобы получить общее представление о жизни неолитического человека, особенно важно знакомство с характером жилья и расположением стоянок. При многочисленности найденных неолитических памятников следы жилья встречались крайне редко, и они исследованы преимущественно на территории КНДР в период после освобождения страны. Находки неолитического жилья в Южной Корее сделаны лишь в самое последнее время (Амсари). Таким образом, о неолитическом жилье можно судить по немногочисленным находкам — по 3 землянкам в стоянке Читхамни, 5 землянкам стоянки Кунсанни, по землянке в стоянке Сопхохан (в 20 км от г. Унгый) и в стоянке Тхосонни (уезда Чунган, пров. Чаган) и по 7 землянкам в Амсари, в Южной Корее⁶⁸. К особому типу неолитических жилищ относятся пещерные в Мисонни и Кёдоне.

Расположение жилищ и стоянок вообще зависело от природных условий и связанного с ними хозяйственного уклада. Как правило, жилье располагалось на возвышенной местности, удаленной от возможного затопления. Учитывалась также необходимость защиты от ветров и приближения к месту хозяйственной деятельности (к источникам рыбной ловли и охоты, к посевам зерновых и пр.). Землянки в Читхамни и Тхосонни располагались внутри земляного вала или на ровной площадке возле него, а в Кунсанни и Сопхохане — на склоне холма или круглой возвышенности. Исключением из этого правила являлись стоянки Амсари

⁶⁶ Там же, с. 141—142.

⁶⁷ Там же, с. 135—137.

⁶⁸ Там же, с. 63—72.

и Седжукни, где жилища стояли непосредственно на равнинном берегу реки. Жилье возводилось на естественном фундаменте (выветрившемся граните, песке или раковинной куче, как в Кунсанни и Сопхохане), который обмазывался достаточно плотным слоем глины, прокаливаемой часто огнем. Исключением было жильё в Амсари, где глина, возможно, просочилась в слой песка и не оставила никаких следов. Глиной укреплялись и стены землянок. Пол, как правило, находился в углублении от поверхности земли в среднем на 60 см, иногда на 30 см, максимально до 1,2 м.

По форме землянки различались на округлые и прямоугольные. Четко квадратную форму имело жильё № 1 в Читхамни. Землянки в Седжукни и Тхосонни имели форму прямоугольника, а жильё № 5 в Кунсанни представляло как бы переходную форму от округлой к прямоугольной, если допустить возможность перехода от преобладающей округлой формы к прямоугольной. Но поскольку жильё № 1 из Читхамни является самым древним из известных, можно предположить раннее существование квадратной формы землянок, что имеет аналогии в формах ранних жилищ периода дзёмон в Японии и в культуре яншао в Китае⁶⁹. Круглая форма жилья (землянок), общая с формой жилья северных оленеводческих племен (наряду с общностью керамики Читхамни и Кунсанни с керамикой китайской и глазковской культур байкало-енисейского района), дала основание То Юхо выдвинуть гипотезу о приходе в неолитическую Корею алтайских племен или палеоазиатов (родственных эскимосам)⁷⁰.

Крупные из круглых землянок имели диаметр около 6 м, а землянка № 3 в Читхамни — всего лишь 3,5 м. Квадратная землянка имела сторону в 6 м. По внутренней планировке все землянки походили друг на друга — все они имели очаг, хозяйственные ямы и устройство входа-выхода. Расположенный в середине жилья очаг имел разнообразную форму (квадратную в жильё № 2 Кунсанни; круглую в жильё № 3 Сопхохана, в жильё № 5, 7 в Амсари; прямоугольную в жильё № 4 Амсари), но наиболее распространенной была эллипсообразная. Входная (одновременно выходная) часть, оборудованная ступеньками или наклонной дорожкой, была ориентирована на юго-запад или юго-восток, чтобы обеспечить освещение (и солнечный подогрев) внутренней части жилья. Обычно возле очага располагалась хозяйственная яма, обычно состоявшая из вкопанного в землю керамического сосуда с пробитым дном. Кроме обязательной ямы у очага устраивались и другие хозяйственные ямы у входа или возле стены. Если яма у очага служила для хранения продовольствия, то другие использовались для хранения хозяйственных предметов, преимущественно охотничьих и рыболовных снастей. Размеры хозяйственных ям,

⁶⁹ Там же, с. 74.

⁷⁰ См.: То Юхо. Первобытная археология Кореи, с. 81—82.

например в Читхамни (№ 1) и Кунсани (№ 1, № 4), определялись диаметром в 44 см, высотой в 55 см, причем выступающая над полом часть составляла 10 см. Хозяйственные ямы служат несомненным свидетельством довольно устойчивого оседлого образа жизни неолитического населения.

На месте землянок также четко прослеживаются различные ямки, либо служившие для установления остродонных сосудов, либо оставшиеся на месте деревянных столбов, по которым можно судить о конструкции землянок. В тех случаях, когда не оставалось таких ям на полу землянок, столбы, как можно полагать, не вкапывались, а ставились прямо на поверхность пола (Читхамни № 1, Тхосонни № 2, Амсари № 5, 7). В Читхамни сгоревший столб (от которого остались угли), вероятно, стоял вертикально в самой середине землянки. От размеров землянки зависело количество и величина ямок от столбов. Самый крупный столб в жилище № 3 в Читхамни имел диаметр в 30 см, но попадались ямки диаметром в 5—7 см. Большинство их имело диаметр от 10 до 20 см и глубину в 10 см. По характеру расположения и конфигурации ямок можно реконструировать и облик жилья. Наклонные ямы, расположенные по кругу (по краям жилья), дают представление о конусообразной форме жилья (как у многих народов Севера), а наклонные по краям прямоугольного жилья говорят о жилье в форме шалаша со скатной крышей. Следы четырех перпендикулярно расположенных по четырем углам столбов наводят на мысль о существовании плоской крыши. Для утепления жилья, вероятно, пол и стены покрывались звериными шкурами.

По сохранившемуся инвентарю изученных землянок можно судить о распределении жизненного пространства и хозяйственном использовании жилья. В жилье № 1 Читхамни удалось обнаружить целые керамические сосуды, три пары зернотерок и ряд других предметов. Обращает внимание, что предметы, необходимые для работы вне дома (каменные наконечники стрел и копий, топор и др.), находились у выхода из жилья (на восточной стороне), а вещи, необходимые для домашней работы, — в глубине жилья (к западу от очага). В жилье № 2 той же стоянки к западу от очага изготавливали каменные орудия, к северу проживала семья, а на восточной и южной сторонах хранились керамические изделия. Таким образом, впервые возникла определенная дифференциация в использовании отдельных частей жилья.

Наконец, площадь жилья может служить косвенным показателем численности населения и состава семьи. Среди десятка землянок, привлекаемых для сравнения, максимальная площадь одного жилья не превышала 42 кв. м, а минимальная составляла 9 кв. м. Были также землянки площадью 37 кв. м, 28,3 кв. м, 18 кв. м. Если при минимальной площади в 9 кв. м, допустить проживание одной семейной пары, то на взрослого человека в среднем приходилось ок. 4,5 кв. м (при наличии детей эта цифра может быть понижена). Эти данные явились основой гипотезы

об исчислении всего населения Корси в неолитическую эпоху (примерно 50 тыс. человек) ⁷¹.

Наряду с жильем важные сведения о жизни неолитического человека можно получить по погребениям, однако о них известно крайне мало. Выявленное японскими археологами погребение в Сонпхёндоне (пров. Сев. Хамгён) состояло из 14 костяков, из которых только два были в хорошей сохранности. В общих чертах о них известно только то, что были ориентированы на восток и были похоронены в вытянутом положении на спине, что между ног были положены более десятка длинных полированных каменных наконечников стрел, а у головы находилась крашеная керамика (ввиду этого оспаривается достоверная принадлежность этого погребения к неолитическому времени) ⁷². Новейшие (с 60-х годов) археологические исследования в Южной Корее выявили захоронения, достоверно принадлежащие неолитической эпохе (периоду гребенчатой керамики). К ним относятся погребения, обнаруженные в стоянке Кёдон (уезд Чхунчхон, пров. Канвон), а также каменные могилы у раковинных куч на о. Сидо и в Тонсамдоне (г. Пусан). Известно, что могила на о. Сидо, находившаяся на крайнем северном холме острова (на расстоянии 400 м от раковинной кучи) и расположенная на почве из выветрившегося гранита, представляла яму эллипсообразной формы площадью 1,5 м×1,2 м и глубиной 30 см. На высоте 20 см был насыпан эллипсообразный холмик (1,65 м×1,45 м) из камней (булыжников) размером ок. 10—15 см в диаметре, причем края были выложены более крупными булыжниками (диаметром около 25 см). Между земляной ямой и каменной кучей обнаружено много древесного угля (возможно, из обуглившихся веток, которыми был покрыт труп), а также черепки гребенчатой керамики.

Своеобразным было захоронение в стоянке Кёдон, где в могилу была превращена бывшая жилая землянка круглой формы (диаметром ок. 4 м, высотой до потолка около 2,1 м), относящаяся, по предположениям, к концу периода применения гребенчатой керамики. В землянке обнаружено 3 скелета, расположенных головами к стене (с ориентацией на восток, запад и юг) и ногами к центру подобно спицам колеса. Под одним из трупов (с головой на восток) был обнаружен след очага. Трупы были покрыты слоем обработанной земли (до 30 см толщиной), в котором найдены каменное долото, наконечник стрелы, цилиндрическая яшма и 5 целых керамических сосудов, положенных в ритуальных целях. Остается открытым вопрос о одновременности или одновременности захоронения. Но допускается возможность одновременного захоронения всех трех человек, как внезапно умерших от заразной болезни или во время вражеского нашествия.

⁷¹ Хангукса, т. I, с. 83—84, 88.

⁷² См.: Умэхара С. Тэсэн кодайно босэй (Погребения древней Кореи). Киото, 1946, с. 16; Хангукса, т. I, с. 86; Воробьев М. В. Указ. соч., с. 26.

вия, вследствие чего покидающие стоянку вынуждены были похоронить их в землянке. И в этой связи погребение в Кёдоне считается уникальным и отстоящим от общих погребальных обрядов, представленных в стоянках пров. Сев. Хамгён или о. Сидо и Тонсамдона, где устраивались индивидуальные могилы, заваленные булыжниками⁷³.

Изучение жилья, погребений и всего инвентаря, найденных на месте бывших стоянок, дает возможность представить картину хозяйственной жизни неолитического человека. Главной отраслью хозяйства являлось рыболовство, сопровождавшееся или дополнявшееся охотой и земледелием. Занимаемый удельный вес каждой из этих отраслей хозяйства обусловил и типы поселений. Зависимость от продуктов моря заставляла неолитического обитателя Кореи устраивать свои поселения у побережья, приливы и ветры вынуждали укрываться в защищенных местах, но все же связанных с морем, например в устьях рек или возвышенных местах (на склонах холмов). Таким образом, исторически складывались прибрежные поселения с раковинными кучами и поселения на холмах, которые по мере развития земледелия удалялись от побережья, но приближались к местам, пригодным для выращивания культурных растений⁷⁴.

В период применения гребенчатой керамики неолитические насельники Кореи жили по берегам рек, озер или моря, преимущественно занимаясь рыбной ловлей. Соответствовавший этому занятию тип поселений у раковинных куч содержит разнообразный инвентарь, связанный с рыболовством. О довольно высоком его техническом уровне свидетельствовали плоские грузила для сетей, обнаруженные в стоянках по берегам рек Тэдонган и Ханган, специальное каменное приспособление для вязания сетей из стоянки Мисари (уезд Кванджу), крючки из оленьего рога для ловли крупной рыбы (вероятно, тунцов) из стоянки Тонсамдон. Для охоты на крупную рыбу применяли и гарпуны (остроги) из оленьего рога. Хотя и нет прямых свидетельств, можно предположить, что применялись тогда и заостренные палки и специальные ловушки из ветвей (в роде венгеря) и т. п. Наряду с рыбой важным источником питания служили различные моллюски. В Тонсамдоне выявлен 31 вид раковин, включая и глубоководных пород, для добывания которых нужно было нырять глубоко в воду (чем, вероятно, занимались женщины, судя по этнографическим параллелям). Поиски богатых мест ловли рыбы и сбора моллюсков несомненно стимулировали и отдаленные морские путешествия. О развитии мореплавания можно судить по постоянным поселениям на островах и по связям с японским островом Кюсю⁷⁵.

⁷³ Хангукса, т. I, с. 86—88.

⁷⁴ См.: Воробьев М. В. Указ. соч., с. 23.

⁷⁵ Хангукса, т. I, с. 89—90.

О существенной роли охоты в обеспечении питанием свидетельствуют обнаруженные в раковинных кучах кости оленей, косуль, диких кабанов и свиней (позже), антилоп, зайцев, кошек, морского кота и других зверей. Особенно много попадает оленьих костей, поэтому даже предполагают возможность существования (например, в культуре Кунсанни) одомашненных оленей. Многочисленные кости диких кабанов и находки более 200 костей антилоп в Кунсанни несомненно говорят о развитой охоте на этих животных. В Амсари были обнаружены даже кости лошадей (монгольской породы), получивших широкое распространение в последующие периоды бронзы и железа, но трудно утверждать об их достоверной принадлежности неолитическому времени. Появление свиней и крупного рогатого скота связывают обычно с распространением земледелия в поздний неолит и влиянием земледельческих культур Северного Китая. Очень интересна находка костей буйвола в культуре Кунсанни, но остается неясным вопрос, были ли они одомашненными и имели ли распространение по всей стране. Во всяком случае наличие этих животных говорит о тогдашнем теплом климате, благоприятном для земледелия. В ряде неолитических стоянок (Кунсанни, Нонпхори, Кульпхори) во множестве встречаются кости собак, служивших как для охоты, так и для употребления в пищу. Из птиц охота была распространена на уток. О роли охоты в поздний период неолита можно судить по находкам в Кунсанни: 40 каменных наконечников стрел, 10 каменных наконечников копий, 30 каменных гарпунов и пр. Можно также предположить, что наряду с копьями и стрелами в охоте на зверей (особенно оленей и кабанов) широко применялись загоны и ямы, особые ловушки, яды к стрелам и т. п.

Крупнейшим достижением неолитической культуры было появление на ее последнем этапе земледелия. Если в приполярных районах (по их климатическим условиям) неолитическое хозяйство обычно ограничивалось рыболовством и охотой, в неолитический период в Корее, связанной с северными традициями (об этом говорит конусообразная форма жилья и пр.), стало развиваться земледелие. Свидетельством этого служат остатки окаменевших зерен (в Читхамни) и разнообразные земледельческие орудия из камня, рогов или клыков (кабанных). Появление земледелия в это время ряд корейских археологов (особенно южнокорейских) связывает с влиянием земледельческих культур Северного Китая (культур Яншао и Луншань). Из существовавших в Яншао и Луншане зерновых культур — проса, мелкого проса (чумизы), сорго и риса — все основные (за исключением риса, о котором нет сведений) попали в Корею, в бассейн р. Тэдонган, еще в неолитическое время. В связи с этим, очевидно, следует рассматривать такие земледельческие орудия, найденные в Кунсанни, как каменные мотыги, мотыги и копалки из оленьих рогов, серпы из кабаньих клыков (с отверстиями) и другие. Найдено целых 30 зернотерок, служивших для обработки зерна, хотя не

исключается возможность их применения для обработки других продуктов (мяса, различных корнеьев и пр.). Вместе с тем археологами отмечаются ограниченные масштабы земледелия в Кунсанни, так как самые крупные керамические сосуды, предназначенные для хранения зерна, имели в диаметре не более 40—50 см (т. е. были объемом в 2—3 мерки), что свидетельствовало об ограниченности урожаев и хранимых запасов зерна⁷⁶.

Иную точку зрения на возникновение и характер земледелия в неолитической Корее высказывают археологи КНДР. В работах То Юхо выдвигается идея о возможности двух стадий в развитии неолитического земледелия в Корее — более примитивного (мотыжного) и более развитого (плужного) с применением тягловой силы. Указывая на то, что в северо-восточной Корее гребенчатой керамике предшествовала стадия догребенчатой (гладкой) керамики, То Юхо одновременно подчеркивает возможность появления здесь примитивного земледелия именно в период гребенчатой керамики. Найденную здесь плечиковую мотыгу (комбэ квэнъи) он склонен относить именно к указанному периоду, хотя сомневается в принадлежности каменного лемеха, а стоянку Нонпходон считает несомненно принадлежащей к стадии мотыжного земледелия⁷⁷.

Более развитую стадию земледелия То Юхо связывает с находками в Читхамни каменного серпа и каменного лемеха, который похож на соответствующие образцы, найденные в Монголии (только монгольский лемех несколько уже) и в Китае (относящиеся к луншаньской культуре и к эпохе Шан-Инь). Однако То Юхо отмечает, что только типологическое сходство серпа и лемеха из Читхамни с их китайскими прототипами не может служить достаточным основанием для вывода о непосредственном заимствовании из Китая, если не доказана единичность культуры в целом⁷⁸. То Юхо при этом придает большое значение тому факту, что в первобытное время северо-западная Корея (в отличие от Северо-Востока) совершенно не испытывала влияния собственно Китая, так как подвергалась сильному давлению культур и передвижений племен с Севера⁷⁹. То Юхо обращает большее внимание вопросу об уровне развития земледелия и общества в период применения каменного лемеха на втором участке стоянки Читхамни, где была керамика с орнаментом в виде волнистых пунктиров (см. рис. 9). Считая бесспорным существование плужного земледелия, он ставит лишь вопрос о характере тягловой силы. Считая вероятным применение человеческой силы для пахоты плугом с каменным лемехом, То Юхо не исключает и возможности применения бычьего тягла (ссылаясь при этом на находки костей

⁷⁶ Там же, с. 93, 94.

⁷⁷ См.: То Юхо. Первобытная археология Кореи, с. 90.

⁷⁸ См.: там же, с. 87—88.

⁷⁹ См.: там же, с. 86.

буйволов в Кунсани). В таком случае он допускает даже возможность существования сельской общины⁸⁰.

Неолит ознаменовал серьезный прогресс и в других областях производственной деятельности людей — в выделке орудий производства, хозяйственного инвентаря и других предметов. Если изготовление прежде оббитых орудий из галечника не требовало

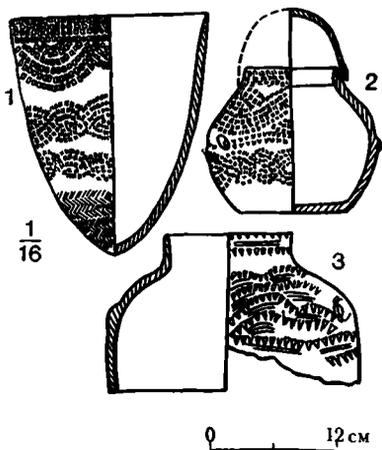

Рис. 9. Образцы неолитической керамики из Читхамни

особого искусства, то появление полированных орудий из гранита, малахита или сланца, а равно и совершенной формы наконечников стрел и копий свидетельствует о происшедших изменениях. Их могли производить не все, а только искусные мастера-специалисты. Все пользующиеся ими могли заниматься лишь приведением в порядок сломанных или притупившихся вещей (об этом говорят такие находки, как точило из стоянки позднего периода в Пхонамдоне, уезда Каньин). С совершенствованием производства орудий возникла, вероятно, и потребность в обмене материалами и техническими навыками людей, разделенных порой значительными расстояниями. Об этом можно судить, например, по однотипности полированных трехгранных наконечников стрел, получивших распространение в различных местах. Аналогичное положение существовало, очевидно, и в области изготовления керамических сосудов.

В неолит, надо полагать, получили дальнейшее развитие возникшие в предшествующее время изготовление плетенных вещей (из веток, коры, кореньев), обработка шкур и пр., а также развивались такие новые отрасли, как изготовление рыболовных сетей и тканей, обработка яшмы и других камней для украшений. Каменное приспособление для вязки сетей из стоянки Мисари свидетельствует о применении весьма тонких нитей. Это подтверждается пеньковыми нитями, открытыми в Кунсани. Обнаружение этих нитей вместе с костяными иглами подтверждает их применение и для шитья одежды. находка 18 пряслиц в Кунсани говорит о широком развитии прядения (возможно, даже шерсти) и ткачества. Разумеется в изготовлении одежды по-прежнему большое место занимали обработанные шкуры оленей, косуль, диких кабанов и др. Имеются также начальные следы обработки

⁸⁰ См.: там же, с. 88—89.

ценных пород камня в качестве украшений. В стоянках низовья р. Туманган найдены яшмовые кольца, цилиндрическая яшма и куски нефрита для ношения. Причем белый нефрит (распространенный в районе Байкала и в бассейне р. Амур) был явно занесен сюда извне.

Но предметом обмена служили не только эти специфические породы камней, но, возможно, и такие необходимые для изготовления прочных орудий, как кремнистый сланец. Надо полагать, обмен существовал не только с очень отдаленными районами Сибири или Маньчжурии, но и между различными районами самой Кореи и с ближайшими соседями. Нахождение в Амсари наряду с пресноводными морских раковин свидетельствует о связях его жителей с морским побережьем. Внезапное обнаружение обсидиана в раковинной куче поздненеолитического периода в Тонсамдоне вместе с черепками японской керамики дзёмон наводит на мысль не только о связях с японским островом Кюсю, но и возможности привоза обсидиана с о. Икки. С появлением и развитием земледелия можно предположить и начало специализации общин и подразделения их на общины с преимущественным занятием рыбной ловлей и с преимущественным занятием земледелием⁸¹.

Таким образом, корейская неолитическая культура свидетельствует и о разнообразных ее истоках и о широких связях ее с культурами соседних и более отдаленных районов. Исследование корейскими археологами поздненеолитических стоянок Кунсани и Читхамни показало, что обнаруженная там гребенчатая керамика по форме и орнаменту имеет много общего с неолитической керамикой Енисейско-Байкальского района (культуры, уходящей своими корнями в район Урала и далее на запад), причем более позднего периода, чем исаковская (IV тыс. до н. э.) и серовская (III тыс. до н. э.) культуры, но зато общий облик каменных орудий Кунсани и Читхамни значительно отличается от неолитического инвентаря названного района. Это обстоятельство послужило основанием для предположения То Юхо о том, что в Северо-Западной Корее поздненеолитического периода появились не урализованные племена байкало-енисейского района, а иные (именно алтайские) племена, позаимствовавшие у них гребенчатую керамику. Отталкиваясь от факта обилия оленьих костей в стоянке Кунсани, а также мнения археологов (в частности, В. Н. Скалона), считающих, что культура оленеводства зародилась в Саянах, являющихся родиной алтайских племен, То Юхо полагает, что по ситуации в Кунсани и Читхамни, где керамика имеет общее с культурой Енисейско-Байкальского района (времени Китои и Глазкова), но отличается от нее по характеру каменных орудий, можно вполне говорить о том, что в Корею пришли не «поселившиеся в

⁸¹ Хангукса, т. I, с. 99.

Енисейско-Байкальском районе уральские племена, а другие (алтайской ветви) племена, имевшие с ними множество контактов». Подтверждением своей мысли он считает и то, что «главным направлением последующих передвижений уральских племен (самоедов) байкало-енисейского района было северо-западное, и не прослеживается их движение на юго-запад, в то время как много и других фактов, говорящих о продвижении на юг племен алтайской ветви». О северном происхождении поселенцев Кунсанни, по его мнению, говорит и то, что в условиях жаркого климата (наличие буйволов) они сохранили северные привычки при устройстве жилья (землянок). Поэтому и при наличии примитивного земледелия они, по всей вероятности, разводили оленей, сохраняли охоту и рыболовство в качестве важнейших источников своего существования⁸². Однако То Юхо допускает, что пришельцами с севера могли быть и палеоазиаты (родственные эскимосам), но об этом нет никаких достоверных данных, равно как и о том, какими путями могли прийти в Корею палеоазиаты или алтайские племена⁸³.

Смену круглой формы жилья прямоугольной и появление гладкой безорнаментной керамики в Кунсанни и Читхамни То Юхо также рассматривает как явления, связанные с вторжением инородной культуры. Элементы культуры гладкой керамики в Кунсанни и Читхамни он прослеживает на примере характерной для этой керамики красно-коричневой миски с плоским дном (высотой 9,5 см с диаметром горловой части в 16 см), найденной на участке жилья № 1 Читхамни и отличавшейся от всей остальной керамики как по форме, так и по составу теста. Керамику аналогичной формы, но сохранившую традицию гребенчатой То Юхо также считает совершенно своеобразной и принадлежащей к культуре, сменившей гребенчатую керамику. Гладкую керамику, обнаруженную в слое обрушившегося жилья № 1, он рассматривает в тесной связи с прямоугольной формой жилья, сменившей конусообразное жильё с круглым основанием (отражавшее следы северного влияния)⁸⁴.

Для уточнения некоторых внешних связей корейского неолита То Юхо обращает внимание на керамику с волнистыми пунктирами, переплетающимися в форме шнура (рис. 10), которая была найдена на втором участке Читхамни (более позднем по времени, чем участок № 1), где также были найдены каменный серп и лемех (рис. 11). Эта керамика по форме (напоминающая продолговатое яйцо) продолжает традицию гребенчатой керамики, но хронологически между ними располагается еще керамика, имеющая форму чаши с округлым дном орнаментом из рядов полукружков. Учитывая, что черепки керамики с волнистыми

⁸² См.: То Юхо. Первобытная археология Кореи, с. 81, 82, 83.

⁸³ См.: там же, с. 82.

⁸⁴ См.: там же, с. 84.

пунктирами (аналогичной с читхамнской) были найдены в Южной Монголии, хотя генетически этот орнамент восходит к спиральному орнаменту, зародившемуся, по мнению А. П. Окладникова, в Юго-Восточной Азии (там же, где и плечиковый топор), а также находя сходство найденной в Кунсанни мотыги с плечиковым топором, То Юхо считает возможным не только утверждать об определенном влиянии неолитической культуры Юго-Восточной Азии на культуру корейского неолита (судя по слою, где представлена керамика с волнистыми пунктирами), но и полагать, что это влияние пришло в Корею не непосредственно с юга, а через культурную волну, нахлынувшую со стороны Монголии, «так что немалая часть южных элементов проникла на корейскую землю обходным путем, через Север». Именно в мощи этих непрерывных куль-

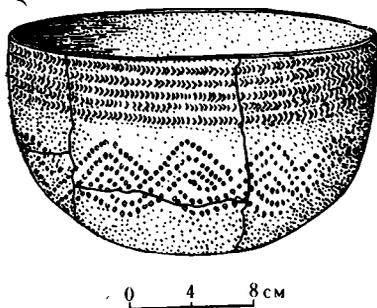

Рис. 10.
Образец керамики
со шнуровым орнаментом

Рис. 11.
Каменный серп
и лемех из Читхамни

турных и человеческих волн, давивших на Корею с севера, То Юхо видит причину того, что на северо-запад страны не доходило влияние собственно Китая, наблюдавшееся в первобытные времена только на северо-востоке Кореи⁸⁵.

Таким образом, очень сильным влиянием северных элементов можно объяснить и большое сходство корейского неолита с неолитическими культурами соседнего Приморья и Сибири вообще, а также близлежащих районов Китая — Маньчжурии и Шаньдунского полуострова⁸⁶. Поэтому если происхождение крашеной керамики в Корее связывается с китайской культурой Яншао, то не непосредственно, а через аналогичную маньчжурскую керамику

⁸⁵ Там же, с. 86.

⁸⁶ См.: Воробьев М. В. Указ. соч., с. 29—30.

этого типа. Также наблюдается большое сходство керамики и других неолитических памятников Маньчжурии с соответствующим неолитическим инвентарем Шаньдунского полуострова⁸⁷, что позволяет говорить об определенной общности неолитической культуры региона Кореи, Маньчжурии и Шаньдунского полуострова.

Несмотря на своеобразие и самобытность путей развития корейского неолита, он несомненно представлял звено в общем процессе развития неолитической культуры в огромном ареале Северной и Восточной Азии, что обусловило существенные связи и общность его с неолитом соседних стран. Конечно, многое из этих связей и черт развития неолита в этом обширном районе нуждается в дальнейшем изучении и выяснении, но и по имеющимся данным можно утверждать не только о северном происхождении неолитической культуры в Корею, но и о ее влиянии на развитие неолита в соседних странах, особенно в Японии. Исследованиями японских археологов (Накаяма Хэйдзио и др.) устанавливается факт проникновения корейской гребенчатой керамики и закрепления на о. Кюсю, а также синтеза этой культуры с проникшей впоследствии (также из Кореи) культурой гладкой керамики, которая способствовала формированию культуры керамики яёи. Затем даже в центральной Японии была распространена керамика яёи с гребенчатым орнаментом явно корейского типа⁸⁸.

Изучение корейского неолита, связанного с древнейшей историей народов всего ареала Сибири и Дальнего Востока, важно не только для выяснения культурных связей с ними, но и для постановки и решения таких сложных проблем, как этногенез корейского народа, его общественный строй и духовная культура в глубокой древности.

Разумеется, для выяснения сложных расово-этнических компонентов, участвовавших со времен неолита в формировании корейской народности, потребуются комплексные исследования, сочетающие культурно-историческое (прежде всего археологическое) изучение с исследованием антропологических, этнографических и лингвистических аспектов проблемы этногенеза. Не касаясь рассмотрения этих сложных и недостаточно изученных вопросов⁸⁹, выходящих за пределы задач настоящей работы, по имеющимся археологическим данным о неолитической культуре Кореи можно утверждать лишь о несомненном преобладании северных элементов в этногенетическом процессе в Корею. Но ввиду

⁸⁷ См.: там же. с. 32.

⁸⁸ См.: Ким Вольён. Археологическое изучение Корейской культуры.— В кн.: Хангук мунхва са тэге, т. I, с. 253—254; Воровьев М. В. Указ. соч., с. 32.

⁸⁹ Из обобщающих работ по данному вопросу см.: Ким Чонхвак. Хангук минджок хёнсонса (История складывания корейской нации), ч. I.— В кн.: Хангук мунхва са тэге, т. I, с. 315—358.

того, что расово-антропологический тип неолитических насельников Кореи изучен крайне слабо (в первую очередь из-за малого количества сохранившихся костяков в неолитических погребениях), среди ученых существуют разные точки зрения по этому вопросу. Несомненный интерес представляют идеи советских антропологов М. Г. Левина⁹⁰ и Н. Н. Чебоксарова⁹¹, касающиеся антропологии древнейшего населения Кореи. Согласно этим взглядам его расово-антропологический тип восходит к монголоидам Сибири, а также соседних районов Китая и Маньчжурии. При конкретном определении этнических корней древнейшего населения Кореи некоторые ученые (С. М. Широкогоров и др.) называли палеоазиатов, но в последнее время, очевидно, преобладает мнение ученых, признающих их племенами алтайского происхождения, хотя⁹², в общем, не отрицается и наличие определенных элементов, восходящих к странам Юго-Восточной Азии.

Не меньшей сложностью представляет выяснение общественного строя корейского населения в период неолита, который претерпевал определенные изменения. Нет никаких данных, чтобы проследить эти изменения, поэтому можно только предположить существование на начальном этапе матрилокального рода или каких-то семейно-родовых общин, которые вели, очевидно, общее хозяйство. Как показывает количество землянок (3—8), они представляли крайне небольшие коллективы. Только после появления земледелия стали возникать более крупные общины. На основании исследованных жилищ можно представить, что внутри семейно-родовых общин существовало разделение труда между его членами (сначала, по полу и возрасту), особенно с выделением специалистов, занятых производством орудий труда, керамических сосудов и предметов украшений (например, из яшмы). Уже отмечалось, что была возможность какого-то и внешнего разделения труда и обмена между различными племенами. На основе изученных погребений, не выявляющих существенных различий по инвентарю, можно говорить об определенном имущественном равенстве между всеми членами семейно-родовых коллективов, хотя не исключалось, видимо, личное владение некоторыми орудиями труда или предметами украшения и т. п. На позднем этапе неолита, представленном такими стоянками, как Кунсани и Читхамни, уже испытывавшими влияние бронзовой культуры соседних районов, некоторые исследователи (например, То Юхо) допускают возможность серьезных перемен в общественном развитии (вплоть до возникновения сельской общины) под влиянием таких сдвигов в

⁹⁰ См.: Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958.

⁹¹ См.: Чебоксаров Н. Н. Северные китайцы и их соседи (Исследование по этнической антропологии Восточной Азии).— В кн.: Краткие сообщения Института этнографии АН СССР, вып. V. М., 1949.

⁹² См.: Ким Чонхвак. Указ. соч.— В кн.: Хангук мунхваса тэге, т. I.

развитии производительных сил, как появление плужного земледелия, возможно, с бычьей упряжкой, о чем свидетельствовала находка каменного лемеха на участке № 2 в Читхамни. В связи с этим То Юхо допускает даже возможность применения рабского труда пленных, добытых в ходе грабительских войн. По его мнению, такие войны, ставшие очень частыми в бронзовый век, могли наблюдаться уже в конце неолита, судя по тому, что жилище № 1 на участке № 1 в Читхамни, носящее явные следы пожара, могло быть покинуто поспешно лишь при чрезвычайных обстоятельствах (как вражеское нашествие). Но одновременно То Юхо выражает сомнение в полной достоверности своих предположений⁹³. Конечно, имеющихся данных явно недостаточно для того, чтобы сколько-нибудь детально представить процессы социальной эволюции неолитического общества в Корее.

Крайне скудны и материалы, характеризующие духовную культуру, религию и искусство. Каким-то намеком на религиозные представления, в частности о загробной жизни, могут служить погребения с сопровождающим их инвентарем (орудиями, наконечниками стрел и т. п.). Найденные в неолитических стоянках женские статуэтки, возможно, являются свидетельством культа материнства, а изображения животных (собак, свиней) — отражением тотемистических представлений.

Неолитический период в Корее не оставил особенно заметных произведений искусства. Но об общем его развитии можно судить как по формам и орнаменту керамических сосудов и изделий из костей и рогов, так и по специфическим произведениям, служившим для украшений — ожерельям из яшмы и других камней, подвескам из костей и обработанного камня, браслетам из раковин, головным шпилькам и др.⁹⁴.

БРОНЗОВЫЙ И РАННИЙ ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

Благодаря достижениям археологии в течение последних десятилетий много нового внесено в понимание истории Кореи бронзового и раннего железного века. Как уже отмечалось, открытие учеными КНДР бронзового века позволило опровергнуть тезис старой японской археологии колониального времени (имеющий сторонников и до настоящего времени), что в Корее между неолитом и железным веком существовал не бронзовый век, а период «одновременного употребления камня и металлов» (кинэки хэйэки), совершенно произвольно отождествляемый с периодом

⁹³ См.: То Ю хо. Первобытная археология Кореи, с. 92.

⁹⁴ См.: Воробьев М. В. Указ. соч., с. 26.

энеолита, означающего время полного преобладания каменных орудий при частичном употреблении металлических (медных) изделий. Согласно этим представлениям японских археологов в условиях господства каменного века (неолита) в Корее началось одновременное употребление каменных и железных орудий, занесенных пришельцами из Китая в конце периода «борющихся царств» (Чжаньго). Современные корейские ученые усматривают в этой концепции колониалистской археологии определенную политико-идеологическую подоплеку, а именно стремление всячески уменьшить степень социально-культурного развития населения древней Кореи, которое якобы неспособно было приобщиться к цивилизации иначе как в результате внедрения металлической культуры иностранных завоевателей⁹⁵.

Существование бронзового века в Корее, установленное исследованиями археологов КНДР, признается теперь и буржуазными учеными Южной Кореи⁹⁶, хотя они, видимо, не так решительно порывают со старыми концепциями японской археологии.

По мнению ученых КНДР, даже малочисленные находки собственно бронзовых изделий и сохранение во множестве каменных орудий наряду с металлическими (ибо только развитая культура железа смогла полностью вытеснить каменные орудия) не отрицают существования бронзового века, являющегося закономерной стадией исторического прогресса. Обследовав находящиеся в северной части страны стоянки — Одон уезда Хверен и о. Чходо уезда Наджин (в пров. Сев. Хамгён), Конгвири в г. Канге (пров. Чаган), Мисонни (верхний слой) уезда Ыйджу (пров. Сев. Пхёнан), Кымтханни уезда Сынхо (пров. Южн. Пхёнан), Читхамни (верхний слой) уезда Понсан (пров. Сев. Хванхэ) и др., — археологи КНДР пришли к выводу о существовании бронзового века.

Бронзовая культура Кореи представлена по преимуществу стоянками со специфической керамикой — так называемыми «волчкообразными» сосудами (пхэнъи кырыт), которые в литературе получили и название «рогообразных» (какхён)⁹⁷.

Сосуды эти имеют красноватый, желто-коричневый или темно-серый цвета, а тесто их состоит или из чистой глины, или с примесью песка и слюды, причем слюда чаще встречается в сосудах темно-серого цвета. Толщина их стенок обычно равнялась 5—7 мм, горловина имела утолщенную поверхность, на которую нанесены короткие наклонные линии. Чуть расширенный в тулове сосуд суживался ко дну, имея в диаметре около 3 см, и оканчивался

⁹⁵ См.: То Ю х о. Первобытная археология Кореи, с. 97.

⁹⁶ См.: Ким Вольён. Указ. соч., с. 254—255; Хангукса, т. I, 1973.

⁹⁷ Распространенное название «рогообразных» является неточным, так как по форме эти сосуды скорее напоминают коровье вымя с соском вниз, что имело магический смысл для сосуда, где, вероятно, хранилось молоко (магия на увеличение надоев?). См.: То Ю х о. Указ. соч., с. 99—100.

вынуклостью в форме соска, слегка скошенного в одну сторону. Аналогичные сосуды встречаются в неолитических культурах типа яньшао в Китае (пров. Шаньси и Сычуань). Такой сосуд имел и крышку, судя по находке двух таких крышек в стоянке Синхын-дон уезда Понсан (пров. Сев. Хванхэ). Встречаются также модификации этого сосуда.

Распространение сосудов волчкообразной формы прослеживается на значительной территории страны от раковинных куч района Кимхэ (пров. Южный Кёнсан) до северных границ (за исключением крайнего Северо-Востока), примерно в тех же районах, где была распространена мегалитическая культура. Особенно много этой керамики встречается в Северо-Западной Корее: в провинциях Сев. и Южн. Пхёнан, Сев. и Южн. Хванхэ. Обследование стоянок в Вонамни (уезд Каннам) и Кымтханни (уезд Сынхо) показало, что волчкообразные сосуды характерны не только для периода распространения дольменов, но также и могил в каменных ящиках. Черепки этой керамики реже попадают в погребениях (как, например, в дольмене «южного типа» в деревне Симчхон уезда Хванджу) и чаще связаны со следами жилья⁹⁸.

Главной формой жилья в стоянках с гладкой волчкообразной керамикой являлись землянки прямоугольной (квадратной или ломанноквадратной) формы с различной глубиной от поверхности земли, но изредка попадались и наземные жилища (например, на стройплощадке Мадонского цементного завода). В Вонамни и Тхэсонни (уезд Кансо), где плохо сохранилась форма жилья, глубина землянки составляла 40—50 см. В Чинпхари четко устанавливается облик жилья длиной (с севера на юг) ок. 10 м, шириной ок. 4,9 м и глубиной ок. 30 см (вход был с севера).

Наземное жилье в Синхындоне производит такое впечатление, что его стены были сложены из досок. У западной стены жилья, упировавшегося на расчищенный участок склона горы, были найдены остатки горелых досок. Однако возможно, что досками обшивалась лишь часть жилья, упирвавшаяся в сырую почву. В отличие от Тхэсонни, где очаг грушеобразной формы был сложен из булыжников, здесь не обнаружили следов очага, который, очевидно, не был выложен камнями, и на него обрушились остатки обгоревшей кровли. Размер жилья можно определить в 10 м длиной и в 3—4 м шириной и глубиной менее 10 см. Высота наносной почвы составляла 30—50 см. Спекшаяся глина поверхности пола, вероятно, была не только результатом пожара. У стены, упирвавшейся в склон горы, были обнаружены остатки сгоревших столбов, расположенных на расстоянии 20—30 см друг от друга. Следы этого жилья показывают, что оно имело двускатную крышу, образованную жердями, упирающимися на коньковую перекладину, положенную на краевые столбы. Образованные таким

⁹⁸ Ким Вольён. Указ. соч., с. 102—103.

образом стропила покрывались соломой или травой, на которую настилалась земля⁹⁹.

В стоянках с волчкообразной (гладкой) керамикой землянки в ряде случаев представляли компактные группы. В Конгвири пять квадратных землянок (со сторонами 8—9 м и глубиной ок. 1 м) были соединены друг с другом проходами (очевидно, крытыми), служившими для защиты от холодов или от врагов. Аналогичные жилища наблюдаются и в стоянках на юге страны. В Сусокни (уезда Янджу) на северном склоне холма, возвышающегося над обрывистым берегом р. Ханган, найдено более шести сгруппированных квадратных землянок, в которых земляной пол был утеплен слоем древесного угля¹⁰⁰. При исследовании жилищ с остатками «волчкообразных» керамических сосудов внимание археологов привлекло и то, что большая часть их имела следы пожаров, заставивших уйти их обитателей.

Стоянки с волчкообразной керамикой представлены своеобразным инвентарем. Почти уникальными в регионе являются найденные в Синхындоне и других местах (в могилах в форме каменных ящиков и в дольменах южного типа) каменные монеты (тольтон) — сланцевые диски круглой или эллипсообразной формы диаметром до 30—40 см и толщиной в 1—2 см (с отверстием посередине). Этнографической параллелью им служат микронезийские фэй (fei), которые также обозначают монету. Для этих стоянок характерны и такие каменные орудия, как топоры, ступенчатые тесла, лезвие для рубанка, полированные кинжалы, разной формы наконечники стрел, полулунные ножи и каменные палицы — звездные топоры (рис. 12).

Среди каменных топоров встречаются как цилиндрические с ровными лезвиями (например, в Вонамни), так и четырехгранные. Ступенчатые тесла, найденные сначала в Вонамни и Кымтханны, встречаются повсюду, где попадают черепки волчкообразной керамики. Экземпляр, найденный в Симчхоне (уезд Хванджу), представляет четырехгранник с ровной поверхностью на одной стороне и с наклонным срезом на противоположной, начинающая от середины до узкого конца. Длина его составляет 28,5 см, ширина — 6,8 см, толщина — 3,5 см в середине и 2,5 см в узкой (рабочей) части. По мнению То Юхо, это орудие могло появиться в Корее вместе с мегалитической культурой, проникшей из Юго-Восточной Азии, так как его находят как в стоянках с «волчкообразной» керамикой, так и в погребениях под дольменами¹⁰¹. То же самое говорится и о лезвиях для рубанка. А Ким Вольён полагает, что ступенчатые тесла (равно как и топоры с желобками) зародились в Южном Китае (их совершенно нет в Северном Китае) и оттуда распространились по разным направлениям — их

⁹⁹ Там же, с. 104—105.

¹⁰⁰ Ким Вольён. Указ. соч., с. 260.

¹⁰¹ См.: То Юхо. Первобытная археология Кореи, с. 109.

находят в Южной Маньчжурии, Корее и в Западной Японии. В Корею они могли попасть по морю (в южную часть) или по восточному побережью Китая (тогда сначала в Северо-Западную Корею) ¹⁰².

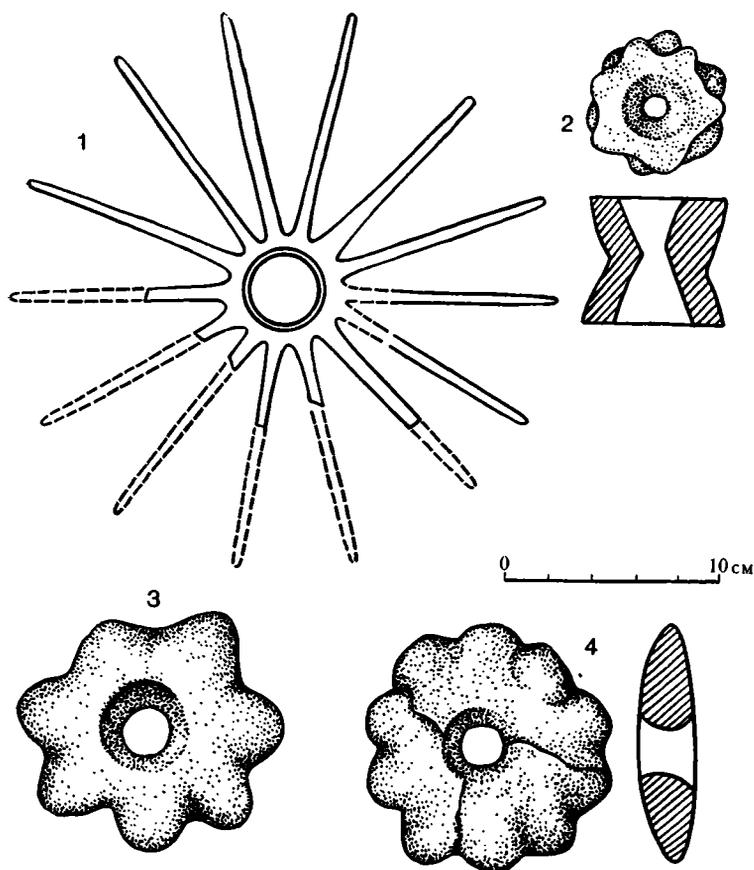

Рис. 12. Каменные палицы — «звездные топоры»

Ромбовидного сечения каменные (сланцевые) кинжалы представлены разными видами. На некоторых (из Кымтханни и Во-намни) четко видны желобки на лезвии, сделанные для стока крови. Встречаются как отдельные лезвия, предназначенные для соединения с рукоятью, так и монолитные кинжалы (например, из Чэрёна), у которых ручки и лезвия сделаны из одного куска камня длиной ок. 36 см (рис. 13). Общеизвестно, что эти кинжалы копируют бронзовые оригиналы, встречающиеся в Северном

¹⁰² См.: Ким Вольён. Указ. соч., с. 258.

Китае или в Южной Сибири. Бытовавшее прежде (в японской археологии) представление о том, что эти каменные кинжалы предназначались только для ритуальных целей (для захоронения в могилах вместо дорогостоящих бронзовых) не выдерживает кри-

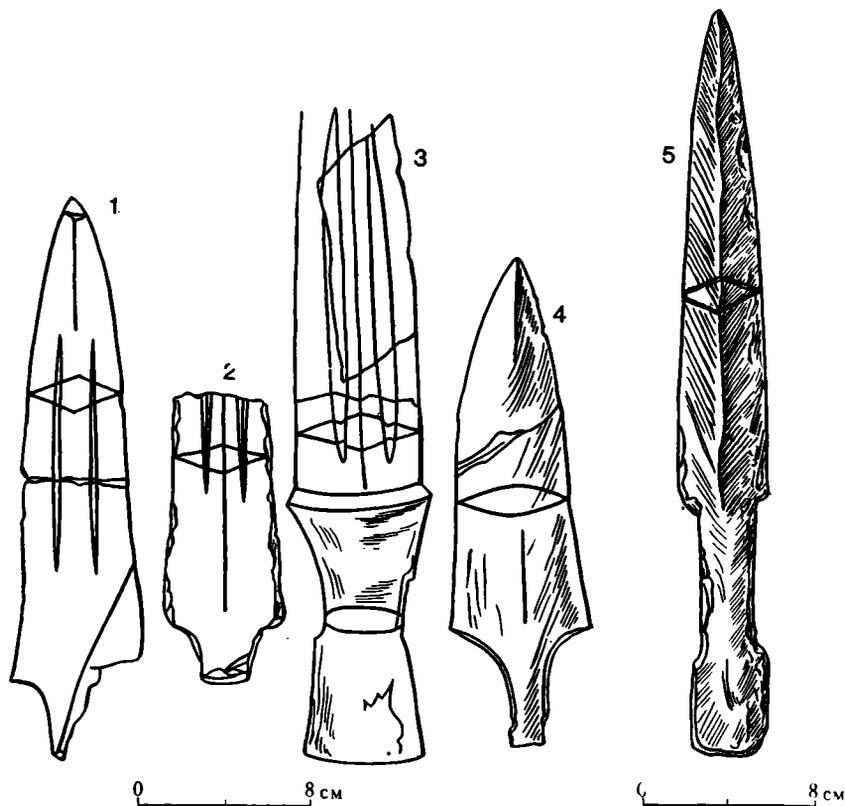

Рис. 13. Каменные кинжалы бронзового века: 1, 2 — из Кымтхани; 3 — из Вонамни; 4 — из Синхындон; 5 — из Чэрёна

тики, ибо археологам КНДР попадались экземпляры со стертыми лезвиями или следами прикрепления к рукояти, что (вместе с сопровождающими другими охотничьими принадлежностями) свидетельствует об их реальном применении в качестве оружия¹⁰³. А их происхождение связано с районами Сибири, расположенными к северо-западу от Корейского полуострова. Каменные наконечники стрел (ромбовидного сечения или крылатой формы) также значительно отличаются от тех, что были в неолитическое время.

¹⁰³ См.: То Ю х о. Первобытная археология Кореи, с. 110—111.

Разнообразно представлены в стоянках с волчкообразной керамикой полулунные ножи двух видов: северо-западного, отличающегося овальной формой двусторонне заостренных резцов (наподобие краев раковин), прямой или чуть овальной спинкой (с двумя отверстиями), и северо-восточного почти прямоугольной формы с одним или двумя отверстиями. То Юхо отмечает, что в формах полулунных ножей прослеживается как отдаленное северное, так и южное влияние, связанное, возможно, с проникновением мегалитической культуры¹⁰⁴. Однако существует и мнение о том, что полулунные ножи связаны только с луншаньской земледельческой культурой в Китае (на Шаньдунском полуострове).

Наконец, к каменным орудиям стоянок с «волчкообразной» керамикой относятся каменные палицы, имеющие вид то простого каменного кольца («лунный топор»), насаждаемого на деревянную ручку, то кольца с расходящимися лучами («звездный топор») или с правильной формы буграми. Они найдены в таких стоянках, как Вонамни, Миримни и Конгвири.

В стоянках этого типа обнаружены и бронзовые предметы. В Кымтханни — одно бронзовое долото, в Синхындоне — осколок предмета, похожего на декоративные пуговицы, которые были найдены на о. Чходо, Илсильли (Кёнджу) и в других местах.

Вместе со стоянками с волчкообразной керамикой важные сведения о бронзовом веке дают относящиеся к этому времени погребения, основными формами которых являются каменные ящики — гробы под земляными насыпями, каменные насыпи (кельны) со скрытыми под ними гробами-ящиками, а также дольмены, инвентарь которых позволяет исследовать основные черты культуры бронзового века в Корее. Погребения в каменных ящиках и кельнах выявляют их типологическую общность и сходство инвентаря, но у них много общего и с дольменами, широко распространенными по всей Корее (за исключением провинций Хамгён и о. Чеджудо). Если каменные ящики-гробы и кельны называют на общность с бронзовой культурой материковой Азии, то дольмены (и мегалиты вообще) имели южное происхождение. Как отмечает То Юхо, содержащийся инвентарь всех трех форм погребений выявляет сходство их как между собой, так и с культурой стоянок с волчкообразной керамикой. Но вместе с тем наблюдались и определенные вариации. Так, каменные монеты попадались как на месте стоянок с волчкообразной керамикой, так и в каменных гробах-ящиках и в модифицированных дольменах (южного типа), но совершенно не попадались в обычных (столообразных) дольменах. Каменные палицы обнаруживали в местах жилья и в дольменах, но не находили в каменных гробах-ящиках. Полулунные ножи были как в местах стоянок, так и в

¹⁰⁴ См.: там же, с. 117.

дольменах обоих типов, но не встречались в гробах-ящиках. Цилиндрические каменные бусы, встречающиеся в каменных ящиках-гробах и модифицированных дольменах, не обнаружены ни в местах стоянок, ни в дольменах. Ступенчатые тесла, находимые в дольменах и в местах стоянок, не попадались в каменных гробах-ящиках и т. д.¹⁰⁵

Корейские дольмены можно разделить на столообразные, или, как называли раньше, северного типа, и на модифицированные

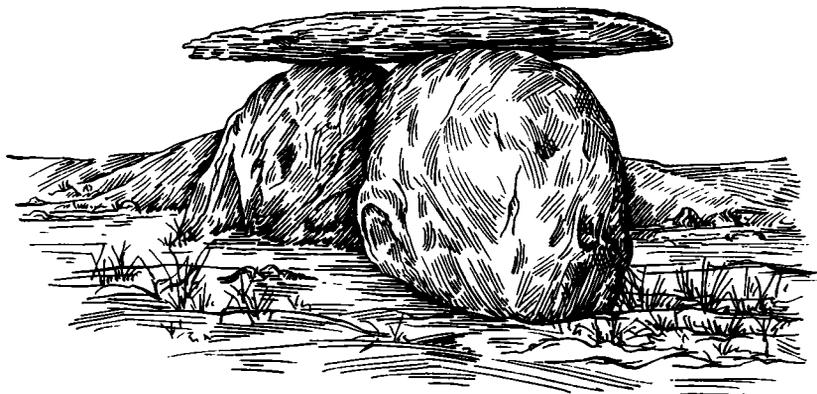

Рис. 14. Дольмены «северного» типа (Одокни, уезда Ентхан, Сев. Хванхэ)

лежащие камни, или южного типа. Более ранними являются дольмены первого типа, появившиеся сначала в северо-западной части страны и распространившиеся затем по всей Корее (за редким исключением) и в западной Японии. Они напоминают огромные каменные столы, состоящие из нескольких подпор и увенчанных огромной крышкой, весившей до 40 т (рис. 14). О назначении их в качестве погребальных сооружений говорят захороненные под ними каменные орудия и другие предметы, хотя человеческих скелетов не находили до сих пор. Дольмены располагались группами (до 100 сооружений) по берегам таких больших рек, как Тэдонган, Имджинган и Пукханган. Дольмены первого типа сооружались на севере страны, вероятно, до III в. до н. э., но на юге они видоизменялись и сохранились дольше.

Дольмены «южного типа», распространенные преимущественно в провинциях Кёнсан и Чолла, также располагались группами по берегам рек Нактонган, Ёнсанган и Кымган. Они представляют большую каменную глыбу или плиту, расположенную прямо на земле или на мелких камнях и плитах (формы их весьма разнообразны), под которыми помещалась погребальная камера в фор-

¹⁰⁵ См.: там же, с. 140.

ме каменного гроба-ящика. Сначала такие дольмены находили только на юге Кореи, поэтому получили название южных, но с нахождением их на севере страны (в пров. Сев. и Южн. Пхёнан) они рассматриваются как модификации дольменов первого типа (в результате соединения крышки дольмена с каменным гробом-ящиком; рис. 15). Вероятно, это видоизменение произошло сначала в Северо-Западной Корее (в конце дольменного периода),

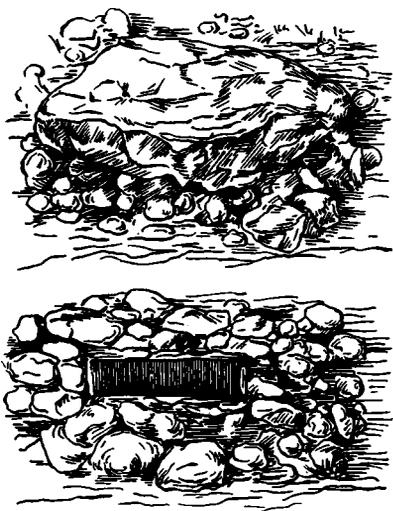

Рис. 15. Дольмен «южного типа»

а затем распространилось на юг¹⁰⁶. Однако существует мнение и о возможности одновременного существования дольменов обоих типов в период соединения культуры дольменов с культурой погребений в каменных гробах-ящиках¹⁰⁷.

В ряде районов Кореи встречаются и скопления таких мегалитов, как менгиры (стоячие камни), найденные, например, в уезде Нёнбён высотой в 3,45 м, служившие и в последующие эпохи предметами поклонения верующих.

Каменные ящики-гробы, распространенные на юге и на севере страны как в земляных могилах, так и в дольменах южного типа, тоже имели различия. Так, каменный ящик-гроб из

Ороэ (Канге) был сделан из полированных каменных плит (длинной 2,6 м, шириной 0,9 м у изголовья и 0,45 м у ног, глубиной 0,4 м и с каменной подстилкой) и являлся достаточным для помещения покойника в полный рост. А найденные в нем бронзовые пуговицы и черные полированные керамические сосуды с продолговатой горловиной служат для выяснения истоков погребений в каменных ящиках¹⁰⁸. Каменный ящик-гроб из Санмэри (г. Саривон) имел длину 1,28—1,30 м и ширину 0,5 м, поэтому был достаточен для захоронения покойника только в полускорченном состоянии, о чем свидетельствуют остатки черепа, плечевых и бедренных костей¹⁰⁹.

Корейские исследователи указывают на сходство этих погребений в каменных ящиках-гробах на соответствующие погребения

¹⁰⁶ Ким Вольён. Указ. соч., с. 262.

¹⁰⁷ См.: То Ю х о. Первобытная археология Кореи, с. 131, 138—139.

¹⁰⁸ См.: Ким Вольён. Указ. соч., с. 263.

¹⁰⁹ См.: То Ю х о. Первобытная археология Кореи, с. 129.

в Сибири периода бронзы, начиная с Андроновской культуры. Особо отмечают, например, что подобно каменным гробам-ящикам Карасукской культуры каменный гроб-ящик из Канге имел форму расширенную у изголовья и суженную у ног. Исходя из сходства формы каменных ящиков-гробов и наличия в стоянках и погребениях Кореи таких специфических предметов, как бронзовая пуговица или двухлопастный (крылатый) бронзовый наконечник стрелы сибирского типа (например, под дольменом в Мугери уезда Кимхэ), корейские археологи считают несомненным происхождение корейской культуры каменных ящиков-гробов от бронзовой культуры Сибири. Отмечается также, что каменные ящики-гробы, проникшие в Корею (через Маньчжурию) в виде самостоятельного сооружения, сначала развились в подземную часть дольменов южного типа, напоминающую скорее не отдельный гроб, а саркофаг, который затем, постепенно увеличиваясь в размере, превратился в подземную гробницу последующего периода трех государств¹¹⁰.

Однако трудности в изучении бронзового века в Корее связаны с тем, что сохранившиеся собственно бронзовые предметы (изделия периода развитой бронзовой культуры) связаны с периодом после появления железных орудий, что затрудняет определение границ между бронзовым и ранним железным веком. Поэтому основными датировочными предметами служат керамические изделия. Для бронзового века характерна волчкообразная гладкая керамика, изготовленная из более клейкой глины, чем гребенчатая предшествующей эпохи. В основном гладкая (отклонения имеются только в сторону отдельных линейных или набивных орнаментов), эта керамика служит как бы связующим звеном между предшествующей гребенчатой и последующей красной (редко разноцветной) и темно-серой керамикой кимхэского (протосилланского) типа, связанного с развитым железным веком. Красная полированная (или краснолаковая в японской литературе) керамика, представленная тонкостенными сосудами шарообразной формы с продолговатой горловиной, получила свое название от того, что поверхность ее обмазывалась окисью железа, а полировалась чем-то вроде точильного камня. В раковинной куче Сонпхёндон (уезда Унгый, пров. Сев. Хамгён, где более всего она распространена) эта керамика представлена образцом разноцветной (на красном фоне нанесен темный орнамент из рядов U-образных знаков). По сходству с цветной керамикой Северного Китая некоторые археологи считают эту корейскую керамику разновидностью красной (или разноцветной) керамики азиатского типа, возникшей в ходе распространения китайской керамики на район Маньчжурии и Монголии, где ее распространение прослеживается до III в. до н. э. В районах Южной Кореи, где ее нахо-

¹¹⁰ См.: Ким Вольён. Указ. Соч., с. 266.

дят под дольменами южного типа, она существовала и в раннем железном веке¹¹¹.

По вопросу о путях появления культуры железных орудий и начале железного века существуют значительные разногласия среди археологов. Начало периода железных орудий японские археологи связывали с волной китайского влияния, охватившего Ляодун и Северо-Западную Корею в IV—III вв. до н. э., что выразилось в распространении ножевидных денег, монет государства Янь периода «борющихся царств» (Чжаньго). Согласно этим предположениям по мере переселения на восток жители северных районов Китая с железно-бронзовой культурой оставляли клады ножевидных денег на Ляодунском полуострове, в Канге и Чончхоне бассейна рек Амноккан и Токноган, в Нёнбёне верховья р. Чхончхонган, в Нёнвоне и Токчхоне верховья р. Тэдонган, на о. Кидо уезда Чхольсан и в Тыхване по морскому побережью между устьями рек Амноккан и Чхончхонган¹¹². На том основании, что некоторые клады этих денег были найдены в керамических сосудах со шнуровым орнаментом (например, в Кильсанни, уезда Канге), имеющих отношение к культуре кимхэского типа, или сопровождалась железными изделиями, делался общий вывод о том, что как железные изделия, так и носители культуры железно-бронзовых орудий пришли сюда извне (через район среднего течения р. Амноккан). Как письменное подтверждение этих предположений археологи приводят известие китайских летописцев о выходе из царства Янь некоем Ви Мане, который, свергнув прежнего царя, захватил власть в Древнем Чосоне (начало II в. до н. э.).

С этих позиций южнокорейские ученые трактуют и новые археологические материалы, полученные после освобождения страны. Касаясь открытия землянок с подогреваемым полом в Нонамни (уезда Сиджун, Сев. Пхёнан), где было найдено рядом и место плавки железа, и в Унгый пров. Сев. Хамгён (в смешанной стоянке, принадлежащей культурам гребенчатой и красной керамики), которые свидетельствуют о наличии типично корейского жилья как на западном, так и на восточном побережьях Кореи, они отмечают, что землянки не были единственным типом жилья всех людей периода раннего железа, что представители имущего класса в центре страны уже несомненно проживали в наземных деревянных домах, судя по тому, что ездили верхом на конях или в колесницах с бронзовыми украшениями, вооружались бронзовыми мечами и пиками, а также железными топорами и копьями. Перечисляя археологические находки в Ёнёндоне уезда Вивон (Сев. Пхёнан), где наряду с разнообразным оружием (железными топорами, пиками и наконечниками стрел) находились

¹¹¹ См.: там же, с. 259, 264—265.

¹¹² См.: Фудзита Р. Тёсэн гогаку кэнкю (Исследования по археологии Кореи). Киото, 1948, с. 196—292; Хангук мунхваса тэге, т. I, с. 265—266.

такие орудия, как железные серпы, полулунные железные ножи, мотыги и лемехи, южнокорейские археологи полагают, что новос оружие и сельскохозяйственные орудия из железа обеспечили коллективам пришельцев господство над коренным населением, вытеснив носителей дольменной культуры¹¹³.

Характерным для этого периода оружием был узкий бронзовый кинжал «корейского типа» (его лезвие прикреплялось к отдельной каменной рукоятке), прототипом которого послужил кинжал скрипкообразной формы, обнаруженный в земляной («ямной») могиле уезда Чаоян пров. Ляонин (кинжал так называемого ляонинского или маньчжурского типа). Узкому бронзовому кинжалу сопутствовали бронзовые пики и копья (китайского типа), бронзовые детали конской сбруи и колесниц, а также тонкоузорные бронзовые зеркала с двумя ушками (отличающиеся от одноушковых китайских). Особо подчеркивается, что подобные бронзовые и железные изделия, находимые в большом количестве в районе Пхеньяна, сопровождаются серой керамикой китайского типа, отличающейся от предшествующей гладкой (безорнаментной) керамики. По мнению южнокорейских археологов, люди, пользовавшиеся этими железными орудиями, принесли и новую форму погребений — ямно-земляные могилы (тхогванмё), открытые в Тхэсонни уезда Квансо (пров. Южн. Пхёнан) и в Унсонни (Сев. Хванхэ), имевшие длину около 3 м и ширину в 1 м, предназначенные для одиночного или парного (супружеской пары) захоронения. В них обнаружены характерные бронзовые кинжалы, пики, колокольчики и железные предметы. Погребения в больших глиняных урнах (соединенных по 2—3) тоже относятся к этому периоду.

Эта железо-бронзовая культура раннего железного века, по их мнению, сначала развивалась в Северо-Западной Корее и оттуда по суше и морю распространилась на южные районы страны, откуда (после смешения с культурой гладкой керамики) дошла до Западной Японии, положив начало культуре яёи. Об этом свидетельствуют наряду с дольменами погребения в больших глиняных урнах и ямно-земляных могилах, наличие полулунных каменных ножей, каменных топоров с желобками, бронзовых кинжалов и пик, бронзовых колокольчиков и зеркал с тонкими узорами, а также железных орудий, причем характерны появление железа раньше бронзы и более крупные размеры бронзовых кинжалов, пик и колокольчиков¹¹⁴.

Завоевание Древнего Чосона Ханьской династией и учреждение на его землях округа Лолан (Наннан) в 108 г. до н. э. рассматривают как важный импульс для дальнейшего распространения культуры бронзовых и железных орудий по всей Корее. На-

¹¹³ См.: Ким Вольён. Указ. соч., с. 266—267.

¹¹⁴ См.: там же, с. 268—269.

хождение в ряде мест Южной Кореи (в Рёнаме, Квансане пров. Чолла, Тэгу и Кёнджу пров. Кёнсан) вместе с памятниками культуры гладкой керамики концентрированных стоянок людей раннего железного века (формы для отливки бронзовых изделий говорят об их местном производстве) объясняется тем, что под давлением ханьских войск (вооруженных длинными мечами) всадники с короткими мечами (кинжалами) отступили из Древнего Чосона в Южную Корею. Полагают, что со временем пришлые люди, осевшие в Южной Корее, ассимилировались с коренным населением и положили начало процессу формирования нового классового общества¹¹⁵.

По-иному представляют процесс перехода к употреблению железных орудий в Корее ученые КНДР. Наступление железного века они не связывают с появлением извне какого-то племени (в частности, китайцев) или каким-то способом распространения его из внешних источников (посредством торговли и т. п.), хотя и не отрицают таких фактов, а рассматривают его как процесс постепенного перехода местного населения к употреблению железных орудий наряду с орудиями предшествующей эпохи. А начало культуры железа отмечено появлением тонкостенной черной керамики (в конце бронзового века), которая все еще изготовлялась старым способом налепа без применения гончарного круга. Позже стал применяться гончарный круг, на котором делалась уже серая керамика с набивным орнаментом. В самом факте появления черной керамики усматриваются элементы скифского влияния, хотя найденная в Одоне керамика не отличалась такой блестящей поверхностью, как скифская, и сопровождали ее в основном каменные орудия. Хотя в Одоне и не попадались бронзовые предметы, эта культура (до железа) признается более высокой по уровню, чем культура о. Чходо (того же района), где были найдены изделия из бронзы. Черная тонкостенная керамика служит как бы предвестницей железного века.

В качестве свидетельств культуры раннего железного века археологи КНДР приводят открытые ими памятники Северо-Восточной и Северо-Западной части страны. В Одоне на месте землянки (вероятно, относящейся к предшествующей эпохе), названной жильем № 6, были обнаружены обломки железных кельтов («сумчатого топора») и черепки серой керамики с набивным орнаментом. На о. Чходо были найдены до 50 плохо сохранившихся остатков железных предметов и черепки тонкостенной черной керамики. В бассейне р. Токноган (в стоянке Ронамни) найдена весьма характерная коричневая керамика (горшки, блюда с крышками и парными ручками) вместе с каменными орудиями (такими, как цилиндрические топоры с косыми лезвиями и наконечники стрел с желобками) и остатками железных предметов,

¹¹⁵ См.: там же, с. 269—270.

которые, однако, трудно отличить от инвентаря последующего когурёского периода. В пещере Мисонни (уезд Ыйджу, Сев. Пхёнан), в самом последнем ее культурном слое обнаружена характерная керамика раннего железного века, напоминающая часть керамики японской культуры яёи и культуру Ляодунского полуострова — каменных могил Муянчэна (уезд Лаотешань) или Ситуаньшаньцзы (уезда Цзилинь). Несмотря на отсутствие собственно железных предметов, обнаруженные в Мисонни керамические сосуды с продолговатой и широкой горловиной в форме раструба (составляющего примерно половину высоты тулова при общей высоте в 20—25 см), серо-коричневого цвета, с тонким волнистым узором у горловины и поперек тулова, признаются несомненно принадлежащими раннему железному веку (рис. 16). Эти сосуды имеют ручки овальной формы или формы сосков посередине тулова. Из других предметов в Мисонни найдены каменные наконечники стрел, цилиндрические бусы, а также маленький бронзовый топор типа кельта (с сумкой для насада ручки) с овальным лезвием с характерно загнутыми краями (рис. 17).

Такой же топор обнаружили в каменной могиле, обложенной круглыми камнями в Сольмэколь (Сосновой горке) деревни Сонсанни уезда Понсан (Сев. Хванхэ). В боковой от гроба камере этой могилы кроме бронзового кельта найдены бронзовые долота (тоже с сумкой для насада ручки), бронзовое землеройное орудие наподобие мотыги (тоже с сумкой), а также бронзовый нож, узкий кинжал корейского типа и тонкоузорное бронзовое зеркало (рис. 18). Кроме того, здесь найден аналогичный бронзовому железный кельт. Тип могилы (ямная с каменным гробом) и ее инвентарь считаются родственными погребениям на Ляодунском полуострове и китайским периода Чжаньго и, возможно, принадлежавшими культуре Древнего Чосона¹¹⁶.

К культуре раннего железного века археологи КНДР относят кимхэские и янсанские раковинные кучи в бассейне р. Нактонган. Там при сохранении каменных орудий (топоры, полулунные ножи) железные изделия были найдены вместе с серой керамикой, имеющей набивной или шнуровой орнамент. Если южнокорейские (а ранее японские) археологи видели в кимхэской керамике следы техники серой керамики, заимствованной у китайцев вместе с железными орудиями, то археологи КНДР считают неправильным связывать начало железного века с чужеземным влиянием или приходом иноплеменников, так как в Корее многочисленны археологические памятники, которые свободны от китайского влияния и принадлежали местному населению. Вместе с тем они не отрицают наличия в Корее археологических памятников железного века, принесенных китайскими мигрантами, ни той роли, которую они сыграли в распространении культуры железа. Раскопки в

¹¹⁶ См.: То Ю хо. Первобытная археология Кореи, с. 235—237.

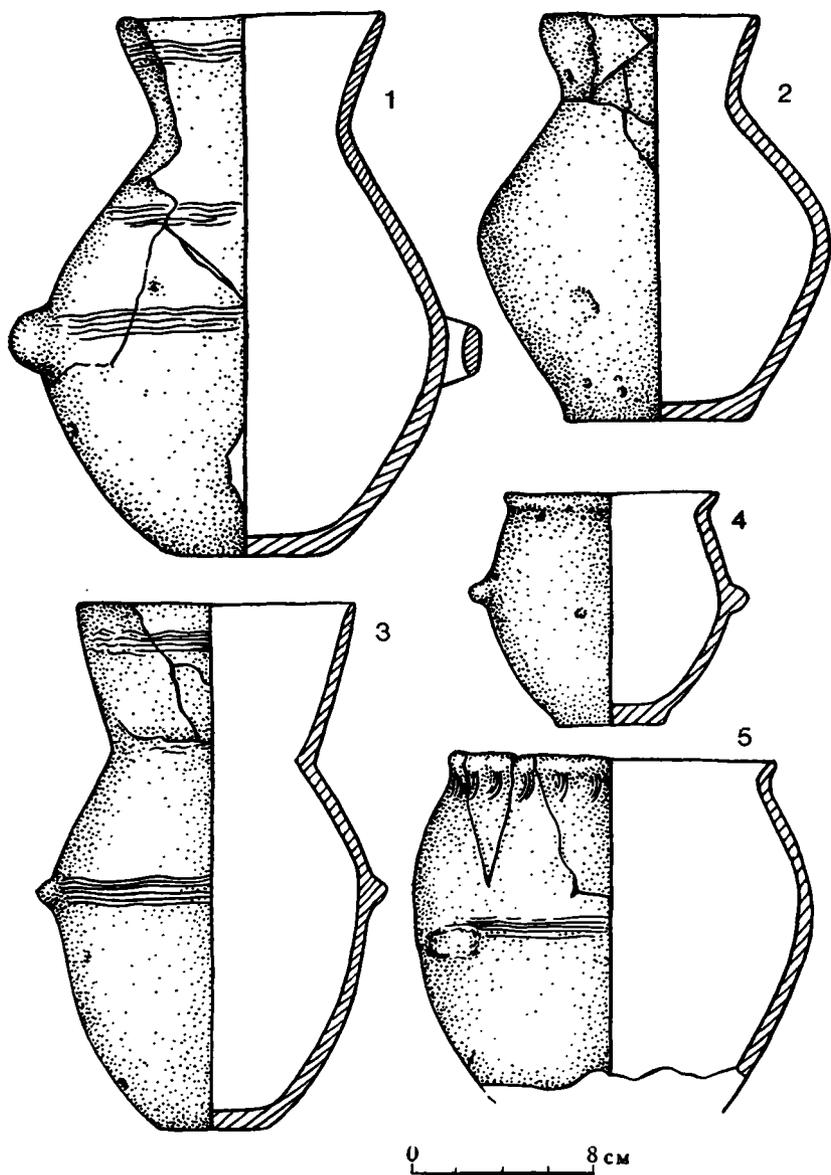

Рис. 16. Керамические сосуды из пещеры в Мисонни

Елишдоне (уезд Вивон, пров. Чаган) обнаружили наряду с кладом пожевидных денег железные земледельческие орудия (мотыга, серп, полулунный нож, кельт) того типа, которые имели широкое распространение в Северном Китае в период Чжаньго. Но, как отмечает То Юхо, это не означает внедрения китайцами культуры железа в Корею, так как по новым археологическим данным из района Тумангана начало железного века в Корее может быть датировано IV в. до н. э. или немногим ранее, т. е. тем же временем, когда эта культура возникла в самом Китае¹¹⁷.

Таким образом мы подошли к вопросу о периодизации бронзового и раннего железного века в Корее. В противовес концепции японских археологов о так называемом «периоде одновременного употребления камня и металлов», относимого к IV—I вв. до н. э.¹¹⁸, археологи КНДР не только обосновали тезис о существовании самостоятельного бронзового века в Корее, но и по своему определили его хронологические рамки. То Юхо конечным рубежом бронзового века (или начала железного) считает время не позднее III в. до н. э. (а для северной части Кореи — не позднее начала IV в. до н. э.) и намечает предварительные ориентиры для определения начала бронзового века. При первом подходе появление бронзовой культуры в Корее он связывал с такими последствиями передвижения племен к северу от Великой китайской стены, как смена в Сибири карасукской бронзовой культуры тагарской (в VII в. до н. э.), и соответственно датировал VII в. до н. э. Но затем он считал это свое мнение ошибочным, видя большой разрыв между VII в. до н. э. и концом керамики с орнаментом в виде волнистых полос из точек. Обнаружение в Читхамни между слоями гребенчатой и волчкообразной керамики промежуточного слоя гребенчатой керамики с ручками дало основание предполагать, что, может быть, отсюда начинается бронзовый век. Выявление на о. Чходо бронзовых предметов (пуговицы, браслета) карасукского типа и керамики, еще не испытавшей

Рис. 17. Бронзовый топор с сумкой из Мисонни

¹¹⁷ См.: там же, с. 240—242.

¹¹⁸ См.: Фудзита Р. Тёсэн когогаку кэнкю (Исследования по археологии Кореи), с. 19—30. Японский археолог Миками Ц. этот период назвал временем дольменного общества и датировал II в. до н. э.—IV в. н. э. (см.: Воробьев М. В. Указ. соч., с. 66).

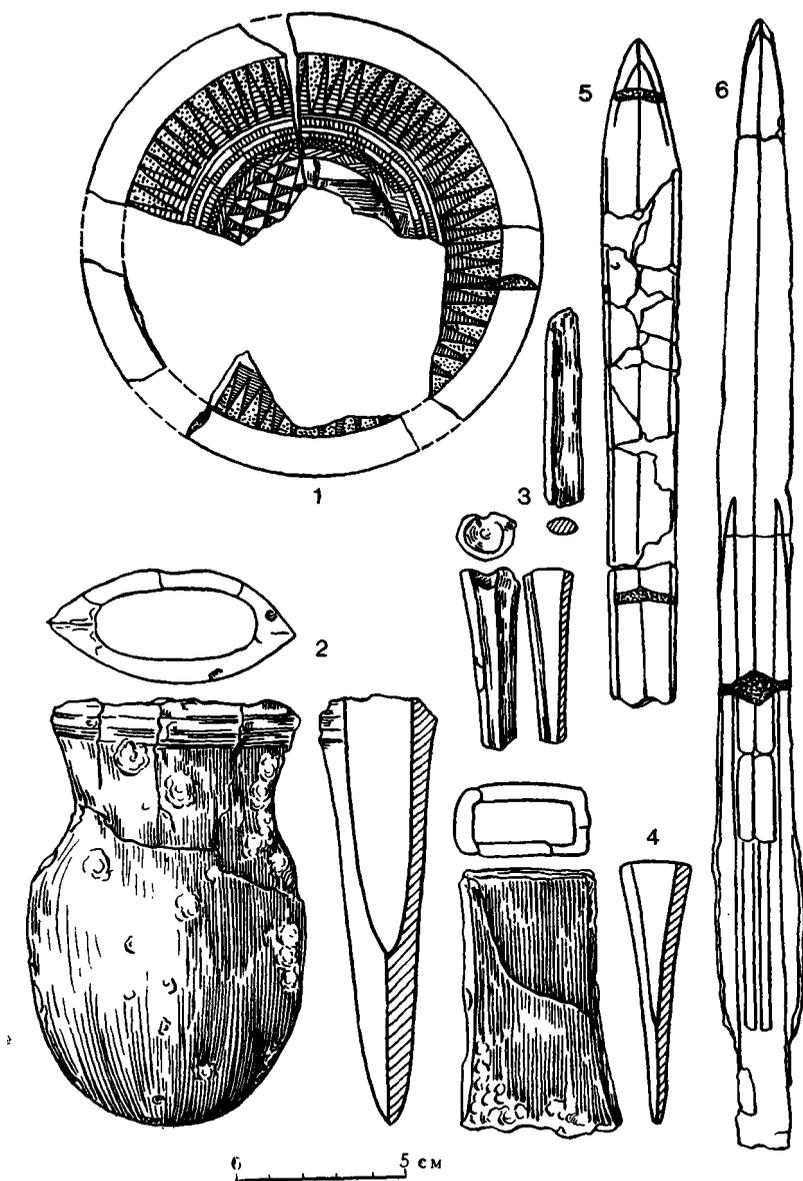

Рис. 18. Бронзовые предметы из погребения в Сольмэколь

скифского влияния, также убедило его в том, что начало бронзового века (равно и мегалитической культуры) следует датировать VIII или IX в. до н. э. Исходя из этого, последующие культуры бронзового века (Помыйкусок в уезде Мусан, Одон в уезде Хверён) он датировал VI в. до н. э. В дальнейшем, учитывая влияние на Корею бронзовой культуры районов Сибири еще с времен неолита, То Юхо склонялся к датировке начала бронзового века в Корее концом II тыс. или началом I тыс. до н. э.¹¹⁹

Промежуточное положение между этими представлениями и схемой японских археологов занимает периодизация бронзового и железного века южнокорейскими археологами. Как уже отмечалось, в «Хангукса» бронзовый век подразделен на ранний (бронзовый век I) и поздний (бронзовый век II, или железный век I). Начало бронзового века в Корее связывается с передвижением племен со стороны Маньчжурии (совпавшим по времени с появлением тагарской культуры в Сибири), что подтверждается найденными в Корее бронзовыми изделиями тагарско-ордосско-ляонинского типа, погребениями в каменных саркофагах (сокванмё) и гробах-ящиках (соксанмё), а также керамикой бронзового века в Северо-Западной Корее (Синамни, Симгвири, Конгвири и др.), следующей образцам цветной и красной керамики Маньчжурии¹²⁰. Хронологически оно определяется VII в. до н. э., ранее которого не встречаются бронзовые предметы на территории Кореи. Начало второго этапа бронзового века (бронзового века II, или железного века I) датируется ок. III в. до н. э., когда в бассейне нижнего течения р. Тэдонган утвердился культура узкого бронзового кинжала, сопровождаемого характерными бронзовыми копьями и железными изделиями.

Бронзовый век I (600—300 гг. до н. э.), в свою очередь делится на подпериоды — ранний (VII—VI вв. до н. э.) и поздний (V—IV вв. до н. э.). К первому из них отнесены памятники бассейна р. Амнокан и пров. Сев. Хамгён (о. Чходо, Помыйкусок, Одон и др.), возникшие с появлением бронзовых орудий сибирского происхождения и в условиях безраздельного господства неолита в южных районах. В культуре этого времени представлена цветная керамика, керамика с резным орнаментом и полированная гладкая керамика вместе с каменными, костяными, роговыми и бронзовыми предметами. К ним относятся, прежде всего, такие каменные изделия, как полулунные ножи, черенковые наконечники стрел, полированные топоры и зернотерки, а также бронзовые кинжалы ордосского и ляонинского (маньчжурского) типа, пуговицы, ножи и пр.

В поздний подпериод бронзового века I эта культура распространилась дальше на юг от бассейна р. Тэдонган до бассейна

¹¹⁹ См.: То Юхо. Первобытная археология Кореи, с. 213—214.

¹²⁰ Хангукса, т. I, с. 385.

р. Ханган, причем на этом этапе длинногорлые горшки цветной керамики (с парой ручек) сменяются узкодонными короткогорлыми горшками эллипсообразной формы (Симгвири и Конгвири) или широкогорлыми горшками эллипсообразной формы с очень узким дном. Сужение дна, утрата продолговатой горловины и сдвоенное верхнего края делает керамику рогаобразной (волчкообразной) формы. Для этого времени характерны каменные полулунные ножи, топоры, малые долота, топоры-палицы, полированные кинжалы, а также бронзовые топоры, долота, пуговицы, бубенчики, кинжалы ляонинского типа (основные и видоизмененные), а также многоушковые зеркала с грубыми узорами. Типичными погребениями являлись гробы-ящики и дольмены¹²¹. Ряд памятников этого подпериода датирован методом радиоуглеродного анализа.

Бронзовый век II, или железный век I, датируется с 300 г. до н. э. и связывается с влиянием ляонинской бронзовой культуры (воспринявшей китайскую железную культуру периода Чжаньго), с зарождением культуры узкого бронзового кинжала, развитием культуры железных орудий и установлением Чосона под властью Ви Мана. С учреждением ханьского округа Лолан (на месте центра Древнего Чосона) связывается повсеместное распространение железа в Корее. Датировочным фактором служит распространение гладкой керамики в Южной Корее, а в Северо-Западной Корее — распространение наряду с остродонной (волчкообразной) и серой керамики с набивным орнаментом, получившей повсеместное распространение к концу периода (кимхэская керамика). Начало бронзового века II характеризуется появлением узкого бронзового кинжала (корейского типа), бронзовых зеркал переходной формы, из которых развивается зеркало с тонкими узорами, бронзовых копий и пик, деталей из колесниц и сбруй, железных предметов из погребений в ямно-земляных могилах (тхогванмё), дольменах, развитой формы гробах-ящиках, а также в больших глиняных урнах.

Бронзовый век II также разделен на 2 подпериода, из которых ранний охватывает III в. — вторую половину II в. до н. э. и представлен такими типично бронзовыми изделиями, как узкий кинжал (I типа), зеркала с грубыми узорами, долота, копья и др. (без железных изделий), найденных вместе с каменными орудиями в погребениях в каменных ящиках, в спаренных глиняных урнах.

Поздний подпериод бронзового века II (вторая пол. II в. — конец I в. до н. э.) охарактеризован такими предметами, как бронзовый узкий кинжал (II типа), зеркала с тонким узором, бронзовые пики и копья, детали колесниц и бубенцы, находимые вместе с железными изделиями в могилах ямно-земляного (тхогван) типа, причем детали колесниц и железные предметы рассматри-

¹²¹ Хангукса, т. I, с. 387—388.

наются как отражение сильного культурного влияния Китая (Ханьской империи)¹²².

Разный подход к периодизации бронзового и раннего железного века несомненно отражает различия в оценке достигнутого уровня социального развития корейского населения в течение нескольких веков до начала н. э. По имеющимся археологическим данным (далеко не исчерпывающим) еще не произведен такой системный анализ, который позволял бы точно представить сложные этнические и социальные процессы в различных частях Кореи, несомненно развивавшихся крайне неравномерно в канун перехода к классовому обществу и государственности.

В общих чертах можно представить себе, что переход к применению бронзовых и железных орудий означал крупный сдвиг в развитии производительных сил, вызвавший и соответствующие социальные перемены. В этой связи нельзя не вспомнить слова К. Маркса: «Экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд»¹²³.

В связи с этим интересно примечание Маркса: «Как ни мало историческая наука знает до сих пор развитие материального производства, следовательно основу всей общественной жизни, а потому и всей действительной истории, однако, по крайней мере, доисторические времена делятся на периоды на основании естественнонаучных, а не так называемых исторических изысканий, по материалу орудий и оружия: каменный век, бронзовый век, железный век»¹²⁴.

Однако отсюда вовсе не следует представлять дело таким образом, что общественные экономические отношения находятся в механической зависимости от орудий труда (техники), которые только опосредованно (через сложную экономическую, политическую и иную деятельность людей) могут влиять на характер общественных отношений. Как показывает история, при одном и том же уровне техники, например после начала применения железных орудий, могут существовать самые различные общественные отношения (первобытнообщинные, рабовладельческие, раннефеодальные). Поэтому в задачу историков входит изучение всех сторон развития производительных сил и определяемых ими общественных (производственных) отношений. Отсюда понятно, что для характеристики общественных отношений следует рассматривать археологические данные с привлечением письменных источников.

Вероятно, что в период бронзового и раннего железного века все населявшие Корейский полуостров племена находились (пусть

¹²² Там же, с. 390.

¹²³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 191.

¹²⁴ Там же.

в разной степени) на пути к утверждению классового общества и государства. Особенно важно иметь в виду значение применения железного орудия и оружия, появляющегося почти у всех народов в канун перехода к стадии цивилизации. Отметив социальные последствия развития земледелия и скотоводства на средней ступени варварства, приведшие к началу распада родового строя, Ф. Энгельс отмечал: «Следующий шаг ведет нас к высшей ступени варварства, к периоду, во время которого все культурные народы переживают свою героическую эпоху, — эпоху железного меча, а вместе с тем железного плуга и топора. Человеку стало служить железо, последний и важнейший из всех видов сырья, игравших революционную роль в истории, последний — вплоть до появления картофеля. Железо сделало возможным полеводство на более крупных площадях, расчистку под пашню широких лесных пространств; оно дало ремесленнику орудия такой твердости и остроты, которым не мог противостоять ни один камень, ни один из других известных тогда металлов. Все это не сразу; первое железо бывало часто еще мягче бронзы. Каменное оружие поэтому исчезало лишь медленно...»¹²⁵.

Подобное положение было и в Корее. Из предыдущего изложения известно, что в Корее в период бронзы и раннего железного века не только сохранялись, но и имели большое значение орудия и оружие из камня. Только с применением качественных железных изделий они были вытеснены еще до начала новой эры (о чем свидетельствует кимчэская культура развитого железа).

Хотя земледелие зародилось уже к концу неолита, характерной особенностью Кореи (как и Японии) было то, что в бронзовом веке земледелие (как способ производства, а не добывания готовых продуктов питания) превратилось в главное занятие населения, предшествующее разведению домашних животных (кости домашних свиней обнаружены только в культуре раннего железа — Мисонни). Свидетельством повсеместного распространения земледелия являются полунатурные каменные ножи бронзового века, служившие для резания колосьев зерновых, сначала различных видов просяных культур, а затем и поливного риса. Культура риса, появившаяся в бронзовом веке (сначала на юге страны), широко распространилась по стране в период развитого железа. И в бронзовом и в раннем железном веке среди корейского населения важное значение имели охота и рыболовство, дополнявшие земледелие, которое обеспечивало избыток в продовольствии и создавало условия для производства прибавочного продукта в пользу имущего эксплуататорского класса.

Эти интенсивные изменения в состоянии производительных сил, происшедшие в бронзовом и раннем железном веке, постепенно подтачивали основы первобытнообщинных отношений среди ко-

¹²⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 162—163.

рейских племен (о частых межплеменных конфликтах можно судить по следам пожаров в жилищах бронзового века) привели со временем к образованию классового общества и древних государств, возникавших сначала, видимо, на базе союзов племен периода военной демократии. Но ввиду сложности вопрос об уровне социально-экономического развития корейского населения до начала новой эры и характере первых политических образований (Древнего Чосона и др.) в течение долгого времени служит предметом споров и дискуссий в исторической науке.

НОВЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ КОРЕИ

Многие годы в исследованиях историков КНДР важное место занимает изучение (а практически воссоздание) древней истории Кореи, туманно представленной в средневековой историографии и особенно искажавшейся в работах тех японских историков, которые стремились подчинить истолкование прошлого целям колониальной политики империалистического государства.

Долгое время оставались невыясненными такие основные проблемы древней истории Кореи, как истоки ее государственности, характер и местонахождение первых государственных образований (Древний Чосон и др.). Так, например, местонахождение Древнего Чосона разноречиво определяли китайские историки и географы уже с начала новой эры. А корейская феодальная историография, проникнутая духом преклонения (садэ) перед Китаем (сюзереном), ставила появление государства в Корее (Древнего Чосона) в зависимость от деятельности выходцев из Китая, вот почему передовые корейские ученые школы Сирхакпха (XVII—XVIII вв.), борозившиеся против косности конфуцианских идей, считали несостоятельной средневековую историографию и стремились выяснить истоки древних государств вне зависимости от Китая. Однако с установлением колониального господства японского империализма пороки феодальной историографии были усугублены фальсификациями идеологов японского империализма, выдвинувших тезис об «извечном» колониальном положении Кореи. Исходя из этого, археологические памятники ранней цивилизации в Корее они объявили принадлежащими не местному населению, а пришлым китайским колонистам. В этих условиях борьба против колонизаторских концепций древней истории Кореи для прогрессивных корейских историков приобретала в то время национально-освободительный и патриотический характер. При трактовке ряда вопросов древней истории (особенно по исторической географии) эти историки опирались на наследие, оставленное передовыми учеными конца феодальной эпохи. Лишь в период после освобождения, опираясь на марксистскую методологию, историки КНДР достигли определенных результатов в трактовке спорных и нерешенных воп-

росов древней истории, касающихся прежде всего истории зарождения государственности вообще и государства Древний Чосон в частности¹²⁶. Оживленные дискуссии, начавшиеся в 60-х гг., завершились установлением единства мнений историков КНДР по таким вопросам древней истории Кореи, как время формирования древнейших государств на территории Кореи и характер их общественно-экономического строя. Отражением этой общей позиции историков КНДР служит коллективная работа Отдела истории Института археологии Академии общественных наук КНДР¹²⁷, обобщающая результаты прежних исследований и новейшие археологические данные. Как изложение новых представлений историков КНДР по основным проблемам древней истории Кореи эта книга заслуживает внимания наших читателей.

В двух частях монографии освещены проблемы истории Древнего Чосона и государства Наннана (или Махана, существовавшего в районе современного Пхеньяна), заново открытого учеными КНДР.

Первым в истории корейского народа политическим образованием был Древний Чосон, известный по кратким упоминаниям китайских письменных источников еще за много веков до н. э. Более или менее обобщенные сведения о Древнем Чосоне впервые встречаются только в «Ши цзи» («Исторических записках», кн. 115) Сыма Цяня (I в. до н. э.)¹²⁸, сообщавшего об этом государстве в связи с войнами Ханьской династии, захватившей Чосон (в 108 г. до н. э.) и учредившей на его землях четыре своих округа — Лолан (Наннан), Чэньфань (Чинбон), Линьтун (Имдун) и Сюаньту (Хэнтхо). Определение точного их местонахождения стало задачей историков вплоть до наших дней. В корейской феодальной историографии была воспринята одна из версий ранних китайских географов и комментаторов «Ши цзи», отождествлявших столицу Древнего Чосона — Вангомсон с позднейшим городом Пхеньяном. Археологические «исследования», осуществлявшиеся ученым ведомством японского генерал-губернаторства в 1916—1945 гг., не могли изменить традиционных представлений, ибо преследовали идеологическую цель доказать «колониальное положение» северной части Кореи со времен захвата Древнего Чосона войсками Ханьской династии. Раскопав в районе современного Пхеньяна около 200 могил, а также остатки зданий, японские археологи объявили их принадлежавшими процветающей колонии китайских поселен-

¹²⁶ Итогами изучения дискуссионных вопросов истории Древнего Чосона, преимущественно по письменным источникам, явились труды: Ли Джирин. Кочосон ёнгу (Изучение Древнего Чосона). Пхеньян, 1963; Кочосонэ кванхан тхорон нонмунджип (Сборник дискуссионных статей о Древнем Чосоне. Пхеньян, 1963, статьи в журнале «Ёкса квахак» (Историческая наука за 1961—1963 гг.).

¹²⁷ Кочосон мундже ёнгу — Исследование проблем древней Кореи (Древнего Чосона). (Далее — Исследование проблем...). Пхеньян, 1973.

¹²⁸ Ши цзи (Исторические записки), Цз. (кн.) 115. Чаосьянь лечжуань.

цев предполагаемого времени существования здесь ханьского административного округа Лолян, учрежденного на месте центра Древнего Чосона¹²⁹. Трактовка проблем Древнего Чосона приобрела для корейских историков особую актуальность в связи с борьбой против идеологических последствий господства колонизаторов. Естественным стало стремление представить Древний Чосон как государство не только с древнейшей, но и самобытной местной культурой, занимавшее достойное место в культурной истории народов Дальнего Востока. Однако скудость и противоречивость письменных свидетельств затрудняли выяснение даже таких вопросов, как местонахождение и основные черты социального и культурного развития Древнего Чосона, поэтому становилась очевидной необходимость проверки и дополнения письменных известий данными других исторических источников, прежде всего археологических.

Отличительной чертой рассматриваемого труда в подходе к проблеме Древнего Чосона вообще и его исторической географии в частности является то, что ее авторы в своих выводах опираются на новейшие данные археологических исследований в Корее и сопредельных районах, которые позволили им утверждать, что «территория от современной Северо-Западной Кореи до Ляодунского полуострова могла быть местом возникновения Древнего Чосона»¹³⁰. Подчеркивая, что при изучении древних корейских государств археологические данные говорят намного больше, чем сохранившиеся письменные источники. Авторы на основе материалов археологических исследований 60-х гг. развивают идею о том, что общность культурных традиций региона Ляодунского полуострова и северо-западной части Кореи, прослеживаемая на протяжении нескольких тысячелетий от неолита до раннего железа, позволяет рассматривать культуру Древнего Чосона как высшее к тому времени достижение в культурном развитии всего этого района.

Важное место в книге занимает обоснование тезиса, что выросшая в этом регионе культура бронзы и железа принадлежала именно Древнему Чосону, известному по упоминаниям китайских письменных источников. Подробное описание археологических памятников — погребений, жилищ, типичной для данной культуры керамики, оружия и других изделий из бронзы и железа — показывает общность процесса развития материальной культуры во всем районе к востоку от р. Ляо (т. е. на Ляодунском и Корей-

¹²⁹ Gardiner K. H. Y. The Early History of Korea. Canberra, 1969, p. 18—20.

¹³⁰ Кивонджон чхольёнги чонбанги кочосон мунхва (Культура Древнего Чосона в первой половине первого тысячелетия до н. э.).— В кн.: Кого минсок нонмун джип (Сборник статей по археологии и этнографии). Пхеньян, 1969, с. 32.

На этом исследовании основаны выводы анализируемой книги по проблемам культурного развития Древнего Чосона с начала I тыс. до н. э. по IV в. до н. э.

ском полуостровах). Материалы археологических раскопок в Северной Корее и на Ляодунском полуострове, осуществленных в 60-х гг., дают, по мнению авторов, основание показать, что с начала I тыс. до н. э. была создана на территории Северо-Западной Кореи и Ляодуна оригинальная культура, основывавшаяся на развитой технике бронзового литья (судя, например, по тонким бронзовым сканям). Типичным изделием, характеризующим эту культуру, считается найденный в большом количестве бронзовый кинжал скрипкообразной формы (в археологической литературе известен как кинжал «ляонинского типа»). Эволюция его формы вплоть до узкого бронзового кинжала служит основанием для относительной хронологии развития памятников этой культуры. Относимые к древнечосонской культуре VIII—IV вв. до н. э., эти скрипкообразные кинжалы, аналогичной формы (в поперечном разрезе) бронзовые копья, а также топоры-кельты и другие бронзовые орудия, как отмечено в монографии, не похожи на предметы бронзовой культуры Монголии или бассейна Хуанхэ, и отличаются своеобразием форм и орнаментов (в виде геометрических фигур, меандра и «елочек»), обнаруживающих сходство с предметами неолитической культуры этого района в III—II тыс. до н. э. и свидетельствующих о несомненной преемственности культур в данном ареале. Об этих чертах бронзовой культуры свидетельствуют и формы погребений (могилы в виде каменных ящиков) и керамических сосудов. Характерные сосуды мисонниского типа (горшки с округлым туловом и продолговатой горловиной растром, различные по составу теста и цвету) обнаружены как на территории Пхёнанской провинции, так и Ляодуна, причем в тех же местах, что и ареал распространения скрипкообразного бронзового кинжала. Прототипом этих сосудов считается остродонная неолитическая керамика II тыс. до н. э.

Подчеркивая последовательность развития в течение тысячелетий культур района Северо-Западной Кореи — Ляодуна, авторы книги указывают на тесную связь древнечосонской культуры VIII—IV вв. до н. э. с последующей металлической культурой III—II вв. до н. э., представленной археологическими памятниками Седжукни (Сев.-Зап. Корея) и Ёнхва (Ляньхуа на Ляодунском полуострове). Эта связь прослеживается на погребениях IV в. до н. э., представляющих по форме и содержанию инвентарю как бы промежуточное звено между могилами предшествующей эпохи и III—II вв. до н. э. Узкие бронзовые кинжалы, появляющиеся среди инвентаря IV в., считаются наиболее характерным предметом, определяющим облик металлической культуры обитателей этого района в III—II вв. до н. э. (рис. 19). Хотя в целом виде эти кинжалы не выявлены археологами (в культуре Седжукни — Ёнхва попадаются лишь отдельные детали рукоятки), их существование устанавливается и тем, что железные кинжалы из ямно-земляных (грунтовых) могил II—I вв. до н. э. (из района южнее р. Чхончхонган) воспроизводили форму

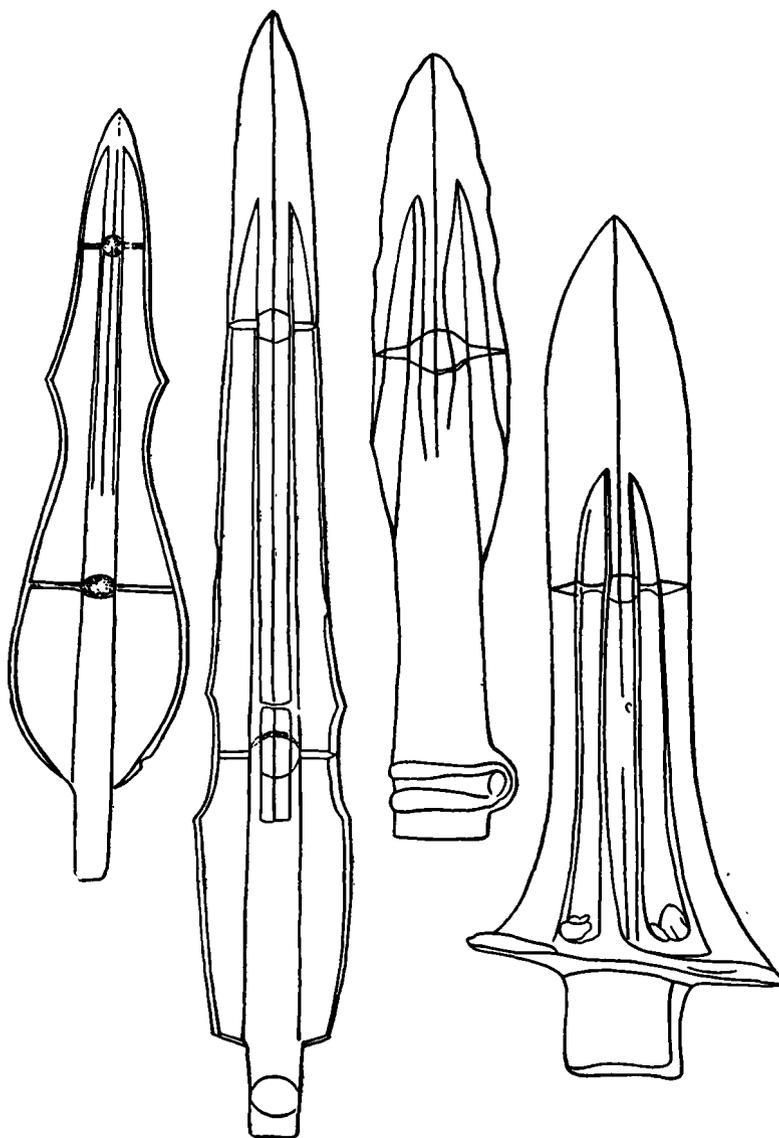

Рис. 19. Скрипкообразный кинжал «маньчжурского» типа, кинжал корейского типа и аналогичные по типу копьё и пика из северо-западной части Кореи

такого узкого бронзового кинжала. Наличие среди памятников культуры Седжукни традиционных в Корее дымоходов под полом жилья (жудыль), по мнению авторов, свидетельствует о том, что обитатели Древнего Чосона в III—II вв. до н. э. имели общие черты быта с населением остальной части Корейского полуострова. Попутно отмечается необоснованность построений японских археологов, пытавшихся памятники типа Седжукни — Ёнхва представить как якобы китайские и в нарушение хронологической последовательности культурных слоев, относивших всю изготовленную на гончарном круге серую керамику с шнуровым орнаментом к периоду после I в. до н. э., чтобы объявить их произведениями китайцев, живших в районе Пхеньяна. Самобытность памятников типа Седжукни — Ёнхва, представляющих культуру Древнего Чосона III—II вв. до н. э., доказывается авторами книги общностью всех сторон этой культуры, отличающихся от китайской. Если взять названную серую керамику, то ее отличие от аналогичной китайской (периодов Чжаньго, Цинь и Хань) устанавливается по своеобразию местных форм, составу теста, ассортименту и способу изготовления. Обнаруженные в Седжукни и Ёнхва медные деньги китайского производства, как подчеркивают авторы, не могут служить основанием считать эти памятники (поселения) китайскими, поскольку и тогда и впоследствии в Корее находились в обращении китайские деньги. А монеты «Ильхваджон» вообще не встречаются в Китае и можно считать чисто древнеchosонскими.

Археологические материалы служат авторам и для реконструкции социально-экономической истории Древнего Чосона. Так, по их мнению, развитие бронзовой культуры с VIII в. до н. э., когда литье бронзовых изделий (разного оружия, орудий и предметов украшений) превратилось в самостоятельную отрасль производства, влиявшую на земледелие, ремесло и торговлю, повлекло за собой коренные перемены и в социальной жизни Древнего Чосона. Авторы указывают на примеры совершенствования орудий земледелия, применения тягловой силы крупного рогатого скота (судя по деталям колесниц в Лоушане на Ляодунском полуострове и фрагментам колеса из Чуыри в Сев. Корее), существования заморских торговых связей, которые могли привести к социальным переменам. Словом, развитие производительных сил, связанное с применением бронзовых орудий, начавшееся имущественное неравенство подготовили условия для классового расслоения древнеchosонского общества, что аргументируется следами человеческих жертвоприношений, различием в уровне оформления могил, а также количеством и качеством захороненных предметов в обследованных погребениях VIII—IV вв. до н. э. на территории Ляодуна. Как полагают, наряду с могилами явных рабовладельцев, похороненных вместе с сожженными рабами, попадались могилы состоятельных людей (но без рабов) и бедняков, но не рабов. Отсюда следует вывод, что «древнеchosонское общество VIII—IV вв. до н. э. делилось на господствующий и эксплуатируемый (управляемый)

классы, в основном на рабов и рабовладельцев, между которыми располагались и массы простых людей, сравнительно свободных, и эксплуатируемые бедняки, не отличавшиеся по своему положению от рабов», что «в обстановке напряженного антагонизма и противоречий между этими классами государственная машина с различными средствами управления использовалась господствующим классом для сохранения и приумножения своих богатств и власти». Отражением этих классовых отношений считаются созданные в интересах господствующего класса так называемые «Восемь запретительных статей», из которых три известны в передаче «Хань шу» (наказание смертью за убийство, возмещения за ранение и кражу, причем вор превращается в раба того дома, где совершена кража, и пр.)¹³¹.

Рассматривая древнеchosонское государство как рабовладельческое, авторы книги обращают внимание на социально-классовые изменения, происшедшие в III—II вв. до н. э. Массовое появление в это время железных орудий (культура Седжукни — Ёнхва), вызвавших резкие перемены в состоянии производительных сил, особенно в земледелии и ремеслах (что заметно, например, в появлении черепичной кровли и пр.), должно было, по мнению авторов, привести и к социально-экономическим сдвигам, нашедшим, вероятно, отражение в смене династии во II в. до н. э. (воцарение Ви Мана вместо свергнутого Чуна, о чем повествуют китайские династийные истории «Ши цзи» и «Хань шу»). При отсутствии прямых письменных данных о социально-классовых процессах в Древнем Чосоне авторы исследования склонны из состояния материальной культуры сделать выводы о социально-экономической сущности названных политических перемен, видя в них отражение процесса «крушения рабовладельческого строя Древнего Чосона, развивавшегося на протяжении 4—5-ти столетий».

Исходя из предположений о длительном существовании на территории Ляодуна и Северо-Западной Кореи древнеchosонского рабовладельческого государства, авторы решают и проблемы его исторической географии. Чтобы определить местонахождение Древнего Чосона, очень важно установить, какая из современных рек в древности называлась рекой Ёльсу, протекавшей в центральной части Древнего Чосона. На основании рассказа Сыма Цяня о том, что во время вторжения войск Ханьской династии в 109 г. до н. э. ее морские силы (во главе с Ян Фу) прибыли по Бохаю в устье р. Ёльсу, чтобы атаковать чосонскую столицу Вангомсон, авторы считают, что устье р. Ёльсу надо искать на ляодунском побережье Бохайского залива, так как если бы р. Ёльсу соответствовала какая-нибудь из корейских рек (Тэдонган, Ханган), то китайцам не следовало бы к ее устью плыть по Бохаю. Опираясь на известие комментатора «Ши цзи» Чжан Аня (III в. н. э.), что Ёльсу, образованная слиянием трех рек (Сыпсу, Ёльсу и Сонсу), была

¹³¹ Хань шу, цз. 28 (ч. II); Дили чжи, цз. 8.

большой рекой, давшей название Чосона, авторы книги полагают, что такой рекой могла быть только современная р. Ляо. Такой вывод косвенно подтверждается сообщениями корейских летописей «Самгук Саги» и «Самгук юса», называвших р. Ляо также рекой Амнок или Орель (что по-древнекорейски означало «Большая река»). Следовательно, Ельсу (или Рёльсу) представляло простое сокращение слова «Орельсу», а Рёсу (или Ляошуй по-китайски) произошло от Рёльсу или Ельсу. А переименование Ельсу в Ляошуй (по-корейски Рёсу), вероятно, произошло после падения Древнего Чосона. Такая разгадка проблемы реки Ельсу признается более вероятной, чем традиционная версия (восходящая к «Шуйцзин чжу» Ли Дао-юаня, 469—527 гг.), отождествлявшая Ельсу с р. Тэдонган, а Вангомсон (столицу Древнего Чосона) с современным Пхеньяном. По мнению авторов, слабость традиционной версии (поддержанной и японскими археологами) состоит в том, что она, прежде всего, противоречит рассказу Сыма Цяня о порядке передвижения ханьских морских сил, что нигде документально не подтверждается ни то, что Тэдонган когда-либо назывался Ельсу, ни то, что в Пхеньяне находился центр ханьского округа Лолан, как утверждает автор «Шуйцзин чжу». Поэтому сомнительны и считавшиеся «лоланскими» археологические памятники этого времени в районе Пхеньяна. Итак, центральная часть Древнего Чосона (со столицей Вангомсон), по мнению авторов, могла быть только в нижнем течении р. Ляо, к востоку от ее устья, где-то между современными городами Хайчэн и Кайпин. Конечно, достоверность этого вывода была бы полностью доказана, если бы удалось найти материальные следы самого этого города. Исходя из этих же предпосылок решается и вопрос о западной границе Древнего Чосона, проходившей по р. Пхэсу. Опровергая традиционные мнения, отождествлявшие Пхэсу с одной из больших рек Северо-Западной Кореи (с Тэдонганом, Чхончхонганом или Амнокканом)¹³², авторы книги в качестве наиболее вероятной из современных рек, соответствующих Пхэсу, называют р. Далиньхэ (Тэнынха), протекающую между р. Ляо и районом, где оканчивались оборонительные стены эпохи Цинь. А южную границу Древнего Чосона (III—II вв. до н. э.) они определяют по р. Чхончхонган, где согласно новейшим представлениям проходила северная граница древнего государства Чин (называвшегося также Маханом и Наннаном). В указанное время в составе Древнего Чосона находились земли Окчо, Е и Когурё, как прямо указывается в «Хоухань шу». В этой связи любопытно определяется местонахождение гор Тандан тэрён (Дандан далин в кит. чтении), которые раньше отождествлялись с когурёскими горами Кэма (к востоку от которых, по «Саньго чжи», находилось Восточное Окчо). Ссылаясь на

¹³² См.: Юриков Х. К. О месте Древнего Чосона (по материалам «Ши цзи» Сыма Цяня).— В кн.: Топонимика Востока. Исследования и материалы. М., 1969, с. 113—124.

сообщение «Хоухань шу» о том, что горы Дандан далин находились в центральной части Древнего Чосона, авторы подчеркивают, что Окчо в его составе нельзя отождествлять с Восточными Окчо, а горы Дандан далин находились к западу от Когурё и соответствуют Матяньлин в горной цепи Тяньшань. Отсюда и месторасположение земель Е и Окчо в составе Древнего Чосона следует искать где-то по р. Чхончхонган, у побережья Желтого моря. Эти земли, присоединенные к Когурё, не следует отождествлять с позднейшими Восточным Окчо и Восточным Е.

Вторая часть рассматриваемого труда посвящена проблемам древнего государства Наннан (или Чин, Махан), располагаемого в районе современного Пхеньяна и связываемого с общей культурной традицией Древнего Чосона.

Тезис о существовании древнего корейского государства с центром в районе современного Пхеньяна обосновывается результатами исследования памятников материальной культуры Северо-Западной Кореи в период после разложения первобытнообщинного строя и до утверждения здесь раннефеодального государства Когурё¹³³. Исследованы погребения и городища (их всего пять), из которых важное значение имеют Наннан в провинции Южн. Пхёнан и Усонни в провинции Южн. Хванхэ. В кладбищах вокруг них выявлено до 2000 могил, которые по типам различаются на ямно-земляные (тхогванмё) или грунтовые (грунтовые с каменными гробами, просто грунтовые с деревянными досками на полу и грунтовые с деревянными саркофагами), «срубные» (со срубам из тесаного дерева или сочетание срубов с кирпичными стенами и полом) и на погребения в кирпичных цистах (с крышками из дерева, кирпича или каменных плит). Смена типов могил, отражающая изменения в погребальных обрядах, служит и для изучения изменений в уровне культурного и социального развития населения. Эволюция форм погребений и изменения в составе их инвентаря (начиная с бронзовых изделий, из которых наиболее характерным является узкий бронзовый кинжал, генетически связанный со скрипкообразным бронзовым кинжалом Древнего Чосона) дали основание для выводов о преемственности культуры Северо-Западной Кореи (к югу от р. Чхончхонган) в отношении культуры Древнего Чосона и о единстве процессов культурного развития в течение ряда веков, представленных этими тремя типами погребений.

Ранние из грунтовых могил — ямы с каменными обрамлениями или каменными гробами — свидетельствуют о сохранении старой традиции устройства могил в форме каменных ящичков (могила в Чхонгольи), и в их инвентаре преобладают бронзовые изделия,

¹³³ Эти археологические исследования обобщены в работе Кивонджон 5 сеги — кивон 3 сеги Собук чосоны мухва (Культура Северо-Западной Кореи с V в. до н.э. до III в. н.э.). — В кн.: Кого минсок нонмунджип (Сборник статей по археологии и этнографии), вып. 3. Пхеньян, 1971.

а железных мало и низкого качества. Прослеживается связь культуры грунтовых (ямно-земляных) могил с бронзовой культурой предшествующего периода. Грунтовые могилы с деревянными саркофагами, содержащими разные железные орудия и оружие, представляют переходную форму от грунтовых могил к срубам, и культурная связь между ними устанавливается сравнением содержащегося в них инвентаря. Так, керамика из срубных могил, особенно горшки формы цветочниц и короткогорлые горшки с выпуклым туловом, значительно отличаются от керамики аналогичных китайских могил того времени и подобны керамике грунтовых могил II—I вв. до н. э. Хотя в целом для срубных могил характерно наличие железного оружия, в них встречаются типичные для грунтовых могил узкие бронзовые кинжалы. Об этом же говорят и декоративные бронзовые детали колесниц и сбруи для лошадей. Преемственная связь между погребениями в срубках и кирпичных цистах устанавливается наличием таких могил переходной формы, как срубная могила с кирпичным полом (могила № 2 в Чонодоне). А появление в дальнейшем кирпичных цист с боковым траншейным входом объясняется стремлением упростить совместное захоронение супругов, умиравших в разное время. Как отмечают авторы, вся преемственность культур, отразившаяся в разных погребальных обрядах, особенно ярко прослеживается в могилах Тхэсонни (уезд Кансо, пров. Южн. Пхёнан), где выявлена эволюция всех трех типов погребений.

Проблема абсолютной хронологии разных погребальных обрядов (форм могил) успешно решается благодаря датирующим предметам. Начало грунтовых (земляно-ямных) могил (с применением камня) относится к III в. до н. э., как показывает наличие китайских ножевидных денег. В одной из грунтовых могил с деревянным саркофагом (могила № 37 в Чонбэктоне) на поверхности лакированного саркофага найдена надпись «4-й год Ди-це» (56 г. до н. э.), а в срубной могиле № 2 в Чонбэктоне — ручка зонтика с надписью «3-й год Юн-ши» (13 г. до н. э.). Судя по инвентарю, это была ранняя могила срубного типа, поэтому переход от грунтовой могилы к срубной датируется I в. до н. э. В характерных могилах «срубного» типа встречаются многочисленные датированные предметы, причем самой ранней датой в них является 85 г. до н. э., а самой поздней — 71 г. н. э. Но срубные могилы с кирпичной кладкой датируются с конца I в. н. э. до первой пол. II в. н. э. Самой поздней датой, встречающейся в кирпичных цистах, был «9-й год Чжэн-ши» (248 г.). Городища датируются совпадающими предметами погребального инвентаря могил перечисленных типов.

По эволюции погребальных обрядов, свидетельствующих о преемственности культурных традиций, ученые КНДР пришли к заключению, что археологически памятники Северо-Западной Кореи принадлежали не пришлым китайцам, а проживавшему здесь долгое время местному населению (предкам корейцев). Как подчер-

кивается, несостоятельность концепции японских археологов колониального периода (приписывавших срубы и кирпичные цисты, а иногда и грунтовые могилы в районе Пхеньяна китайцам из округа Лолан) устанавливается тем, что эти могилы значительно отличались от аналогичных могил ханьского Китая как по времени смены форм погребений, так и по устройству могил и содержащемуся в них инвентарю. Оказывается, что японские археологи, приписывавшие ханьцам могилы района Пхеньяна, тогда еще не имели точного представления о могилах ханьского периода, так как археологически они описаны только при КНР.

И в отношении Северо-Западной Кореи археологические материалы служат для воссоздания социально-политической истории. При выяснении политической структуры общества, представленного культурой узкого бронзового кинжала в районе Пхеньяна и южнее, авторы считают необходимым обратить внимание на более раннюю культуру этого района, а именно на дольмены, возводившиеся для возвеличения власти племенных вождей. Такие обследованные дольмены, как экземпляр в Мукпани (уезд Кэчхон, пров. Южн. Пхёнан), показывают, что это были крупные погребальные сооружения, требовавшие довольно высокого уровня развития производительных сил. Появление влиятельных вождей, которым возводились такие монументы, рассматривается в книге как симптом распада первобытного общества (перехода от кровнородственной общины к территориальной) и возникновения классов, поэтому следующая за дольменами культура узкого бронзового кинжала (III—II вв. до н. э.), связанная с последующей эволюцией форм погребений, должна была стать, по мнению авторов, и следующим этапом в процессе усиления социальной дифференциации и укрепления политической власти вождей.

Грунтовые могилы, связанные с применением металлических орудий для обработки дерева (о чем свидетельствуют деревянные гробы), характеризуют важный этап в развитии металлургии, приведший к появлению железных орудий, разнообразных предметов роскоши из бронзы, золоченой меди и т. д. На основе археологических материалов различных раскопок к югу от р. Чхончхонган авторы приходят к заключению, что уже в III—II вв. до н. э. существовал имущий класс, эксплуатировавший непосредственных производителей, причем по уровню богатства этот правящий класс намного превосходил эксплуататоров I половины I тыс. до н. э., судя, в частности, по предметам роскоши из Чонбэктона в Пхеньяне¹³⁴. Иероглифическое клеймо на бронзовой пике, по их мнению, свидетельствует о существовании с III в. до н. э. не только казенных оружейных мастерских, но также и государства с центром в г. Пхеньяне. И в соответствии с упоминаниями письменных источ-

¹³⁴ Аналогичными по характеру считаются археологические материалы и из других районов южнее р. Чхончхонган: Ипильли (около Кёнджу), Писиндона (в Тэгу), Енхвари (в Пуё).

ников этим государством мог быть Чингук или Махан, называвшийся также (в I в. до н. э.) государством Наннан.

По социально-экономической сущности это государство, возникшее в районе Пхеньяна в III—II вв. до н. э., определяется как рабовладельческое, так как по уровню применяемой техники оно стояло ниже последующих трех государств, развивавшихся по феодальному пути. Таким образом, применение бронзовых орудий в производстве принято в качестве критерия для определения рабовладельческого общества. Дальнейшие социальные перемены в этом государстве также связываются с прогрессом в развитии производительных сил, с вытеснением бронзовых орудий и постепенным преобладанием железных и стальных предметов (могила в Тхэсонни конца II — начала I в. до н. э.), с возрастанием роскоши правящей аристократии. В связи с этим обращается внимание на наличие ввозимых предметов (ханьских зеркал, раковин из стран Южных морей) и применение китайского письма (печатей и пр.). Как отмечают авторы, развитие производительных сил, вызванное применением стальных изделий (со второй пол. II в. до н. э.), могло вызвать социально-классовые сдвиги, знаменующие переход от рабовладельческого строя к феодальному, т. е. зародившееся как рабовладельческое государство Махан-Наннан с конца I в. до н. э. стало перерастать в феодальное, но было покорено «развитым феодальным государством Когурё».

На основе этих представлений подвергнуто критике толкование надписей на вещах и печатях, которые японские археологи связывали с ханским округом Лоланом. Так, найденный в районе Пхеньяна (в 1920 г.) бронзовый сосуд из срубной могилы (где обнаружены также треножник и обломки бронзового зеркала) имел надпись: «Бронзовый сосуд (тунчжун) для алтаря (императора) Сяовэнь объемом в 10 шэн, весом 47 цзинь, отлитый в 6-м месяце года Юнгуан» (40 г. до н. э.), на основании которой японские археологи полагали, что упомянутый алтарь находился на месте обнаружения сосуда, а следовательно, и административный центр ханьского округа Лолан (Наннан) тоже — в районе Пхеньяна. Поставив вопросы о том, каким образом этот сосуд мог попасть к покойнику из срубной могилы, и мог ли алтарь императора Сяовэня находиться в округе Лолан, авторы пришли к следующим выводам. Судя по обломкам бронзового зеркала, сосуд этот мог попасть в срубную могилу не ранее середины I в. н. э., так что новый владелец мог приобрести его или в качестве трофея (учитывая частые тогда военные столкновения) или за деньги. Также отрицается возможность существования императорского алтаря в таком месте, как Лолан, который не связан ни с происхождением, ни с посещениями названного императора и по разряду не относился к числу тех крупных округов, где полагалось сооружать императорские алтари.

Затем авторы книги отрицают подлинность деревянной дощечки с иероглифическими записями из могилы Цхэ Хёпа, а также

деревянные печати Ван У и Ван Гуана, которые в публикациях японских археологов значатся как извлеченные из могил I в. н. э., так как вызывают удивление не только прекрасная сохранность дощечки и четкость иероглифов деревянных печатей, извлеченных якобы среди гнилых досок срубных могил, но и полное несоответствие их (по размерам, каллиграфии) стандартам изготовления ханьских печатей. Но имеются и подлинные печати из серебра и светлой бронзы (найденные в Чонбэктоне), имеющие надписи «Еский князь из Пуджо» (Пуджо — название уезда в ханьском округе Лолан. — М. П.) и «Длинная печать Пуджо», но они, по мнению авторов, могли принадлежать не местным жителям, а пришельцам из Ляодуна.

Многочисленные оттиски печатей на глине (глиняные таблички), фигурирующие в числе находок японских археологов (в 1936 г. их было «раскопано» до 200 шт.), также считаются поддельными, потому что они не подтверждены последующими раскопками (подозрительна отличная сохранность глины в течение столь долгого времени в условиях корейского климата), а сами оттиски не соответствуют стандартам ханьских печатей. Содержание текстов, не учитывающее ряда фактов истории, показывает, что они были составлены только на основании «Географического описания» в «Хань шу». А контрольные раскопки, произведенные в 1968 г. в городище Лолан (Наннан) на месте находок этих табличек не выявили вообще никаких следов культурного слоя ханьской эпохи (а только лишь относящиеся ко II—III вв. н. э.). Кроме того, факт подделки «источников» лоланского периода признавался и некоторыми известными японскими учеными.

Однако в пользу тезиса о существовании округа Лолан в районе Пхеньяна свидетельствуют подлинные черепицы с иероглифами «Наннан (Лолан)», но авторы книги указывают, что среди этих черепиц невозможно найти ни одной с иероглифом, обозначающим округ (кун), а «Наннан» (подобно японскому «Нара») на древнекорейском языке означал столицу или центр страны, поэтому оно не может быть воспринято только как название ханьского округа. А в корейских летописях «Самгук саги» и «Самгук юса» имеется упоминание «государства Наннан» (Наннангук), как созданного предками корейцев.

Признавая существование в районе Пхеньяна государства, созданного в III—II вв. до н. э. местным населением, авторы исследования решают и сложные проблемы исторической географии древней Кореи, оставленные предшествующей историографией. Среди них на первом месте стоит определение границ этого государства, заново открытого учеными КНДР. В «Саньго чжи» и «Хоухань шу», дающих наиболее подробное описание корейских племен (или союзов племен: Когурё, Окчо, Емэк, Махан и др.) в первые века новой эры, отсутствует только описание Наннана и Чосона (или «наннанского Чосона», как может быть истолкован китайский текст), поэтому по этим памятникам трудно выяснить их (или его)

местонахождение и сущность. Историки КНДР пришли к идее о том, что этот Наннан (рассматриваемый как государство Махан) находился к северу от Пэкче и к югу от Когурё. В упоминаниях источников о Наннани они различают наименование его в качестве «округа» (кун) и «государства» (жук), причем Наннан первых веков новой эры, по их мнению, соответствовал упоминаемому в «Саньго чжи» так называемому «нынешнему (т. е. не Древнему. — М. П.) Чосону», находившемуся по соседству с Когурё, т. е. в районе Пхеньяна.

Противоречивые сообщения известных письменных источников не дают ясного представления о том, был ли район Пхеньяна территорией ханьского округа Лолана (Наннана) или самостоятельного местного государства с тем же названием. Вопрос этот с давних пор (начиная с корейских и китайских историков феодальной эпохи) служил предметом споров. Корейские историки феодального времени Чхве Чхивон, монах Ирён и Ли Сынхю утверждали о тождестве Махана и Когурё на том основании, что Когурё присоединило район Пхеньяна, который в древности был землей Махана. Однако эта идея не получила развития в последующей корейской феодальной историографии, слепо следовавшей китайским конфуцианским традициям и воспринявшей также идею о совпадении Пхеньяна с ханьским округом Лоланом, учрежденным на месте Древнего Чосона. Эта концепция, берущая начало от Ли Дао-юаня (автора «Шуйцзин чжу», VI в.) и повторенная последующими историографами феодального Китая, стала господствующей в Корее со времен династии Ли (с конца XIV в.), а впоследствии была подкреплена японскими археологами колониального времени. В те годы борьбы корейского народа против господства японского империализма часть корейских историков буржуазно-демократического направления в противовес колониаторским концепциям выдвинула идею о существовании в районе Пхеньяна древнего корейского государства Наннан, не совпадающего с одноименным ханьским округом, учрежденным после падения Древнего Чосона на территории Ляодунского полуострова.

Развивая идеи предшествующей национальной историографии, историки КНДР под новым углом зрения анализируют сообщения письменных источников. Приводя данные «Саньго чжи» и «Хоухань шу»¹³⁵, повествующие о том, что древнее царство Чин состояло из трех владений (племен?) — Махана на западе, Чинхана на востоке и Пёнхана (или Пёнджина) к югу от Чинхана, авторы книги делают вывод, что в первые века новой эры район Пхеньяна мог быть связан только с Маханом, имевшим, по их мнению, альтерна-

¹³⁵ Русский перевод этих сведений см. в работах: Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. II. М. — Л., 1950; Пак М. Н. Описание корейских племен начала нашей эры (по Саньго чжи). — «Проблемы востоковедения», 1961, № 1, с. 127.

тивное наименование Наннана (Лолана). Но поскольку в письменных источниках не было прямых указаний на местонахождение Махана, приходилось обращаться к косвенным, достаточно туманным и противоречивым свидетельствам китайских и корейских летописцев, важнейшими из которых являются: 1) рассказ китайских авторов о бегстве в Махан правителя Древнего Чосона по имени Чун после изгнания его узурпатором Ви Маном во II в. до н. э., 2) сообщение корейских летописцев о захвате государством Пэкче столицы Махана и уничтожения его в VIII—IX гг. н. э. и 3) известия китайских и корейских летописцев о существовании дипломатических отношений между Маханом и китайскими династиями в I—III вв. н. э.

Чтобы разобраться в имеющихся противоречиях и неясностях, корейские исследователи обращаются к анализу взаимоотношений Махана с Пэкче, Когурё и китайскими государствами (династиями).

Пэкче, являвшееся одним из «малых государств» (согук) в составе Махана (сведения «Саньго чжи»), согласно «Самгук саги» имело следующие отношения с Маханом. Сначала маханский ван выделил «основателю» Пэкче (Онджо) землю для поселения вместе со своими спутниками, поэтому Онджо впоследствии докладывал правителю Махана об установленных границах своих владений, но затем в 8—9 гг. н. э. он захватил столицу Махана и покончил с этим государством¹³⁶. После этого прекращается всякое упоминание Махана в летописной истории государства Пэкче. В связи с этим авторы книги делают вывод, что упоминаемый здесь Махан находился к югу от р. Пхэха и по существу отличался от другого Махана, существовавшего до III в. н. э. и известного по китайским и корейским летописям¹³⁷. Существование этого Махана подтверждается записями летописцев об участии маханских войск в совместных с Когурё и Емэк нападениях на китайские владения в 121 г. н. э. или об отправке маханских посольств ко двору династии Цзинь в 70—80 гг. III в. и др. Вероятное местонахождение этого Махана предлагается искать не к югу, а к северу от Пэкче, поглотившего «прежний» Махан. Учитывая сообщения «Самгук саги»¹³⁸ и «Хоуханьшу»¹³⁹ об участии крупных сил маханских войск в нападении Когурё на ханьские крепости Сюаньту и Ляодун в 121 и 122 гг., авторы книги считают нелогичным предполагать, что в то время Пхеньян был центром ханьского округа Лолан, так как в этом случае округ Лолан находился бы между Когурё и Маханом,

¹³⁶ Самгук саги. Пхеньян, 1958, т. I, с. 562—563, 565—566.

¹³⁷ Тезис о существовании двух Маханов не кажется бесспорным, если учесть такую особенность ранних частей летописной истории трех государств в «Самгук саги», как искусственное реконструирование в хронологическом порядке «деяний» мифических «основателей» государства на основе легенд или реальных фактов из более поздней истории этих государств.

¹³⁸ Самгук саги. Пхеньян, 1958, т. I, с. 388—389.

¹³⁹ Хоухань шу, цз. (кн.) 85. Дунъян чжуань (Описание восточных варваров).

а маханцам для помощи Когурё пришлось бы двинуть свои крупные военные силы через вражескую территорию. Поскольку в действительности не было такой ситуации (исходя из сообщений источников), то более логично предположить, что Махан находился в непосредственном соседстве с Когурё, южнее его.

Сообщения китайских источников («Цзинь шу» и др.) об оживленных связях Махана с Китаем служат ключом к объяснению причин обнаружения в районе Пхеньяна многочисленных археологических памятников китайского происхождения, которые японские археологи приписывали ханьскому округу Лолану, так как в I—III вв. в Корее не существовало другой политической силы, кроме Махана, которая могла бы поддерживать столь обширные связи с китайскими государствами.

Определяя таким образом местонахождение Махана между Когурё на севере и Пэкче на юге, авторы книги считают район современного Пхеньяна центром этого государства не только в I—III вв. н. э., но и в период древнего государства Чин (Чингук), так как до II в. до н. э. бежавший на юг правитель Древнего Чосона Чун стал ваном именно Махана, где согласно сообщению «Саньго чжи» вплоть до III в. н. э. оставались его потомки (совершавшие жертвоприношения его духу), которые, вероятно, играли важную роль в дипломатических отношениях с правителями Китая. В подкрепление своего тезиса о местонахождении Махана авторы книги приводят и мнение Ирёна, который в «Самгук юса» со ссылкой на Чхве Чхивона (отождествлявшего Махан с Когурё) объяснял, что название присоединенного к Когурё Махана происходит от горы Маылсан, находившейся в районе Пхеньяна. Словом, согласно приведенным соображениям северная граница Махана в I—III вв. н. э. могла проходить у южных границ Когурё, т. е. по р. Чхончхонган.

Если отпадает возможность соответствия района Пхеньяна ханьскому округу Лолану, то каким образом могло возникнуть название Наннан — Чосон (или наннанского Чосона), привязываемое к району Пхеньяна? Авторы книги объясняют это фактами поселения здесь пришельцев из Древнего Чосона начиная со II в. до н. э. (так, китайские авторы сообщают об уходе из Древнего Чосона кроме приближенных Чуна также и 2 тыс. семей во главе с чосонским «сановником» Ек Кэгёном). Предполагается, что выходцы из Древнего Чосона, объединив «малые государства» (общины) Махана и создав новое государство (этнический состав которого был близок с древнечосонским), могли назвать его Наннанским Чосоном, чтобы отличать его от прежнего (или другого) Махана. Таким образом, допускается, что на земле Махана (или древнего царства Чин) могли появиться два государства — Наннан или Наннанский Чосон (во главе с выходцами из Древнего Чосона) и Махан, управляемый прежней местной династией, т. е. тот самый Махан, который в начале I в. н. э. был поглощен государством Пэкче. Итак, определено, что Махан (или государство Нан-

нан) в I—III вв. на севере граничил с Когурё, на юге с Пэкче, на востоке — с Е, на западе омывалось морем (Желтым). Допускается, что поскольку Махан являлся союзником Когурё в борьбе против китайских династий за возвращение захваченных ими древнечосонских земель, граница между Маханом (Наннаном) и Когурё, проходившая по р. Чхончхонган, могла оставаться долгое время неизменной. Аналогичным образом определена южная граница Махана, которая, по мнению авторов, проходила по р. Пхэха, соответствующей современной р. Есонган. Так в целом выглядит реконструкция истории и географического положения древнего государства Наннана (Махана), осуществленная учеными КНДР.

В течение 60—70-х годов усилиями историков и археологов КНДР заново воссоздана древняя история Кореи как история рабовладельческих обществ в государствах Древний Чосон и Махан (Наннан, Наннанский Чосон). При этом решающее значение имело обобщение результатов археологических исследований, послуживших основанием для выводов о непрерывности процесса культурного развития населения Корейского полуострова и примыкающей территории Ляодунского полуострова на протяжении длительного времени, который привел к формированию здесь самобытной цивилизации и первых классовых обществ и государств предков корейского народа.

Разумеется, речь идет о первых шагах в восстановлении основных черт развития древнего общества в Кореи, так как археологические исследования не могут считаться исчерпывающими (особенно материалы, касающиеся Ляодунского полуострова, где, как предполагают, находился центр Древнего Чосона).

Несмотря на тщательное исследование письменных источников в целях восстановления исторической географии древних государств, пока еще не осуществлены такие критические исследования письменных памятников, которые позволяли бы преодолеть противоречия между данными археологии и письменных источников, касающихся, например, уровня общественного развития корейского населения к началу новой эры, так как состояние техники не может стать абсолютным показателем уровня и характера общественных отношений без подкрепления их описаниями письменных источников. Нам не кажутся бесспорными основные положения авторов книги, как обоснование наличия рабовладельческого строя по следам человеческих жертвоприношений (устанавливаемых археологией) или развитой стадии рабовладения упоминаемыми в «Ханьшу» статьями обычного права, предусматривавшими наряду с наказаниями за убийство или ранение обращение в рабство за кражу. То же самое можно сказать и о стремлении связать начало крушения рабовладельческого строя с появлением железных орудий. Рассмотренный труд историков КНДР знаменует важный этап в научном изучении самобытных черт исторического развития Кореи в древности.

**НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПЕРИОДИЗАЦИИ
РАННЕЙ ИСТОРИИ КОРЕИ**

(историография)

Обобщая все многообразие движения социально-экономических формаций, составляющих основу исторического процесса любой страны, историческая периодизация должна выявить этапы проявления общих закономерностей в истории отдельных стран и народов. Поскольку такая периодизация требует самого глубокого и всестороннего исследования конкретной истории, многие вопросы периодизации в истории таких стран, как Корея, остаются до сих пор нерешенными и являются предметом научных обсуждений.

В данной главе рассмотрим вкратце лишь проблемы, связанные с определением времени возникновения классового общества и государственности в Корее, характера первой в ее истории антагонистической социально-экономической формации, с чем непосредственно связано и выяснение вопроса о генезисе феодализма в Корее. Эти проблемы являются трудными и нуждаются в теоретическом осмыслении не только применительно к истории Кореи. Не случайно в последние годы проблемы, касающиеся характера ранних классовых обществ и докапиталистических формаций, стали предметом оживленных дискуссий и дальнейшего теоретического изучения в марксистской историографии¹.

Решение проблем научной периодизации ранней истории Кореи наталкивается на трудности, порожденные недостаточностью или неточностью фактической информации в сохранившихся письменных источниках, а равно и предрассудками и искаженными представлениями предшествующей историографии, особенно империалистической историографии колониального периода, которая служила целям оправдания экспансионистской политики и господства колонизаторов в стране. История изучения проблем ранней истории Кореи поучительна и в свете задач современной идеологической

¹ Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. М., 1966; Проблемы докапиталистических обществ в странах Востока. М., 1971; Никифоров В. Н. Восток и всемирная история. М., 1975 (см. библиографию).

борьбы против буржуазных фальсификаций истории, а также для научного изучения всей истории Кореи.

* *
*

Выявление этапов социально-экономического развития Кореи как проблемы не существовало в домарксистской, феодальной и буржуазной историографии. Что же касается старой феодальной историографии², то она, исходя из представлений об извечном существовании государственной (монархической) власти, утвердившейся по божественному провидению (Неба и пр.), все изложение истории строила по царствованиям отдельных монархов и по правлениям сменявшихся династий. Династический принцип периодизации истории Кореи практически сохранился и в буржуазной историографии, включая иностранную. Автор самой значительной из общих работ по истории Кореи, написанных иностранцами, американский миссионер Х. Халберт³ впервые применил деление истории Кореи на древнюю, средневековую и новую, но сделал это чисто механически, путем полного сохранения династического принципа, заимствованного у авторов феодальной эпохи. Политическую историю всех династий до IX в. он включил в «древнюю историю», правление династии Корё (X—XIV вв.) назвал «средневековой историей», а период царствования династии Ли (с конца XIV в.) — «новой историей». Отрицание объективных критериев научной периодизации истории или признание ее необходимости только для удобства изложения исторических фактов характеризует методологию буржуазной историографии по Корею вплоть до наших дней. В многотомной «Истории Кореи», составленной южнокорейским историческим обществом «Чиндан хакхве», читаем:

² Наиболее ранними из сохранившихся памятников корейской историографии (а также и источниками по истории Кореи раннего периода) являются «Исторические записи трех государств» («Самгук саги») и «Дополнения к истории трех государств» («Самгук юса»). Первое из этих сочинений относится к категории официальных (так называемых «истинных») историй, составлявшихся правительственными чиновниками по королевскому повелению. Оно было создано придворными учеными во главе с видным государственным деятелем XII в. Ким Бусиком и издано в 1145 г.

«Самгук юса» было написано в конце XIII в. буддийским монахом Ирёном и относилось к категории частных (диких) историй. Автор этого сочинения поставил своей целью прославление деяний буддийской церкви. В официальных историях, как правило, первое место занимала летопись царей, называвшаяся основной историей, и к этой главной части в качестве пояснительных разделов прилагались синхронные таблицы царей различных государств, описания земель, государственных учреждений, чинов и должностей, обрядов и обычаев, а также многочисленные биографии исторических личностей как положительных, так и отрицательных с точки зрения официальной морали. «Самгук саги» и «Самгук юса» нередко излагают в качестве исторических фактов старинные легенды и предания, поэтому как исторические источники эти памятники нуждаются в серьезной научной критике.

³ Hulbert H. B. The History of Korea, vol. I—II. Seoul, 1905.

«Поскольку с самого начала история была подобна непрерывно текущему потоку, нельзя не считать довольно противоестественным делом стремление ограничить ее рамками периодизации. Тем более следует считать весьма неразумным и устарелым деление на периоды по политическим переменам. Но даже при течении воды образуются водовороты и волнения. Политические волнения как бы представляют собой наиболее крупные волны и водовороты истории. Прибегая к сравнительно удобному способу изложения, мы устанавливаем... деление на: древний период от предысторической эпохи до конца Силла, на средний период династии Корё, на новый период от начала династии Ли до конца правления Чхольчона (т. е. до 1863 г. — М. П.) и на новейший период, охватывающий все последующее время. И мы полагаем, что хотя к такому способу общего подразделения (периодизации) прибегали и другие историки, у нас имеется и много отличий от них при дальнейших мелких подразделениях внутри эпох, а также в трактовке других вопросов»⁴. Таким образом, несмотря на признание устарелым способа деления истории по династическому принципу или по крупным политическим событиям, и авторы южнокорейской «Истории Кореи» не могут отойти от традиционной периодизации, ибо они не в состоянии найти те объективные критерии, которые должны лечь в основу научной периодизации истории.

Общеизвестно, что только марксистское материалистическое понимание истории открыло такую основу в виде естественно сменяющихся социально-экономических формаций. Однако разработка научной периодизации истории Кореи на основе применения общих принципов теории марксизма к конкретным фактам корейской истории потребует еще дальнейших исследований и дискуссий. На современном этапе изучения проблем периодизации ранней истории Кореи уже выявились различные точки зрения, порожденные как различным пониманием некоторых общих положений теории исторического материализма, так и разным истолкованием фактических сведений (часто очень скудных и противоречивых) из сохранившихся исторических источников. Но важнейшим препятствием для утверждения марксистского понимания принципов периодизации истории Кореи служат предрассудки и догмы предшествующей историографии, которая защищала интересы эксплуататорских классов или политики колонизаторов. В этом отношении следует обратить особое внимание на японскую буржуазную историографию по истории Кореи, самую значительную по объему изданной литературы.

Для японской буржуазной историографии по истории Кореи с самого начала ее возникновения в конце XIX в. характерно противоречие между антинаучной апологией идеологических концепций

⁴ Ли Бёндо, Ким Джэвон. Чиндан хакхве Хангукса («История Кореи» научного общества Чиндан), т. I. Сеул, 1967, с. 21—22.

шовинизма и колониализма и задачами научного изучения предмета. Для современного этапа (после второй мировой войны) развития японской историографии типична открытая борьба между консервативными и прогрессивными тенденциями, отражающими общую борьбу между реакционными силами монополистического капитала и демократическим движением широких масс японского народа. Растущие голоса прогрессивных ученых, занимающихся проблемами корейской истории, означают одновременно укрепление научного направления, ставящего своей целью правдивое отображение исторического пути корейского народа и его взаимоотношений с соседней Японией⁵. Подлинно научное изучение ранней истории Кореи, включая и правильное решение проблем периодизации, возможно лишь в борьбе против фальсификаций и антинаучных искажений ее реакционной японской историографией, которая оказала влияние на буржуазную историографию и других капиталистических стран.

Активный интерес к ранней истории Кореи совпал в Японии с началом экспансионистской политики ее правящих кругов в отношении Кореи в 80—90-х гг. XIX в. Именно тогда стали возрождать старинные мифологические рассказы о японском «завоевании» Кореи в древности, чтобы обосновать «исторические права» Японии на экспансию и установление господства в Корее. В период японо-китайской войны 1894—1895 гг. появились 3-х томная монография Кан Масатоми «Изучение Мимана», статьи Нака Митиё, Сиратори Куракити и других по ранней истории Кореи. К ним присоединились и специалисты по древней истории Японии, которые стали печатать свои работы на страницах «Сигаку дзасси» («Журнал исторической науки»). Главное место в них отводилось проблеме Мимана, района в Южной Корее, который объявили древнейшим японским владением на территории Корейского полуострова. Все так называемые «исследования» априорно исходили из тезиса о несомненном существовании в древней Корее колониального владения, принадлежавшего императорскому дому Японии. Научная ценность этих работ была весьма сомнительной, но они откровенно служили целям идеологического обоснования захватнической политики. Несмотря на явный недостаток изученного материала по истории Кореи, в начале века японские историки уже предпринимали попытки составления обобщающих трудов по истории Кореи, чтобы удовлетворить практические запросы колониальной политики.

Во время русско-японской войны вышла в свет «История Кореи» Кубо Токудзи, не скрывавшего своих политических намерений и вопреки историческим фактам заявлявшего о том, что раннее ко-

⁵ Характеристике общих тенденций развития современной японской историографии и изучения проблем ранней истории Кореи посвящена работа Хакку Рю. Проблемы ранней истории Кореи в японской историографии. М., 1975. Материалы этой книги используются в данной главе.

рейское государство Силла якобы «изначально» являлось колонией японского племени идзумо⁶. Откровенной защите японской агрессии служила книга сотрудника генштаба японской армии Нисикава Гон «Скрытая сторона древней истории Японии и Кореи», вышедшая вскоре после аннексии Кореи. Поставив цель выявить истоки «великой миссии Японии», этот воинственный автор на основе фантастических мифологических рассказов стремился доказать, что уже в первые века новой эры Япония якобы безраздельно господствовала на Корейском полуострове. Свой тезис он пытался обосновать и тем, что в то время китайское влияние еще не достигло Корейского полуострова, так как округа Ханьской династии, учрежденные на месте древнего Чосона, находились на территории Ляодунского полуострова⁷. Вслед за Нисикава тезис о решающей роли соседей, отрицая самостоятельный характер исторического пути Кореи, проповедовал Фукуда Ёсиносукэ, автор первой монографии по истории Силла. Формулируя лживую концепцию о том, что история Кореи представляла лишь придаток к истории Японии, Фукуда изображал дело таким образом, что судьбы ранних корейских государств решались «всцело воздействием извне — со стороны континента и нашего (японского) государства». Он писал: «Судьба населения на всем полуострове решалась исключительно перепитиями в судьбах его сильных соседей. Стало быть, рост и ослабление власти на полуострове являлись лишь отражением идентичного процесса в метрополиях. По этой причине нельзя не уделить должного внимания истории нашего государства, а также истории Китая тому, кто захочет выяснить мотивы и причины, вызывавшие бурные волны событий, сотрясавших полуостров. Вместе с тем, нельзя не знать историю полуострова тому, кто захочет разобраться во всех подробностях нашей государственной истории, а также истории Китая»⁸. Здесь изложена суть колониалистской концепции истории Кореи (как вечной колонии), не раз повторявшейся идеологами империализма.

В 20—30-х гг. несомненный рост научного уровня японских исследований по ранней истории Кореи объяснялся прежде всего необходимостью использовать их как инструмент «культурного управления» и борьбы с поднимающимся национально-освободительным движением в новых условиях, когда требовалась и большая научная аргументация доводов против стремлений корейцев к национальному самоопределению и независимости⁹. И в дальней-

⁶ См.: Кубо Т. (Тэндзуй). Тёсэн си (История Кореи). Токио, 1905, с. 27.

⁷ См.: Нисикава Г. Никкан дзёкоси но римэн (Скрытая сторона древней истории Японии и Кореи). Токио, 1910, с. 14.

⁸ Фукуда Е. Сираги си (История Силла). Киото, 1913, с. 2.

⁹ Так, например, один из официальных японских историков Инаба Ивакити в книге «Изучение истории корейской культуры» (Токио, 1925. Предисловие) выступил против механического перенесения всего японского на корейскую почву и ратовал за учет исторического опыта самой Кореи, подчеркивая, что «умная политика не может проводиться без учета опыта, накопленного

шем идеологическая защита колониальных порядков («великой миссии Японии» в Корее) и агрессивной внешней политики составляла лейтмотив японской официальной историографии по Корее. В годы развертывания японской агрессии на Азиатском материке, последовавшего за оккупацией Маньчжурии, японское генерал-губернаторство в Корее издало брошюру Суэмацу Ясукадзу (без указания автора) под названием «На историческом пути Кореи», чтобы пропагандировать идею о неразрывном единстве Кореи и Маньчжурии, о несамостоятельности исторического развития Кореи (находившейся якобы под постоянным политическим и культурным влиянием Китая), о закономерности господства над ней Японии в качестве «гегемона на Востоке», обеспечивающего корейцам «условия высокой общественной безопасности и материального достатка» и приобщающего их к благам своей цивилизации, «представляющей собой гармоническое слияние восточной и западной культур»¹⁰. И в работах других японских историков, например в исследованиях Мисина Сээй¹¹, в тот период пропагандировались концепции о единых корнях японской и корейской наций, о примате внешних факторов в историческом развитии Кореи, об исторической обреченности Кореи на колониальное прозябание и т. п.

Рецидивы этих колониалистских концепций об историческом прошлом Кореи пережили японский колониальный режим в этой стране и дают знать о себе и в наши дни. Среди таких идей, явно вдохновляемых неоколониализмом японских монополий, фигурирует и так называемая теория географического детерминизма, получившая распространение не только в японской буржуазной историографии¹². Японский историк Сиката Хироси, покинувший Корею после крушения колониальных порядков, во время корейской войны стал проповедовать теорию о том, что «первейшей предпосылкой исторического рассмотрения вопросов, связанных с Кореей, является учет ее географических условий», что на судьбы корейской нации «решающее, даже роковое влияние» оказало «то обстоятельство, что Корея представляет полуостров, сжатый между континентальной Азией — в частности, районом Маньчжурии, Монголии и основной частью Китая, — с одной стороны, и Японскими островами — с другой»¹³. Исходя из тезиса об определяющем зна-

историей». Одновременно он старался мобилизовать все свои научные доводы для опровержения широко распространенной среди корейцев «легенды национального самоопределения».

¹⁰ Тёсэн си но сирубэ (На историческом пути Кореи). Сеул, 1936, с. 158.

¹¹ См.: Мисина С. Тёсэн си гайсэцу (Краткий очерк истории Кореи). Токно, 1940.

¹² Тезис об определяющей роли географического фактора в современных событиях в Корее см. в кн.: Goodrich L. M. Korea: A study of US Policy in the United Nations. Ed. by the Council on Foreign Relations. New York, 1956, p. 7.

¹³ Сиката Х. Кюрай но тёсэн сякай но рэкисэтэки сэйкаку ни цуйтэ (Об исторической сущности старого корейского общества). — «Тёсэн гакухо», 1951, № 1, с. 195.

чении географического фактора, движущие пружины исторического развития Кореи Сиката видел не во внутренних силах корейского общества, а исключительно во влияниях и давлении инородных культур, обществ и государств, заявляя, что издавна историческая инициатива принадлежала «окужающим государствам, а Корее оставалось лишь сосредоточивать свои усилия на том, как приспособиться к этому и обеспечить самосохранение». Согласно его пресловутой концепции вся внутренняя политика Кореи представлялась «продолжением дипломатии»¹⁴, поскольку отрицались имманентные законы развития корейского общества, изображаемого как нечто застойное и неподвижное. Следуя этой логике, Сиката отрицал существование в Корее феодализма как этапа в ее историческом развитии. Поэтому для него практически и не существовало проблемы периодизации внутренней истории Кореи. Так, например, в государственных учреждениях периода династии Ли он умудрялся находить лишь метаморфозу древнейших родоплеменных институтов¹⁵.

По мнению Мисина «органическую разнородность» двух частей Кореи обуславливают, «геополитически регулируемые сношения с внешним миром», которые создают «смешение разнородных начал и противоборство между ними»¹⁶. Относя две части Кореи к разным так называемым «культурным сферам» (бункакэн), Мисина дошел даже до утверждения об этнической неоднородности населения двух частей Кореи. Совершенно необоснованное противопоставление их понадобилось Мисина только для того, чтобы одну из них (Южную Корею) представить входящей в сферу преобладающего влияния Японии, якобы сыгравшей «в течение около полувека роль стабилизирующего начала»¹⁷. А когда Корея стала независимой от Японии, подчеркивает Мисина, «корейцы как пешки в руках крупнейших международных лагерей воюют между собой, жертвуя миллионами человеческих жизней». Отсюда следует мораль. Повторяя старые колониалистские концепции об исторической близости между корейцами (особенно южнокорейцами) и японцами, Мисина стремится подвести своих читателей к выводу, что для разъединенной Кореи реальным путем к воссоединению явятся лишь «выбор одного номинального сюзерена из двух противостоящих внешних сил»¹⁸. За этими рассуждениями несомненно стоят реальные интересы тех сил, которые стремятся к новой экспансии и водворению в Корее в качестве «сюзерена».

¹⁴ Там же, с. 203.

¹⁵ Идею об отсутствии феодализма высказал еще Фукуда Токудзо, а Сиката увязал ее с теорией географического фатализма (см.: Сиката Хироси. Указ. соч., ч. 2.—«Тёсэн гакухо», 1951, № 2, с. 168—169).

¹⁶ Мисина С. Хокусэн то нансэн (Северная и Южная Корея). Лекция № 5 по культуре Востока (Университет Досия). Киото, 1957, с. 7.

¹⁷ Там же, с. 9, 29.

¹⁸ Там же, с. 51, 58.

В борьбе против этих тенденций реакционной историографии прогрессивные японские ученые вырабатывают новый подход к изучению истории Кореи. «Задачей нашего изучения истории Кореи, — пишет Хатада Такаси, — изучения, имеющего столь глубокий смысл, следует считать выяснение и понимание самостоятельного характера развития истории корейцев»¹⁹. Будущее японской историографии несомненно определит это направление, отражающее демократические устремления японского народа и опирающееся на методологию исторического материализма. Развитие прогрессивной историографии происходит в борьбе против антинаучных построений и фальсификаций истории Кореи в старой реакционной историографии, служившей целям колониальной политики. С другой стороны, стоит задача развития тех положительных научных достижений, которые имела буржуазная историография в исследовании отдельных сторон исторического процесса. Так, например, критический метод исследования древних памятников, разработанный Цуда Сокичи, автором известной «Исторической географии Кореи» (1913), сохранил свою актуальность вплоть до наших дней. Будучи субъективно монархистом, Цуда своими критическими исследованиями сыграл исключительную роль в развенчивании теории «божественного происхождения» императорской власти в Японии, и не случайно его школа стала одним из оснований для развития прогрессивной историографии в послевоенной Японии.

Несмотря на классовую ограниченность и неспособность создать цельную научную концепцию, раскрывающую закономерности исторического развития Кореи, японские буржуазные историки осуществили и ряд ценных исследований по вопросам социальной истории Кореи, имеющих отношение и к ее научной периодизации. По ранней истории Кореи следует отметить трактовку социальных процессов корейского населения в первые века нашей эры по основному источнику этого периода — «Описанию восточных варваров» («Дунъи чжуань») китайской династийной истории «Саньго чжи» («История троецарствия») ²⁰. Предметом длительного изучения в японской историографии был вопрос об институте «бу» в Когурё, который важен для выяснения уровня социально-экономического развития Когурё в период описания в «Саньго чжи» (III в. н. э.). Ограниченная информация источника послужила основанием для различных толкований характера этого института. В «Саньго чжи» имеется лишь сообщение: «Первоначально было пять родов (? чок), которые назывались Ённубу (или бу Ённо), Чольлобу (бу Чольло), Суннубу (бу Сунно), Кваннубу (бу Кванно) и

¹⁹ Тёсэн си нюмон (Введение в историю Кореи). Сб. под ред. Хатада Т. Токио, 1966, с. 11.

²⁰ Русский перевод этого источника дан в работе «Описание корейских племен начала нашей эры (по «Саньго чжи»)». — «Проблемы востоковедения», 1961, № 1, с. 115—138.

Керубу (бу Керу). Раньше ванов выдвигал Ённубу, но он постепенно ослабел, и теперь его сменил Керубу»²¹. Это сообщение сначала получило два разных толкования, из которых одно, принадлежавшее Нака Митиё²², считало «бу» родоплеменным институтом и всю историю Когурё с середины III в. до середины VII в. относило к родоплеменной стадии развития, а второе, принадлежавшее Сиратори Куракити²³, относило «бу» к системе административного деления Когурё со столицей в г. Хвандо, предполагая существование территориально-административного деления (т. е. существование государства) уже ко II в. н. э. Стремясь преодолеть односторонность в толкованиях своих предшественников, историк Иманиси Рю пришел к выводу о неидентичности ранних и поздних когурёских «бу». Пять чок (или бу) в «Саньго чжи» он считал племенными группами (будзоку), а пять бу, упоминаемые в более поздних комментариях к «Хоу Хань шу» («История поздней Ханьской династии»), — единицами «административного деления ванской столицы и системой подразделения знатных людей по группам (кумибэцу)»²⁴. Сочетая взгляды предшественников, Иманиси в своей концепции обнаружил бо́льший исторический подход, стремясь показать развитие Когурё «от племенного деления населения к территориальному делению». При этом Иманиси отметил, что принцип территориального деления в Когурё осуществился не полностью, а ограничился лишь населением столичного города, что объяснялось, по его мнению, сильными остатками племенных отношений. Господствующий класс Когурё, по мнению Иманиси, вначале эксплуатировал население, сохранявшее еще свою родоплеменную организацию, но подчинявшееся государственному аппарату, сконструированному из аристократии господствующих племен (называвшихся «бу»). Сделанные еще в 20-х гг. выводы Иманиси Рю основывались на тщательном изучении сведений «Саньго чжи» и корейских летописей «Самгук саги» и составили важную веху в изучении социальной истории Когурё и вообще Кореи раннего периода. Основанное им научное направление по исследованию социально-экономических институтов ранней Кореи так или иначе было продолжено японскими историками вплоть до настоящего времени. При периодизации ранней истории Кореи важное значение имеет основная мысль Иманиси о том, что описанное в «Саньго чжи» когурёское общество середины III в. представляло существующее уже в течение длительного времени объединение племен, которое превращалось в королевство, хотя еще не было

²¹ Саньго чжи. Дунъи чжуань. (Описание Когурё). — Цит. по: «Проблемы востоковедения», 1961, № 1, с. 120.

²² См.: Нака М. Исследование Когурё. — «Сигаку дзасси», 1894, т. V, № 1.

²³ См.: Сиратори К. К вопросу о Хвандо и Кукнэсоне. — «Сигаку дзасси», 1914, т. XXV, № 4.

²⁴ Иманиси Р. Изучение пяти «Чок» и пяти «бу» в Когурё. — В кн.: Тёсэн коси но кэнкю (Изучение древней истории Кореи). Сеул, 1937, с. 407.

условий для разделения на административные районы всей территории, попавшей в сферу господствующего влияния Когурё. В исследованиях Иманиси остался открытым вопрос о характере власти вана и политической централизации в период складывания королевства (государства) Когурё, равно как и вопрос о пережитках племенных отношений в позднекогурёском обществе.

Японские историки последующего периода вносили те или иные поправки и дополнения в концепцию Иманиси, исходя, однако, из основной его предпосылки о стадийном рассмотрении института «бу». Икэути Хироси²⁵ при истолковании раннекогурёского «бу» считал необходимым понятие «племя» (tribe) заменить категорией «род» (clan), понимаемой как обозначение кровнородственного коллектива. Позднекогурёский «бу» Икэути подобно Сиратори считал обозначением административного деления, полагая при этом, что полное осуществление его произошло к началу VII в. (хотя и не обосновывал этот тезис фактическими данными).

Современный историк Ядзава Тосихико попытался отойти от традиционных представлений об институте «бу» и охарактеризовал его как «военно-боевую организацию»²⁶, но не смог обосновать новую идею и практически повторил аргументацию сторонников «племенной концепции», получившей дальнейшее развитие у Мисина Сёэй²⁷. Уточняя формулировку Иманиси («от системы «будзоку» к системе «бу») тезисом о переходе от объединения племен к древнему «королевскому государству», Мисина полагал, что население Когурё, описанное в «Саньго чжи», находилось на «стадии объединения племен», но такой, когда усиленно шел процесс перехода к формированию «древнего королевского государства» во главе с Керубу. Отметив такие тенденции к абсолютизации королевской власти, как «острое соперничество между различными племенами за выгодные выдвижения кандидатуры на престол вана» в так называемый период «прото-Когурё» («гэнси-Когурё»), он приходил к заключению, что к началу IV в. уже в основном завершилась «абсолютизация» королевской власти, судя по тому, что прекратились мятежи, вызываемые таким соперничеством в борьбе за власть. Столетие с конца IV в. он называет «золотым веком» Когурёского королевства²⁸. В понятие «прото-Когурё» Мисина включал промежуточную ступень от союза племен к «королевскому государству», считая, что на этом этапе Когурё представляло варварское королевство или «племенное государство», еще сохранявшее целый ряд родо-племенных институтов, хотя ведущей тенденцией его развития было укрепление королевской власти.

²⁵ См.: Икэути Х. Пять «чок» и пять «бу» в Когурё. — «Тоё гакухо», т. 16, 1932, № 1.

²⁶ Ядзава Т. О пяти «бу» в Когурё. — «Труды ун-та Сайгама», 1954. Сер. Работы по гуманитарным и социальным наукам, вып. 3.

²⁷ Мисина С. О пяти племенах Когурё. — «Тёсэн гакухо», 1954, № 6.

²⁸ См.: Мисина С. Указ. соч., с. 56.

Для правильного понимания процесса и точного определения времени формирования классового общества и государственности в Корее, а также для характеристики социально-экономической сущности ранних государств исключительное значение имеет проблема датировки и точного истолкования фактов, содержащихся в «описании восточных варваров» из «Саньго чжи». В этой связи значительный интерес представляет попытка сопоставления китайских письменных известий с археологическими памятниками в целях абсолютной датировки описанных фактов, что предпринял Миками Цугио в капитальном труде по изучению древних могил на территории Кореи и Маньчжурии²⁹. Рассматривая памятники мегалитической культуры (прежде всего дольмены) как свидетельство жизни корейских племен, Миками пришел к заключению, что последний этап существования этих памятников совпадает с временем, к которому относятся известия «Саньго чжи» о корейских племенах. Понятием «дольменное общество» Миками обозначил общество, возникшее в результате разложения родового строя, называя его также «политическим обществом» (сэйдзидэки сякай), в котором велика была роль вождя, сосредоточившего большую земную власть и почитавшегося после смерти в качестве воплощения духа племенного коллектива. Из так называемого «политического общества», по концепции Миками, выросло «племенное государство» когурёсцев и ханцев, история которых непосредственно связывалась с распространением дольменов в различных частях Корейского полуострова и соседней Маньчжурии.

Миками считает, что мэцзы (ранние когурёсцы) еще в III—II вв. до н. э., превратившись в господствующую силу в восточной и южной части современного Дунбэя и северной части Кореи (в бассейне р. Амноккан), создали в этом районе дольменное общество, и первыми попали к ним в зависимость соседние племена Е, составившие массу «низших дворов» (хахо). В представлении Миками основным содержанием исторических событий в Восточной Маньчжурии со II в. до н. э. до III в. н. э. было противоборство между когурёсцами и китайцами (ханьцами), в ходе которого постепенно росли могущество и консолидация когурёсцев. Уже в I в. н. э. в результате объединения когурёских племен у них выделился «единый правитель», фигурирующий в китайских хрониках под именем То (или Чху). Во II в. н. э. когурёский правитель Гун подчинял соседние племена и теснил китайские округа Сюаньту и Ляодун. К этому времени, как полагает Миками, у когурёсцев сложилась «примитивная государственная организация, объединявшая несколько племен под властью одного вана». Ее Миками и называет «племенным государством», объединившим пять племен, из которых одно (сначала Ённо, а затем Керу) выдвигало

²⁹ См.: Миками Ц. Мансен гэнси фунбо но кэнкю (Изучение древних могил на территории Маньчжурии и Кореи). Токио, 1961.

ванов³⁰. С этого времени власть ванов становилась наследственной (после Гуна правил его сын Пэкко, а после Пэкко — его сын Ииимо в III в.), причем дальнейшую эволюцию Когурё Миками прослеживает по изменениям формы погребений, считая, что на смену дольменам пришли курганы когурёского типа. Указав, что правители «дольменного общества» участвовали в установлении власти в Когурё³¹, Миками, однако, воздерживался от определения точной даты перехода дольменной культуры к когурёской. Зато Мисина, как уже отмечалось, считает, что «прото-Когурё», представлявшее объединение племен, постепенно развилось и превратилось (не ранее начала IV в.) в «древнее государство с абсолютской королевской властью»³².

Хатада Такаси склонен считать, что такой переход начался в I—II вв., когда стали появляться могильные курганы с огромными земляными насыпями, содержавшие роскошный погребальный инвентарь когурёских ванов и знати³³. Известия «Саньго чжи» Хатада считает относящимися к III в. и более раннему периоду, полагая, что в описываемое время «когурёские племена переживали процесс разложения старого родового общества и вызревания общества власть имущих», когда утверждение власти вана сопровождалось разложением родо-племенного строя и выделением имущего класса, господствующего над закабаленными племенами и немущими соплеменниками. Этот этап развития Когурё Хатада относил еще к «первобытному периоду», поскольку там сохранились черты, присущие племенным коллективам³⁴.

Для суждений об историческом развитии ханцев, населявших южную часть Корейского полуострова, Миками привлекает археологические материалы района Тэгу, где распространено большое число дольменов так называемого позднего (по классификации Миками) периода, которые по формам погребений непосредственно предшествуют выложенным из каменных блоков «древним могилам» с высокой земляной насыпью, датируемым V—VI вв. н. э. Считая нижней границей существования дольменов III—IV вв. н. э., Миками относит дольмены района Тэгу (Тэбон) к могильникам правящей верхушки существовавшего здесь небольшого «племенного государства», вероятно, одного из 24 «государств» Чинхана и Пёнхана, упоминаемых в «Саньго чжи»³⁵. В то время еще не было единого вана, но постепенная консолидация «маленьких («карликовых») государств» типа «племенных государств» привела в начале IV в. к установлению власти вана. Как предполагает Миками, таким же путем развивалось и Саро, одно из «государств»

³⁰ См.: там же, с. 193.

³¹ См.: там же, с. 203—208.

³² Мисина С. О пяти племенах Когурё, с. 13—58.

³³ См.: Хатада Т. История Корей. Токио, 1960, с. 16.

³⁴ См.: там же, с. 18—19.

³⁵ См.: Миками Ц. Указ. соч., с. 221—248.

Чинхана, ставшее позднее ядром государства Силла, а на юге Корейского полуострова дольменное общество эволюционировало в «племенное государство», и в результате объединения таких «племенных государств» возникли в IV в. государства Пэкче и Силла. При этом Миками совершенно не касается вопроса о политических или социально-экономических факторах, вызвавших такое объединение, считая необходимым ограничиться только истолкованием археологического материала и сравнением его с данными письменных источников.

Но несомненное значение его работы состояло в попытке раскрыть сущность тех политических образований в Корее, которые в китайских известиях фигурируют как «государства».

Для точности следует заметить, что в ряде работ японских историков, предшествовавших исследованию Миками, уже делались попытки истолковать эти «государства» в качестве «государств-деревень» (бураку кокка)³⁶ или проследить их эволюцию от «миниатюрного государства» и их объединений к государству в современном смысле этого слова³⁷, усматривая даже глобальный характер этой закономерности (однако без социально-экономической характеристики процесса). Т. Хатада характеризует эти «государства», ханцев как «группировки нескольких деревень, связанных кровным родством», причем отставание ханских племен от когурёсцев он объяснял большим гнетом со стороны китайских округов³⁸.

Здесь также следует отметить, что в современной японской историографии изучение социально-экономической истории корейских племен, особенно ханцев, тесно переплетается с исследованием социально-экономических процессов среди японского населения в период формирования классового общества и государства. Один из ведущих исследователей ранней истории Японии Тома Сэйта, рассматривая положение в Японии с конца II до конца III в. н. э. (преимущественно на севере Кюсю), приходит к заключению, что уровень развития населения Южной Кореи и Японии был примерно одинаковым, хотя в некоторых отношениях Южная Корея, ближе соприкасавшаяся с китайскими округами, опережала Японию³⁹. Согласно его выводам Япония середины III в. «все еще оставалась по-прежнему в рамках общинной формации в виде первобытной деспотии» и все еще «не смогла шагнуть в качественно новое классовое общество». Отсюда следовало, что и ханцы Южной

³⁶ См.: Инаба И. Исследование корейской культуры. Токио, 1925, с. 3—4; Икэути Х. Культура Кореи. Токио, 1936, с. 9—15.

³⁷ См.: Охара Т. Историческая география Кореи.— В кн.: Тёсэн ипанси (Общая история Кореи), б/г, б/м, с. 26; он же. Об изучении древнейшей истории Кореи.— В кн.: Специальные лекции по истории Кореи, б/г, б/м, с. 22.

³⁸ См.: Хатада Т. История Кореи, с. 21—22.

³⁹ См.: Тома С. Обнаруженная золотая печать. Королева Химико и заря Японии. Токио, 1961, с. 193.

Кореи также не вступили тогда в стадию классового общества⁴⁰. Примерно к такому же заключению приходит и другой исследователь, Иноуэ Мицусада, отмечающий, что в то время, когда на юге Кореи существовали «объединения племен» — Махан, Чинхан и Пёнхан, на севере Кюсю был Яматай-коку, представлявший «объединение земель На». «Государственную» сущность Яматай-коку он раскрывает как «первобытную демократию», полагая, что все это с лишним так называемых «государств», составлявших понятие Яматай-коку, представляли «политические образования», управляемые «вождями из вождей» или своеобразными вождями-жрецами (priest king)⁴¹. Известный специалист по ранней истории Японии Исимода Сё также полагает, что в течение I—III вв. н. э. в Японии происходил переход от ранней ступени варварства (стадия культуры яёи) к его поздней ступени (представленной культурой кофун), что в середине III в. появились ростки государственности в виде Яматай-коку⁴². Исимода подчеркивает, что складывание государства у японцев происходило в ходе вооруженных конфликтов с населением Корейского полуострова (в 369, 391 и 404 гг.), в ходе экспансии, предопределившей особенности складывающегося японского государства в целом и опосредствовавшей «быстрому росту сильной единоличной военной власти короля»⁴³.

К проблеме периодизации ранней истории Кореи, связанной с определением уровня общественно-экономического развития населения Корейского полуострова в первые века новой эры, прямое отношение имеет изучение упоминаемой в «Самгук саги» сословной системы «кольпхум» в Силла — деления на «кости» (коль) и «разряды» (тупхум или пхум), возникшей еще до появления государственных институтов (видимо, в виде первых специальных градаций при сохранении родо-племенных отношений) и закрепившейся в качестве сословно-классового деления в государстве Силла.

Начиная с 20-х гг. этой проблеме посвящены многочисленные исследования японских историков. Зачинателем научного изучения ее был Иманиси Рю, который пришел к выводу, что система «кольпхум» представляла своеобразную сословную иерархию («классов-сословий»), возникшую в процессе складывания государства Силла⁴⁴. При этом он исходил из представления о том, что «завоеватели составляли класс правителей», а «покоренные племена — классы зависимых»⁴⁵. Тот факт, что в качестве носи-

⁴⁰ См.: там же, с. 210.

⁴¹ См.: Иноуэ М. Ниппон кокка но кигэн (Происхождение Японского государства). Токио, 1960, с. 24.

⁴² См.: Исимода С. Кодай си гайсэцу (Краткий очерк древней истории). — В кн.: История Японии, т. I. Токио, с. 6—7.

⁴³ Там же, с. 17, 19.

⁴⁴ См.: Иманиси Р. Очерк истории Силла. Сираги си кэнкю (Изучение истории Силла). Сеул, 1933, с. 36.

⁴⁵ Там же, с. 39—40.

телей королевской власти выступали не отдельные семьи, а целое сословие (из ряда влиятельных семей), Иманиси объяснял как результат завоевания одним племенем других еще при сохранении у завоевателей остатков родовой демократии. Предполагая такое выделение королевской власти во II—III вв., видимо, судя по сообщениям о завоевательных войнах, Иманиси к этому времени относил и само «установление Силланского государства»⁴⁶. Конечно, можно усомниться в правильности вывода об установлении государственности по фактам завоеваний одним племенем других (при отсутствии данных о распаде родового строя или обострении борьбы между общественными классами). По мнению Иманиси, в развитом виде сословно-классовая система в Силла имела восемь делений, в которые входили две «кости» — сонголь («священная кость») и чинголь («истинная кость») — и шесть разрядов (тупхум): юктупхум («шестой разряд») или токнан («труднодостижимый»), отупхум («пятый разряд»), сатупхум («четвертый разряд») и т. д. При перечислениях «тупхум» источники обычно не называют третьего, второго и первого разрядов. Иманиси полагает, что они были заменены термином «пхёнъин-бэксон» («простолюдины-стофамильцы»). В обоснование своего тезиса о существовании трех скрытых низших разрядов Иманиси ссылаясь на упоминание в «Самгук юса» «восьми разрядов личного достоинства» («пхальпхум сонъголь») ⁴⁷. Иманиси признавал традиционную периодизацию «Самгук саги», которая относила 28 ванов древней эпохи (правивших до 654 г., т. е. вплоть до вана-женщины Чиндок) к числу сонголь. Шесть разрядов (тупхум) без специальных наименований Иманиси связывал с существованием шести бу (племена, а затем округов) Силла и их возникновение относил к более позднему времени, чем появление двух первых делений на «кости», полагая, что разряды эти определенно существовали в позднюю эпоху Силла (780—935 гг.) по периодизации «Самгук саги»⁴⁸, и можно допустить их существование и в **среднюю эпоху (654—780 гг.)**⁴⁹. Эндогамия внутри высшего королевского сословия Иманиси объяснял стремлением правящего «класса» закрепить свои политические привилегии.

Развивая идеи Иманиси, его последователь Икэути Х. (в работе, опубликованной в 1941 г. под названием «Силланская система «кольпхум» и «королевская генеалогия») дал определение системы «кольпхум» как специфической «системы» кровнородственных классов (кэудзокутэки кайкюсэй), аналогичной индийской кастовой системе⁵⁰. Из восьми сословных подразделений Икэути, как и

⁴⁶ Там же, с. 22.

⁴⁷ Иманиси Р. Указ. соч., с. 193—203.

⁴⁸ См.: Ким Бусик. Самгук Саги. М., 1959, с. 56, 293.

⁴⁹ См.: Иманиси Р. Указ. соч., с. 204—205.

⁵⁰ Икэути Х. Мансэси кэнкю. Дэсэй (Изучение истории Маньчжурии и Кореи. Древний период), т. II. Токио, 1960, с. 553.

Иманиси, различал разряды правителей (5 высших групп) и управляемых, между которыми существовала глубокая пропасть⁵¹. Однако, рассматривая сословные разряды только как «кровнородственные классы», Иманиси и Икэути не смогли подняться до понимания их социально-классовой сущности, соответствующей достигнутому уровню исторического развития государства Силла; поэтому остались невыясненными такие вопросы социальной раз-вития Силла, как время существования и характер родовых коллективов, смена родового строя классовым обществом и пр. Тем не менее заслуживает серьезного внимания вывод Икэути о легендарном характере всех ванов Силла до Намуля (356—402), а следовательно, и сообщений «Самгук саги» о смене трех царствующих домов в этот легендарный период, о том, что в этих легендах нашли отражение события более позднего времени⁵².

Таким образом, в период до второй мировой войны даже лучшие японские буржуазные исследователи социальных институтов ранней Кореи ограничивались лишь скрупулезным изучением фактических деталей и не поднимались до широких обобщений в целях выявления общеисторических закономерностей развития силланского общества. В послевоенное время эту ограниченность стали преодолевать те историки, чьи взгляды сформировались под влиянием идей исторического материализма. Систему «кольпхум» Хатада Такаси (в 1951 г.) объяснял тем, что «при сохранении традиций родового строя складывались отношения господства и зависимости», что «процесс классового расслоения сопровождался сохранением старых традиций, приведших к установлению сословных градаций»⁵³. Но в своей работе Хатада еще не выдвинул тогда ясного принципа периодизации, основывающейся на смене социально-экономических формаций, и не смог связать изучение института «кольпхум» с проблемой формирования государства Силла и его социально-экономической характеристики. По мнению Хатада, во второй половине IV в. н. э. из системы «кольпхум» вырос «деспотический чиновный аппарат», а в VI в. наступил «новый период — период оформления различных государственных институтов»⁵⁴. При этом Хатада не ответил на вопрос о том, какой «чиновный аппарат» сложился до оформления «государственных институтов», хотя и отметил, что в государстве Силла VI в. «путь социального прогресса проходил через рост рабовладения»⁵⁵. Несомненная заслуга Хатада состояла в стремлении рассмотреть эволюцию системы «кольпхум» в связи с процессами социальной и политической истории Силла, например с борьбой центростремительных и центробежных тенденций.

⁵¹ См.: там же, с. 553.

⁵² См.: там же, с. 557, 561.

⁵³ Хатада Т. Тэсэн си (История Кореи). Токно, 1951, с. 36—37.

⁵⁴ Там же, с. 39.

⁵⁵ Там же, с. 47.

Как полагал Хатада, система «кольпхум» перерождалась и разрушалась в ходе непрекращавшейся борьбы центробежных сил (особенно со второй половины VIII в.) по мере роста крупного землевладения и экономической самостоятельности местной знати⁵⁶.

Своеобразную трактовку системы «кольпхум» и смены «эпох» в истории Силла дал известный японский исследователь истории Силла Суэмацу Ясукадзу. Переход от «древней эпохи» к «средней эпохе» в истории Силла корейские летописцы представляли как прекращение царствования ванов, происходивших из рядов сонголь, и начало правления ванов из чинголь. Суэмацу же истолковывал сообщение летописцев в том смысле, что так называемый переход от одной эпохи к другой означал лишь прекращение эндогамии царского сословия сонголь и слияние его с остальной аристократией чинголь (об этом свидетельствует то, что первый ван «средней эпохи» Тхэчжон Мурёль женился на сестре Ким Юсина, не принадлежавшего к исконно силланским родам). По мнению Суэмацу, политические интересы дальнейшего территориального расширения Силланского государства сделали неизбежным допущение в самое высшее сословие и родовитой знати из покоренных или присоединенных земель. Рассматривая «кольпхум» как синтез двух раздельно существовавших систем «коль» и «тупхум» (из которых первая представляла организацию царствующих родов, а вторая — организацию остального населения), Суэмацу отмечает, что слияние их в единую систему зафиксировано в известиях, датированных IV в. н. э. Считая систему «тупхум» шестиступенчатой (судя по сохранившимся разрядам — «шестой тупхум», «пятый тупхум» и «четвертый тупхум»)⁵⁷, он связывал ее с шестью «бу», сложившимися в ходе завоеваний и присоединения земель иноплеменников первоначальным силланским царством (общиной Саро). Исходя из этой гипотезы он выдвинул и свою периодизацию развития системы «бу». По его предположениям, первоначально, т. е. в первой половине III в. н. э., произошло объединение двух «бу» (I этап), а затем, в начале VI в., к ним присоединилось третье «бу» (II этап), и в течение столетия после этого были присоединены еще три «бу» (III этап). Ссылаясь на данные о чиновных рангах в государстве Силла, Суэмацу высказал также предположение, что выходцы из двух первоначальных бу занимали примерно одинаковое положение, члены третьего «бу» — более низкое, и самое низкое положение занимали представители остальных трех бу⁵⁸. Согласно этой гипотезе в системе «тупхум» шестой и пятый разряд составляли члены двух первоначальных бу, четвертый разряд — представители третьего бу, и три низших

⁵⁶ См.: там же, с. 59—60.

⁵⁷ См.: Суэмацу Я. Сираги си но сёмондай (Вопросы истории Силла). Токио, 1954, с. 511—512.

⁵⁸ См.: там же, с. 291—307.

разряда — члены остальных бу, покоренных позднее. Что касается высших сословий королевских «костей», то они, по мнению Суэмацу, состояли из родо-племенной знати двух первых бу, составивших ядро формирующегося Силланского государства. Складывание шести бу, по его мнению, завершилось в начале VI в. в период юридического оформления бюрократического аппарата государства, когда на смену подразделению людей по «бу» пришли различия по рангам, в связи с чем система «бу» уступила место системе «кольпхум»⁵⁹. Несмотря на гипотетический характер построений Суэмацу (которым недоставало ряда фактических подтверждений), все же можно признать плодотворной его идею о необходимости изучения системы «кольпхум» в сопоставлении с другими социальными институтами и общим ходом исторического развития Силла.

Продолжая эту линию в изучении системы «кольпхум», один из молодых представителей японской послевоенной историографии Такэда Юкио характеризует «кольпхум» как кастовую систему, регулируемую «фактором кровного родства по женской линии»⁶⁰. Оставляя в качестве задачи будущего исследования взаимосвязи этой сословной системы с классовой структурой силланского общества⁶¹, Такэда пытается раскрыть социальное положение низших сословий, в чем нельзя не усмотреть новизны подхода к изучению проблемы «кольпхум». Опираясь на источники последующей эпохи (Корё), Такэда ретроспективно восстанавливает положение простого народа в государстве Силла. По упоминаниям в «Корё са» названий войск — «Ильпхум гун» («Войско первого разряда»), «Исампхум гун» («Войско второго и третьего разрядов») — Такэда приходит к выводу, что части провинциальных войск в Корё носили названия, соответствовавшие силланским наименованиям сословий первого, второго и третьего разрядов, что военная организация Корё унаследовала воинскую систему государства Силла, основывавшуюся на сословном принципе. Поскольку согласно «Самгук саги» деревенские старосты в сословной иерархии Силла принадлежали к четвертому или пятому разряду (тупхум), Такэда считает логичным предположить, что в низшие разряды (III—I тупхум) входили рядовые жители деревень, «которые непосредственно несли военную службу и одно время получали солдатские надель (чонджон)»⁶². Социальный статус их сплошь и рядом игнорировался, поэтому феодальные историки называли их одним общим термином — простонародье или «пэксон» («стофамильцы»). Такэда также высказал гипотезу о существовании отдельных — столичной и провинциальной — со-

⁵⁹ См.: там же, с. 296.

⁶⁰ Такэда Ю. Сираги коппин тайсэй сякай (Силланское общество системы «кольпхум»). — «Рэкиси гаку кэнкю», 1965, № 299, с. 8.

⁶¹ См.: там же, с. 1.

⁶² Там же, с. 8.

словных систем, явившихся следствием объединения множества разнообразных политических образований вокруг шести собственно силланских «бу». И, по его мнению, три административные градации (столичный округ — округа и уезды — путок или зависимые общины) закрепляли существование трех замкнутых сословных структур; поэтому силланское общество он рассматривал как «общество режима сословных систем» (коппин тайсэй сякай)⁶³. Такэда полагает, что этот режим претерпел серьезные изменения с объединением трех государств под властью Силла, когда наряду с упразднением провинциальных рангов устанавливалась единая чиновная система, и стирались различия между столичной и провинциальной сословными системами. Этим он объясняет переход Силла от так наз. древней эпохи к средней эпохе, хотя и не указывает на социально-экономическое содержание происшедших перемен.

Особую позицию в изучении проблемы «кольпхум» занял в современной японской историографии Мисина Сёэй; его статья «Общество системы «кольпхум» свидетельствует о несомненном кризисе исследовательской мысли, порожденном тенденциозностью реакционной идеологии. Начав с признания того, что изучение системы «кольпхум», затрагивающей основы социальной структуры и королевской власти в Силла, представляет «центральную задачу» в изучении ее истории, Мисина закончил пессимистическим выводом, что в исследовании этой проблемы он не видит «обнадеживающей перспективы на будущее»⁶⁴. Восприняв идеи Суэмацу об образовании системы «кольпхум» путем слияния двух отдельных сословных систем («коль» и «тупхум») и возникновении деления на разряды «тупхум» от прежних «бу», Мисина далее замечает, что «остается много неясностей относительно того, как ретроспективно расположить во временном соотношении эти две системы, а также — как в других отношениях проанализировать сложную структуру комбинированной системы»⁶⁵. Пессимизм Мисина вызван не только скудостью фактических сведений в источниках, но и порочностью методологического подхода самого исследователя. Не выходя за пределы традиционной дискуссии о «королевских костях» и не связывая систему «кольпхум» с исследованием социальной структуры Силла в широком плане, Мисина ограничился лишь рассмотрением вопроса о кровнородственных связях, лежавших, по его мнению, в основе института «кольпхум», и пришел к выводу о невозможности доказать существование каких-либо родовых организаций в рассматриваемый период, а также к более общему заключению о том, что корейское общество никогда не знало родового строя, а отождествляемые

⁶³ Там же, с. 10.

⁶⁴ Мисина С. Коппин сэй сякай (Общество системы «кольпхум»). — В кн.: Лекции по древней истории, т. 7. Токио, 1963, с. 209.

⁶⁵ Там же, с. 200—201.

им с «родом» экзогамные группы однофамильцев появились при династии Ли якобы в результате подражания Китаю⁶⁶. Это означает полный пересмотр собственных взглядов Мисина, который в своих прежних работах⁶⁷, придерживаясь идей «социального эволюционизма», считал, что родовое общество предшествовало классовому, и высказывал интересные идеи, касающиеся пережитков родоплеменных отношений в классовом обществе. Крутое изменение взглядов Мисина и пессимистическое отношение к исследованию социальных институтов Силла явились прямым результатом восприятия антикоммунистических идей западной школы этнографов (Дж. Мёрдока и др.), пытающихся объявить устаревшим и дискредитировать материалистическое понимание первобытной истории. Включившись в общий хор участников антикоммунистического похода против исторического материализма, Мисина объявил устаревшим представление «о постепенном переходе древнейшего общества, основанного на связях кровного родства, в общество, основанное на связях территориальной общности», «понимание первобытной общины, как коллектива, основанного на кровном родстве», т. е. положения, которые, по его мнению, «служат благодаря трудам Энгельса главной опорой исторического материализма». И далее Мисина заявляет: «В настоящее время для нас, живущих в современную эпоху, необходима хотя бы минимальная прогрессивность мышления, чтобы освободиться от закостенелой, унаследованной от прошлого века, схемы: «кровнородственная общность — территориальная общность»⁶⁸. Так, под соусом «прогрессивного мышления», якобы чуждого «консервативности», без всякой аргументации, мимоходом «опровергается» марксистское понимание исторического процесса как закономерного поступательного движения к прогрессу. Пример Мисина ярко свидетельствует о полной научной несостоятельности и бесплодности антикоммунистической идеологии, о страхе буржуазных идеологов перед ростом влияния марксизма-ленинизма и прогрессивных тенденций в японской историографии, сказывающихся в возрастающем интересе к проблемам социально-экономического развития, в частности, и в научных поисках к правильному пониманию социально-экономической истории Кореи раннего периода.

Становление и укрепление прогрессивной корейской историографии произошло под влиянием проникших в Корею идей марксизма-ленинизма и поставивших в центр внимания исследование процессов социально-экономического развития Кореи и выявление объективных закономерностей истории корейского народа. Прогрессивная историко-материалистическая школа корейской историографии поставила проблемы, которые до сих пор остаются

⁶⁶ См.: там же, с. 179.

⁶⁷ Например. О пяти племенах Когурё. — «Тёсэн гакухо», 1954, № 6, и др.

⁶⁸ Мисина С. Коппинсэй сякай, с. 187—188.

коренными для правильного понимания исторического пути корейского народа. Особенно укрепилось марксистское направление в корейской историографии после освобождения страны Советской Армией и создания Корейской Народно-Демократической Республики, где продолжили свою деятельность многие историки, которые еще в годы колониального господства японских империалистов стремились на основе методологии исторического материализма изучать свою отечественную историю. С утверждением в КНДР марксизма-ленинизма в качестве господствующей идеологии стало возможным и распространение опыта советской исторической науки в разработке важнейших исторических проблем. Научными центрами по изучению истории в освобожденной Корее стали сначала Комиссия по составлению истории Кореи, а затем институты Академии наук КНДР (теперь входящие в Академию общественных наук КНДР), Университет им. Ким Ир Сена.

С зарождением марксистской историографии история Кореи стала изучаться с точки зрения общественно-экономических формаций, а важнейшим вопросом периодизации ранней истории стало определение времени утверждения и характера первой антагонистической общественной формации, пришедшей на смену первобытнообщинному строю. В первых работах корейских историков, написанных с позиций исторического материализма, зарождение классового общества и государственности связывалось с периодом трех государств — Когурё, Пэкче и Силла, причем еще не сложилось единого мнения об исторических рамках существования первой антагонистической, рабовладельческой формации. Пэк Намун в работе, посвященной изучению первобытнообщинного и рабовладельческого строя⁶⁹, признавал три государства рабовладельческими и переход от рабовладельческого строя к феодальному относил ко второй половине VII в., когда произошло объединение страны государством Силла⁷⁰. Другой историк, Ли Чхонвон, также признавал три государства рабовладельческими, но период существования рабовладельческого строя определил длительным временем до конца XIV в.⁷¹. Ким Кванджин в исследовании по истории Когурё считал, что когурёское общество, по крайней мере вплоть до конца IV в. (правление вана Квангэтхо), не являлось рабовладельческим, хотя и допускал возможность существования такого общества в более поздний период⁷².

⁶⁹ См.: Пэк Намун. Тёсэн сякай кэйдзайси (Социально-экономическая история Кореи). Токио, 1933.

⁷⁰ См.: там же, с. 431.

⁷¹ См.: Ли Чхонвон. Тёсэн сякайси токухон (Книга для чтения по социологии Кореи). Токио, 1936, с. 44—45; Цит. по: Хангук мунхва са тэге, т. 2, с. 609.

⁷² См.: Ким Кванджин. Способ производства в когурёском обществе. (Учен. зап. Посонского колледжа, 1937, вып. 3, с. 764—765). Цит. по: Хангук мунхва са тэге, т. 2, с. 609.

Различное понимание характера первого классового общества в Корее было связано с трактовкой упоминаемой в «Саньго чжи» категории эксплуатируемого населения, известного под названием хахо, или «низших дворов». В соответствии с текстом источника (в описании Пуё), называвшего в одном месте хахо рабами⁷³ Пэк Намун также считал их рабами или основным классом в рабовладельческом обществе⁷⁴. Даже в тех случаях, когда хахо упоминаются в качестве данников или свободных людей, Пэк Намун все равно считал их категорией населения, которое «по преимуществу должно быть причислено к рабам»⁷⁵. На основе сообщений того же самого источника («Сань-го чжи»), что хахо поставляли «большим домам» хлеба, рыбу и соль, Ким Кванджин пришел к заключению, что «хахо, как можно полагать, являлись по преимуществу членами завоеванных родовых общин... Хотя Пэк Намун, определяя этих хахо в качестве рабов, стремился обосновать зрелость рабовладельческого строя, надо полагать, что такое мнение представляет явное преувеличение. Конечно, не подлежит сомнению факт появления в то время рабов в Когурё, но было бы преждевременно на основе данных о таких рабах утверждать о существовании рабовладельческой формации (ку-сон)»⁷⁶. Тогда Ким Кванджин еще допускал вероятность превращения рабства через несколько столетий в господствующий способ производства, но воздержался от определения точного времени. Отрицая рабовладельческий строй в Когурё в период, описанный в «Саньго чжи», Ким Кванджин представлял историю Когурё до III в. н. э. как время господства родового строя, а с III в. — как период господства даннических отношений. Тот факт, что завоеванное население целыми коллективами превращалось в зависимых людей (без отрыва от исконных мест жительства или превращения рабов), для Ким Кванджина служит доказательством того, что тогдашнее общество Когурё еще не являлось рабовладельческим⁷⁷.

Дискуссия о характере социально-экономического строя Кореи в период трех ранних государств, завязавшаяся еще в 30-х гг., продолжалась лишь после освобождения Кореи от колониального господства, когда особенно возрос интерес к проблемам социально-экономического развития и взаимоотношений классов в истории Кореи. В одной из первых работ по истории, опубликованной после освобождения страны, Чон Соктам выступил против тезиса о рабовладельческом характере трех государств, считая, что невозможно установить роль или участие рабов в сельскохозяйственном производстве, когда основной формой эксплуа-

⁷³ «Проблемы востоковедения», 1961, № 1, с. 120.

⁷⁴ См.: Пэк Намун. Указ. соч., с. 156—157, 166.

⁷⁵ Там же, с. 138.

⁷⁶ Ким Кванджин. Указ. соч., 740—741.

⁷⁷ См.: там же, с. 749; Хангук мунхва са тэге, т. 2.

тации было взимание государственных налогов с обычного крестьянства. Исходя из этих соображений, он полагал, что «будет правильным считать господствующей формой производства земледельческий труд обычного (ильбанджок) крестьянства в условиях когда законом была утверждена общегосударственная собственность на землю»⁷⁸. Однако многие историки продолжали по-прежнему признавать три государства рабовладельческими. Хан Гиرون даже утверждал (в 1947 г.), что историки Народно-Демократической Кореи единогласно считают три государства рабовладельческими, равно как единодушны в мнении о том, что Когурё и Пэкче сложились как государства раньше, чем Силла (вопреки утверждениям летописной традиции), хотя и существовали значительные различия в определении точных дат возникновения каждого из этих государств⁷⁹.

Обоснованию тезиса о существовании рабовладельческого строя в Корею была посвящена работа Ли Ынсу⁸⁰, а в «Древней истории Кореи», прямо утверждалось: «Мы не можем не признать, что во всех трех государствах с начала их возникновения вплоть до самого их падения наблюдается не продолжение какого-либо общинного способа производства или беспримерно раннее созревание феодального строя, а в самом обычном смысле слова рабовладельческая система, которая встречается и во многих других странах. Более того, нам кажется, что нет никаких сомнений в том, что способ производства и классовая структура трех государств, как видно по данным исторических источников, выявляет характерные черты рабовладельческого общества»⁸¹.

Тем не менее вопреки этим утверждениям дальнейшее развитие исторической науки в КНДР выявило недостаточность аргументации тезиса о рабовладельческом строе периода трех государств, поэтому многие историки стали считать, что Корея после разложения первобытнообщинного строя могла, минуя рабовладельческий строй, перейти к феодальному. Эта точка зрения высказывалась в ряде научных дискуссий, причем работы и выступления Ким Кванджина содержали наиболее развернутую аргументацию⁸².

⁷⁸ См.: Чон Соктам. Лиджо нонмин кёнджеса (Экономическая история крестьянства при династии Ли), с. 2, 3. — В кн.: Лиджо сахве кёнджеса (Социально-экономическая история при династии Ли). Сеул, 1946.

⁷⁹ См.: Хан Гиرون. Чосон кодэ кукка хёнсон кваджон. (Процесс формирования древних государств в Кореи). — В кн.: Чосон ёкса ёнгу нонмун диб (Сборник исследовательских статей по истории Кореи). Пхеньян, 1947, с. 291—310.

⁸⁰ См.: Ли Ынсу. Чосон ное сидэ ёнгу. (Исследование рабовладельческой эпохи в Кореи). — «Ёкса Чемундже» («Вопросы истории». Пхеньян), 1949, № 9, 10, 11.

⁸¹ Чосон кодэса (Древняя история Кореи). Пхеньян, 1951, с. 14.

⁸² См. работы Ким Кванджина: Чосонэ иссосы понгон чедоу пальсэн кваджон. Ное союджаджок кусоны чонбу ёхэз тэхан мунджева квальёнхаё (Процесс возникновения феодального строя в Кореи. В связи с вопросом о

Итоги многолетнему изучению корейскими историками проблем социально-экономического развития Кореи в ранний период подвела дискуссия, организованная Институтом истории АН КНДР в ноябре 1956 г. Результатом ее явился изданный в 1958 г. сборник статей по проблемам социально-экономического развития Кореи в период трех государств, в котором зафиксированы основные точки зрения корейских историков на социально-экономическую природу трех государств и по проблемам периодизации ранней истории Кореи⁸³, поэтому он заслуживает подробного рассмотрения.

Как видно из этих материалов, идея о нерабовладельческом пути развития трех государств встретила на дискуссии 1956 г. возражения со стороны ряда историков. Объясняя тот факт, что после распада первобытнообщинного строя в Корее основную массу эксплуатируемых составляли зависимые крестьяне, а не рабы, историк То Юхо считал это особенностью рабовладельческой формации в Корее⁸⁴, и он не видел существенной разницы между рабом и крепостным, которая, по его мнению, заключалась «только в степени эксплуатации»⁸⁵, а не в коренном их социально-экономическом отличии. При датировке времени возникновения трех государств (I—IV вв. н. э.) То Юхо в качестве критериев брал факты о завоевательных войнах, полагая, что все эти государства сложились в ходе военных столкновений с соседями и завоевания их земель⁸⁶. А смена рабовладельческой формации феодальной, по его мнению, была ознаменована народными восстаниями последнего периода Силла (IX в.), направленными против класса рабовладельцев⁸⁷.

Недостаток фактического материала, свидетельствующего о применении рабского труда в производстве, заставил сторонников рабовладельческой концепции (в том числе и Пэк Намуна⁸⁸) отказаться от выдвинутого в свое время Пэк Намуном тезиса о существовании в древней Корее развитого рабовладельческого общества греко-римского типа⁸⁹. В ходе дискуссии сторонники рабовладельческой концепции дружно поддержали идею о том,

том, существовала ли в Корее рабовладельческая формация).— «Екса квахак» («Историческая наука»), 1955, № 8, с. 11—39, № 9, с. 37—69; Самгук сидэи сахве кёндже кусонэ кванхан мёг каджи мунджэз тэхаё (О некоторых вопросах, касающихся социально-экономического строя периода трех государств).— «Екса квахак», 1956, № 5, с. 1—24; № 6, с. 10—40 и др.

⁸³ Самгук сигьи сахве кёндже кусонэ кванджжан тхорон джип (Дискуссия о социально-экономическом строе периода трех государств). Пхеньян, 1958. В дальнейшем: Дискуссия...

⁸⁴ См.: То Юхо. Самгук сидэни понгон сидэга анида (Период трех государств не является феодальным).— Дискуссия..., с. 36.

⁸⁵ Там же, с. 48.

⁸⁶ См.: там же, с. 67—70.

⁸⁷ См.: там же, с. 52.

⁸⁸ См.: там же, с. 337—338.

⁸⁹ Предисловие к сборнику «Дискуссия...».

что рабовладельческое общество в древней Корее носило, вероятно, такой же характер, какой имела рабовладельческая формация в государствах древнего Востока — в Двуречье, Египте и др.⁹⁰. Признавая невозможным нарушения в «исторической последовательности смены общественных форм»⁹¹, Лим Гонсан стремился установить черты рабовладельческого общества древневосточного типа в период трех государств, возникновение которых, по данным средневековых корейских источников (прежде всего по «Самгук саги»), относил к I—III вв. н. э.⁹². Исходя из предположения, что рабовладельческая формация может основываться на патриархальном и домашнем рабстве⁹³, главными признаками рабовладельческой формации древневосточного типа он считал наличие эксплуатируемых общин (пугок и хян) и возвышающейся над ними деспотической государственной власти.

Касаясь вопросов датировки рабовладельческого общества и возникновения феодальных отношений, Лим Гонсан писал, что элементы кризиса рабовладельческих порядков и зарождения феодальных отношений можно наблюдать не ранее V в. н. э., когда «происходили взаимные контакты и военные столкновения между тремя государствами, усиливались их торговые связи с Китаем»⁹⁴. Зарождение феодальных отношений в трех государствах Лим Гонсан рассматривал как результат развития частной собственности и разложения общины, этой, по его мнению, основы рабовладельческой деспотии. А временем утверждения феодализма в Корее он, как и Пэк Намун, считал период после объединения страны под властью государства Силла.

Попытку реконструировать рабовладельческое общество трех государств по образцу рабовладельческих деспотий Древнего Востока предпринимали и другие историки. Оппоненты видели слабую сторону «рабовладельческой концепции» в неумении ученых объяснить переход к феодализму. Например, историк Чхэ Хигук резонно отмечал, что рабовладельческое общество по этой концепции принципиально ничем не отличается от феодального⁹⁵. Другие предлагали методологически четко различать положение раба от положения крепостного⁹⁶. При конкретном рассмотрении фактов истории, отрицающие рабовладельческую формацию в трех государствах, большое значение придавали сообщениям

⁹⁰ Дискуссия..., с. 267—271.

⁹¹ Лим Гонсан. Самгук сахе кёндже кусонэ тэхан мёт каджи мудже. (Несколько вопросов, касающихся социально-экономического строя трех государств). — Дискуссия..., с. 101.

⁹² См.: там же, с. 81—87.

⁹³ См.: там же, с. 120.

⁹⁴ Там же, с. 134.

⁹⁵ См.: Чхэ Хигук. Самгук сигны сахве кёндже кусоньыл хэмён хаги вихан мёт каджи мунджеэ тэхаё (О некоторых вопросах, необходимых для уяснения социально-экономического строя трех государств). — Дискуссия..., с. 263.

⁹⁶ Дискуссия..., с. 297—299.

«Сангю чжи», позволяющим судить о том, что главный эксплуатируемый класс этого периода (хахо) не был классом рабов⁹⁷. Что же касается форм государственной организации этого периода, то они считали ничем не обоснованным тезис о деспотии древневосточного типа, так как в источниках можно найти факты, говорящие о следах выборного начала при возведении правителей, о центробежных и других моментах, ослаблявших центральную власть трех государств⁹⁸. По конкретным данным источников, особенно «Сангю чжи», характеризующих положение классов, формы эксплуатации и поземельные отношения, эти историки признавали, что Корея могла, минуя стадию рабовладельческой формации, перейти к феодальному обществу.

Историки, отрицающие рабовладельческий характер трех государств, были довольно единодушны в своей аргументации тезиса о переходе Кореи к феодализму после разложения первобытно-общинного строя (через определенный переходный период), но у них не было единого мнения насчет точного времени такого перехода. Эта дата колебалась от I в. до н. э. до III—IV вв. н. э.

Таковы вкратце основные концепции, выдвинутые корейскими историками по вопросу о становлении феодальных отношений в Корее и характере предшествующей формации, как можно судить по итогам дискуссии 1956 г. Остановимся более подробно на трактовке этих проблем в наиболее значительных монографических исследованиях таких историков, как Ким Сокхён, Пак Сихён и Лим Гонсан⁹⁹, которые зарождение феодализма в Корее рассматривают в связи с изучением социально-экономического строя в Корее в период трех государств. Прежде всего коснемся вопроса о времени утверждения государственности в Когурё, Пэкче и Силла, точное определение которого имеет важное значение для правильной марксистской периодизации исторического процесса. Как и в истории любой другой страны, этот вопрос относится к числу труднейших. А применительно к трем корейским государствам трудность его решения связана с крайней скудостью фактических данных письменных источников, с фантастичностью и противоречивостью суждений их составителей.

С зарождением государственной власти и началом летописания делались первые попытки объяснить происхождение государства и установить время появления первых правителей. Об этом говорят легенды об «основателях» государств Когурё, Пэкче и

⁹⁷ Дискуссия..., с. 5, 198, 238, 239, 312 и др.

⁹⁸ Там же, с. 211, 260—261.

⁹⁹ Имеются в виду прежде всего работы: Ким Сокхён. Чосон понгон сидэ нонмины кегып кусон (Классовая структура корейского крестьянства в период феодализма). Пхеньян, 1957; он же. Янбаннон (О янбанах). — Екса нонмун чип (Сборник статей по истории), вып. 3. Пхеньян, 1959, с. 1—129; Пак Сихён. Чосон тходжи чедоса (История аграрного строя в Корее), т. I. Пхеньян, 1960; Лим Гонсан. Чосоны пугокчез кванхан ёнгу (Исследование института зависимых общин — пугок в Корее). Пхеньян, 1963.

Силла, помещенные в первых разделах их летописной истории и сохранившиеся в «Исторических записях трех государств» («Самгук саги») Ким Бусика. Основываясь на старых летописях, Ким Бусик называл и «точные» даты возникновения каждого из трех государств — самым древним считал государство Силла, «установленное» в 57 г. до н. э., а затем, как пишет он, возникли Когурё (в 37 г. до н. э.) и Пэкче (в 18 г. до н. э.)¹⁰⁰. Спустя полтора столетия, автор «Дополнения к истории трех государств» («Самгук юса») буддийский монах Ирён, ссылаясь на древние исторические записи, подтвердил эту датировку возникновения трех государств.

Критикуя мифологическую традицию, представлявшую возникновение государства как predeterminedный Небом внезапный акт, Пэк Намун еще в 30-х гг. писал, что «путем медленного изменения общественных производственных отношений, на основе постепенного сдвига в развитии внутренних производительных сил произошел переход от бесклассового родового коммунистического общества к классовому государству, а от него — к воинственному государству»¹⁰¹. Определяя время возникновения трех государств, Пэк Намун опирался на факты, касающиеся войн и расширения территории¹⁰². Уточняя свою позицию в этом вопросе, во время дискуссии 1956 г. он заявил, что государство Когурё возникло в 4 г. н. э., Пэкче — в 55 году н. э., а Силла — в конце III в. н. э.¹⁰³. Эта датировка опирается на традицию ранних летописей.

Со времени дискуссии 1956 г., когда высказывались различные точки зрения по проблеме датировки возникновения трех государств, во взглядах историков КНДР произошли сдвиги в сторону выработки общей точки зрения.

В монографии по аграрной истории феодальной Кореи Пак Сихён предлагал при датировке возникновения трех государств полагаться на сообщения «Самгук саги» и «Самгук юса». На основе мифа об «основании» государства Когурё (в Чольбоне) Пак Сихён пришел к заключению, что «до I века до н. э. на территории к югу от центральной части теперешнего Северо-Восточного Китая существовали не только ранее возникшие и сравнительно крупные государства, как Пуё, но и сравнительно отсталые, разбросанные там и сям различные племена, подобные Чольбон Пуё, которые по уровню классового развития находились накануне зарождения государственности»¹⁰⁴. Указывая на то, что среди пуёских племен происходил сложный процесс передвижений и смешений в ходе завоеваний, что в бассейне современного Амнокана и его многочисленных притоков на севере и юге достигло

¹⁰⁰ Самгук саги, ч. I. Пхеньян, 1958, с. 1—2, 347—348, 557—559.

¹⁰¹ Пэк Намун. Социально-экономическая история Кореи, с. 178.

¹⁰² См.: там же, с. 185, 248, 321.

¹⁰³ Дискуссия..., с. 342.

¹⁰⁴ Пак Сихён. Чосон тхочжи чедоса (История аграрного строя в Кореи), т. I, с. 64.

высокого уровня развитие производительных сил (выявляемого новейшими археологическими раскопками) и связанных с ними классовых отношений, Пак Сихён писал, что будет правильным отнести возникновение государства Когурё на берегах р. Пирюсу к периоду до I в. до н. э.¹⁰⁵ Этот вывод не согласуется с конкретным описанием Когурё в «Саньго чжи» Чэнь Шоу (III в. н. э.), поэтому Пак Сихён считает, что китайский автор дал совершенно неверную картину исторических событий, не объясняя, однако, почему записи в поздних корейских исторических сочинениях надо считать более достоверными, чем сведения о Корее, впервые встречающиеся в «Саньго чжи».

По мифам об «основателе» Пэкче, сохранившимся (в четырех вариантах) в корейских и китайских источниках, Пак Сихён приходит к заключению, что среди племен Махана, находившихся накануне перехода к государственности, поселились представители северных племен (символизируемых в легендах именами пришельцев — братьев Пирю и Онджо)¹⁰⁶, которые в конце концов подчинили все соседние племена Махана. Касаясь того, что появление государства Пэкче в «Самгук саги» датируется 18 годом до н. э., а по китайским династийным историям — на 200 лет позже, Пак Сихён считает правильными только сообщения корейских летописцев¹⁰⁷.

Объяснив появление государства Силла разложением первобытнообщинного строя, возникновением частной собственности и непримиримостью противоречий между новообразовавшимися классами¹⁰⁸, Пак Сихён считает, что появлению государства предшествовало зарождение сословно-классовых различий в рамках старого первобытнообщинного строя. Поддерживая датировку возникновения трех государств в «Самгук саги» и «Самгук юса», Пак Сихён сознает недостатки этих источников, ибо в них возникновение государства представлено «как чудо, сотворившееся в один прекрасный день», и «многие факты, представленные в «Самгук саги» как события периода существования государства, в действительности могли относиться к догосударственному периоду»¹⁰⁹. Тем не менее Пак Сихён не делал дальнейших по-

¹⁰⁵ См.: там же, с. 65—66.

¹⁰⁶ Имена Пирю и Онджо, названных в мифах «основателями» государства Пэкче, Ким Сеик считает персонификацией исторических названий. Имя Пирю он связывает с «государством» Пирю, присоединенным к Когурё в «правление» легендарного Чумона (в 36 г. до н. э. по традиционной хронологии), а Онджо — с «государствами» Хэнин и Окчо, присоединенными в «правление» того же вана. Ким Сеик полагает, что возникновение государства нельзя датировать автоматически временем прихода на юг ветви пусских племен, поэтому относит к несколько более позднему времени складывание государства Пэкче (см.: Ким Сеик. О мифах об основателе Пэкче. — «Екса квахак», 1964, № 1, с. 19).

¹⁰⁷ См.: Пак Сихён. Указ. соч., с. 87.

¹⁰⁸ См.: там же, с. 7.

¹⁰⁹ Там же, с. 22.

пытках внести какую-либо существенную поправку в традиционную хронологию.

В монографии Лим Гонсана, ставящей задачу изучения сущности зависимых деревенских общин (пугок) и раскрытия через них специфики социально-экономического развития трех государств, государства Когурё, Пэкче и Силла представлены как естественное продолжение древнего рабовладельческого государства Чин (Махан), существовавшего, по его мнению, почти одновременно с древним Чосоном¹¹⁰. По мнению Лим Гонсана, в начале новой эры произошел распад древнего государства Чин на ряд «маленьких государств» (согук), среди которых были и Пэкче и Силла, превратившиеся затем, в течение I—III вв. «в сильные централизованные государства, консолидировав силы местной знати (тхохо) многочисленных «маленьких государств»¹¹¹. Возникновение трех государств представлено не как результат разложения первобытнообщинного строя, а как процесс консолидации «малых государств», выросших якобы после распада рабовладельческого государства Чин, когда формирование аппарата единого государства происходило в борьбе против самостоятельности местной знати «маленьких государств». Как полагает Лим Гонсан, в процессе борьбы между силами местной знати (тхохо) за захват земель и зависимого населения правители Пэкче и Силла (сами тхохо) повели военными средствами борьбу с остальными тхохо и превратили их владения в свои округа и уезды (кун и хён), а одинаковая классовая природа тхохо сделала неизбежной их консолидацию в едином государстве.

В своих исследованиях о классовой структуре крестьянства Ким Сокхён, касаясь проблемы возникновения трех государств, исходил из того, что, с одной стороны, государство есть результат разложения первобытнообщинных отношений, но, с другой стороны, оно может возникнуть в ходе завоеваний еще до разложения родовых отношений как у племен-завоевателей, так и у завоеванных¹¹². И он, видимо, полагает, что появление государства возможно без достаточного развития внутренних классовых противоречий, если только имеется возможность покорения или завоевания одним племенем другого. Указывая на факт существования однофамильных селений (тонсон пурак) в период развитого феодализма, Ким Сокхён приходит к заключению, что в более ранний период, «например, в начале трех государств... кровнородственные связи и общинные отношения были еще более прочными», «однофамильные поселения составляли большую часть всех селений», «за исключением поселений перемещенных из дру-

¹¹⁰ См.: Лим Гонсан. Исследование института зависимых общин-пугок в Корее, с. 124—125.

¹¹¹ См.: там же, с. 119—125.

¹¹² См.: Ким Сокхён. Классовая структура корейского крестьянства в период феодализма, с. 105, 241.

гих мест ноби... все села, как правило, должны были состоять из однофамильных родственников»¹¹³. Свою мысль он подытожил в следующих словах: «...если каждый из общинных коллективов, как у завоевателей, так и покоренных, имел и кровнородственную общность, то можно будет говорить и о том, что они были продолжением первобытной общины, что они непосредственно развились из первобытной общины. И тот факт, что сельские общины развились из первобытной общины и вплоть до начального периода трех государств они сохраняли значительную силу, уже хорошо выяснен рядом ученых, и по этому вопросу в нашей науке существует полное единство взглядов. Но невозможно установить, насколько сложным был процесс распада первобытной общины, и какого по длительности срока потребовал он в истории нашей страны»¹¹⁴. Если так обстоит вопрос о распаде родовых отношений, то можно ли считать, что в это время развитие классового общества привело к созданию государства в марксистском смысле этого слова? Ведь фактически остается невыясненной социально-экономическая классовая основа так называемого «классового государства». И тем не менее Ким Сокхён отстаивает правильность традиционной хронологии, касающейся зарождения трех государств, и выступает против сомневающихся в ее точности¹¹⁵.

Между тем хронология ранних частей корейских летописей (вошедших затем в состав «Самгук саги» Ким Бусика) отнюдь не может считаться безупречной. Из тех же летописей известно, что летописание подлинных исторических событий в Когурё и Пэкче началось не ранее второй половины IV в., а в Силла — только в VI в. Следовательно, история более раннего периода представляла последующую реконструкцию, материалом для которой наряду с китайскими историческими сочинениями (определявшими хронологическую канву) послужили устные предания или перемещенные в прошлое (в целях архаизации) факты и представления позднейшего времени. Поэтому можно согласиться с другим утверждением Ким Сокхёна, писавшего: «Конечно, возникает и такое сомнение — может быть, несмотря на то, что в начале трех государств и не существовали такие китайского происхождения термины, как кун, хён и пугок, автор «Самгук саги» произвольно перенес в ранний период термины, которые вошли в употребление трех государств значительно позже»¹¹⁶. Состояние источников не позволяет датировать с большей точностью время утверждения государственности в Корее, поэтому следует иметь

¹¹³ Ким Сокхён. О янбанах. Сборник статей по истории, вып. 3. Пхеньян, 1959, с. 100.

¹¹⁴ Там же, с. 114.

¹¹⁵ См. статью Ким Сокхёна о предисловии к русскому изданию «Истории Кореи», т. I. — «Нодон синмун» (24 июня 1961); «Новая Корея», 1961, № 10; «Екса квахак», 1961, № 3.

¹¹⁶ Ким Сокхён. Классовая структура корейского крестьянства в период феодализма, с. 241.

в виду, что не даты традиционной хронологии должны служить рубежами, характеризующими уровень социально-экономического развития Кореи, а научно определенный этот уровень должен стать основой для решения вопроса о времени установления трех государств.

Восстанавливая первоначальный облик зависимых деревенских общин (пугок), рассматриваемых в качестве специфического явления исторического развития Кореи¹¹⁷, Лим Гонсан обращается к материалам «Саньго чжи», чтобы показать существование во II—III вв. н. э. Махана и Чинхана и входивших в их состав 70 с лишним «государств». Определяя социально-экономический облик этих «маленьких государств», он исходил из предпосылки о давнем существовании здесь классового общества и государства (начиная с предполагаемого рабовладельческого государства Чин). И далее со ссылкой на результаты археологических исследований Лим Гонсан утверждает, что с широким распространением железа (о чем свидетельствуют и данные «Саньго чжи») изменения в производительных силах южных районов Кореи привели к распаду древнего государства Чин и возникновению «малых государств» во главе с местной знатью (тхохо)¹¹⁸. Лим Гонсан предполагает, что с появлением железных орудий возросла возможность подчинения общинами развитых районов общин отсталых районов в качестве зависимого населения, и таким образом началась борьба «малых государств» за расширение своего влияния¹¹⁹. Лим Гонсан полагает, что каждое из 70 с лишним «малых государств» состояло из «столицы» (кукып) и столичного района (пёрып) в центре и нескольких окружающих зависимых общин (ымнак). Ссылаясь на сообщение «Саньго чжи», где туманно говорится, что когда властям надо строить казенные здания или крепости, сгоняют самых сильных молодых людей, которым через кожу спины продевают толстые веревки с привязанными деревянными чурбанами, Лим Гонсан делает вывод: «Если казна обладала такой властью, которая позволяла мобилизовать рабочую силу столь огромных (?) масс, то несомненно следует признать это как факт, показывающий огромную силу, которой обладал вождь (чусу). Хотя и не ясно, какими орудиями располагала «казна», разве не следует считать, что она обладала по крайней мере такими мощными средствами, как регулярные (постоянные) вооруженные силы, позволявшие мобилизовать массы на такие тяжелые работы, как сооружение стен?»¹²⁰. Факт господства вождя (чусу) над «столицей» и периферийными поселениями Лим Гонсан стремится установить на основе сообщений

¹¹⁷ См.: Лим Гонсан. Исследование института зависимых общин-пугок в Корею, с. 102.

¹¹⁸ См.: там же, с. 102.

¹¹⁹ См.: там же, с. 103—104.

¹²⁰ Там же, с. 106.

о «небесном князе» (чхонгун) или жреце, находившемся в особом месте под названием Сото¹²¹. На том основании, что бежавших под защиту духа нельзя было преследовать и вернуть из Сото, Лим Гонсан делает вывод о существовании там хозяйства с применением труда подневольных и об экономической основе «малых государств» (видимо, как рабовладельческой)¹²². Одновременно Лим Гонсан признает сохранение общинных отношений внутри деревень (ымнак), подчиненных «государям» «малых государств», господство которых якобы осуществлялось через местную знать (тхохо) этих общин¹²³.

Вывод Лим Гонсана об уровне социально-экономического развития Кореи в начале новой эры делался не на основе прямых данных «Саньго чжи», а путем ретроспективного рассмотрения института пугок, известного по источникам более позднего времени. Исходя из факта существования системы зависимых деревенских общин, или пугок (население которых находилось в более приниженом в сословном отношении положении, чем крестьяне обычных деревень) в средневековой Корее, а также предполагая их массовое существование в период трех государств и их возникновение в период, описанный в «Саньго чжи», Лим Гонсан считает уже этот период временем развитого классового общества (правда, не давая здесь определения его социально-экономической формации), когда в качестве господствующего класса выступала местная знать (тхохо), сосредоточившая государственную власть в городах (кукьп) и эксплуатировавшая население окружающих деревень, сохранявших первобытнообщинные родовые отношения. Видимо, так представлялся ему рабовладельческий строй, существовавший в Корее того времени.

Переходя к вопросу о возникновении феодализма в Корее, Лим Гонсан считал, что длительное сохранение пережитков рабовладельческих отношений, сказавшееся в широком распространении зависимых общин (население которых в сословном отношении причислялось к категории чхонин, или «подлых») и связанное со сложностью социально-экономического развития в предшествующую эпоху, определило сложность социально-экономических отношений и в период трех государств, поэтому раскрытие положения этих зависимых общин, по его мнению, должно стать важнейшим звеном в выявлении социально-экономической природы этих государств¹²⁴. Считая недостаточным объяснение их происхождения в итоге завоеваний (в работах Пэк Намуна, Ким Сокхёна), Лим Гонсан полагает, что «они (эти общины.— М. П.) являлись исторически неизбежным результатом разрешения про-

¹²¹ См.: там же, с. 108—109.

¹²² См.: там же, с. 110.

¹²³ См.: там же, с. 114.

¹²⁴ См.: Лим Гонсан. Исследование института зависимых общин-пугок в Корее, с. 180.

тиворечий между сохранением старой традиционной (общинной) формы деревень и историческим развитием (отношений зависимости)»¹²⁵.

Периодом зарождения системы зависимых общин (пугок) Лим Гонсан считает I—II вв. н. э., когда в качестве начальной формы ее возникла власть над деревней со стороны знати (кхын-чхи) столиц «малых государств», когда целые деревни попадали под власть местной знати, собиравшей поборы с коллектива общин, связанного круговой ответственностью. Этот вывод основан на предположении Лим Гонсана об эксплуатации населения, попавшего под власть жрецов молельни Сото, хотя нет никаких данных о превращении жрецов (шаманов) в господствующий класс¹²⁶.

Следующим этапом Лим Гонсан считал включение зависимых от местной знати общин в систему политического объединения, созданного тремя государствами, когда «столицы-крепости», бывшие опорой власти местной знати, преобразуются в одну из периферийных крепостей монархического государства, а зависевшие от местной знати деревни, подчиняясь местным крепостям, непосредственно контролируемым единым государством, не могли не попасть под определенный контроль государства¹²⁷. Таким образом, в течение III—V вв., по мнению Лим Гонсана, общины пугок были включены в административную систему крепостей трех государств. Короли (ваны) Пэкче и Силла, сами являвшиеся местными тхохо, захватили в свои руки новые зависимые общины, которые частично эксплуатировались и местной знатью, но и на этом этапе не было достаточного контроля центрального правительства над населением зависимых общин. И только с дальнейшим усилением королевской власти единого государства и полным подчинением местной знати контролю центрального правительства зависимые общины действительно вошли в систему административных округов (кунхён). Это, полагает Лим Гонсан, произошло в VI в., когда в государстве Силла было установлено административное деление на чжу (области во главе с кунджу), кун — большие города и хён — малые города, а в государстве Пэкче управление осуществлялось через пять главных крепостей (обансон — «крепости пяти концов») с подчиненными им большими и малыми городами¹²⁸. И во всех случаях деревни (в том числе и типа пугок) представляли самую низшую единицу в административной системе¹²⁹.

Система зависимых общин, по мнению Лим Гонсана, была порождена сохранением общинных отношений и влияния местной знати. С упадком этой системы вследствие дальнейшего развития

¹²⁵ Там же, с. 162.

¹²⁶ См.: там же, с. 167.

¹²⁷ См.: там же, с. 164.

¹²⁸ См.: там же, с. 146—152.

¹²⁹ См.: там же, с. 166.

производительных сил и кризиса натурального хозяйства местной знати (основывавшегося на патриархальной семье), с возникновением новых форм земельной собственности — индивидуальных крестьянских владений и крупных помещичьих угодий (чонджан местной знати) — Лим Гонсан связывал зарождение феодализма в период трех государств¹³⁰. Не акцентируя внимания на характере способа производства, основанного на эксплуатации зависимых общин, Лим Гонсан ставит лишь вопрос о том, что разложение патриархальной семьи должно рассматриваться как определенный исторический этап в процессе зарождения феодальных отношений, полагая, что в дальнейшем этот вопрос требует особого изучения¹³¹. Основываясь на поздних сведениях о существовании больших семей (например, по 13 с лишним человек на двор, по данным фрагмента подворных списков VIII в. — «Силла чанджок»), он приходит к заключению о повсеместном существовании патриархальных семей и системы зависимых общин в период трех государств и об упадке ее с развитием феодальных отношений¹³².

В монографии по аграрной истории Пак Сихён стремился показать различный путь социально-экономического развития трех государств, каждое из которых отличалось ярко выраженным своеобразием¹³³, причем Когурё и Пэкче, по его мнению, развивались как рабовладельческие государства, а Силла, отставшая от них, сразу же пошла по феодальному пути.

Признав родовой характер первоначальных пяти общин (бу) в Когурё, существование там родового строя Пак Сихён относит к периоду до начала новой эры. Справедливо критикуя автора «Саньго чжи» за толкование на китайский лад званий и рангов Когурё (уподобление их китайской феодальной иерархии), Пак Сихён разъясняет, что здесь аристократические звания (тэга и пр.) обозначали принадлежность к определенным господствующим родовым группам, а не наследственную иерархию, так как даже представители знатных родов, если не занимали официальных постов, должны были обрабатывать землю как простые крестьяне¹³⁴. По данным «Саньго чжи» о поставках покоренными племенами дани, о существовании аристократии, рабов и зависимого населения Пак Сихён приходит к выводу о рабовладельческом характере государства Когурё, о том, что господствующий класс существовал за счет эксплуатации рабов и зависимого населения¹³⁵. По его мнению, много военнопленных превращалось в рабов, но в подтверждение этого он смог привести лишь рас-

¹³⁰ См.: там же, с. 179.

¹³¹ См.: там же.

¹³² См.: там же, с. 176—177.

¹³³ См.: Пак Сихён. История аграрного строя в Корее, с. 3.

¹³⁴ См.: там же, с. 69—70.

¹³⁵ См.: там же, с. 70—73.

сказ о том, как в 179 г. после избрания вана Когулчхона ободенный его старший брат Пальги вместе с га (аристократом) из Сонобу (или Ённобу) поднял «мятеж» и увел несколько десятков тысяч человек из «низших дворов» (хахо). Пак Сихён замечает, что «так или иначе это число включало зависимых от них (т. е. Пальги и соноского га. — М. П.) людей — рабов, частную дружину и пр.¹³⁶. Приведенный рассказ свидетельствует лишь об отсутствии майората при избрании короля (т. е. о сильных элементах первобытной демократии) и о значительной самостоятельности племен (которые свободно уходили из союза Когурё), но не о рабском состоянии хахо (термин, который в данном контексте означал просто рядовых людей племени). Войны и захваты вовсе не обязательно приводили к возникновению хозяйств рабовладельцев. Так, приводимая Пак Сихёном запись из «Самгук саги» (датированная 280 г.) свидетельствует, что после захвата суксинской крепости Талью вождь суксинов был убит, а население из 600 семей было переселено в Очхон, к югу от Пуё, и из этих поселенцев было образовано 6 деревень (со), в «которых они несли свои повинности»¹³⁷.

По сохранившимся источникам трудно судить, было ли рабовладение ведущим экономическим укладом в период до формирования феодальных отношений к Когурё. Равным образом и материалы по истории Пэкче не подтверждают тезиса Пак Сихёна о существовании там рабовладельческой формации.

Объясняя возникновение государства Пэкче, Пак Сихён отмечает, что костяк правящего аристократического класса составили выходцы из Пуё, занимавшие важнейшие посты в столице и в местной администрации. Материальную основу их господства составляло право распоряжаться землей, но не в виде наследственных владений, а на основе привилегий, связанных с присвоенными чинами и должностями¹³⁸. Пак Сихён предполагает возможность освоения новых земель и поселение рабов, считая, что целью частых войн Пэкче мог быть захват пленных в качестве рабов. Хотя имеются сведения, что покоренное во время войн население не обязательно превращалось в рабов. Пак Сихён главное внимание обращает на факты раздачи пленных отдельным военачальникам и делает вывод, что эти пленные становились частными рабами, а остальные пленные могли остаться в качестве государственных рабов. Таким образом, рабы-военнопленные, по мысли Пак Сихёна, служили основным источником пополнения рабочей силы для хозяйств рабовладельцев¹³⁹. Его утверждение, что государственные и частные рабы использовались в сельском хозяйстве и в других сферах производительного труда, остается

¹³⁶ См.: там же, с. 74.

¹³⁷ Там же, с. 80.

¹³⁸ См.: там же, с. 90—95.

¹³⁹ См.: там же, с. 98.

не подкрепленным фактами. Существование крупных рабовладельческих хозяйств Пак Сихён стремится доказать ссылками на сообщения о раздаче чиновникам «кормовых округов» (сикьп), причем расцвет рабовладельческого государства Пэкче он относит ко второй половине IV в. Ослабление этого государства объясняется постепенным ростом крупного землевладения аристократии и разорением свободного крестьянства¹⁴⁰.

Аналогичные социально-экономические процессы, протекавшие в государстве Силла, Пак Сихён, однако, считает началом формирования феодальных отношений, основанных на складывающейся земельной собственности феодалов. Хотя государство появилось в результате развития частной собственности на землю, возникновение государства, как пишет Пак Сихён, в свою очередь, повлекло создание его материальной базы в виде централизованной государственной собственности на землю и соответствующей системы обложения, причем установление государственной собственности не только не мешало, а способствовало росту крупного землевладения (или собственности) родоплеменной знати, приступившей к захвату общинных и частных земель крестьян¹⁴¹. Процесс образования этой государственной собственности Пак Сихён усматривает в фактах завоевания и покорения общиной (племенем) Саро соседних общин и племен («малых государств»)¹⁴². С превращением завоеванных земель в административные округа (кунхён) центральное правительство могло собирать на подвластной территории всевозможные налоги и поборы при содействии зажиточного населения покоренных племен, которое компенсировалось земельными вознаграждениями¹⁴³. Установление государственной собственности на землю, по мнению автора, повлекло и соответствующие формы феодального землевладения (различаются казенные, дворцовые и пожалованные земли). В категории пожалованных земель были «кормовые округа» (сикьп), раздаваемые наиболее привилегированной знати. Начало им положено в 532 г., когда правитель Кымгван Кая добровольно покорился Силла, и его бывшее владение было передано ему в качестве сикьп. Летописи сообщают имена других лиц, которым были пожалованы кормовые надель¹⁴⁴. Отметив, что трудно определить их содержание, Пак Сихён по аналогии с подобными наделями в Китае¹⁴⁵ считает их налоговыми бенефициями. Крупными феодальными землевладельцами стали также буддийские храмы и монастыри, когда в VI в. буддизм был признан официальной религией Силла. Важный источник формирования фео-

¹⁰ См.: там же, с. 100.

¹¹ См.: там же, с. 23.

¹² См.: там же, с. 24—25.

¹³ См.: там же, с. 28—29.

¹⁴ См.: там же, с. 41.

¹⁵ См.: там же, с. 42—44.

дальней собственности на землю Пак Сихён видит и в имущественном расслоении крестьянства и выделении из его среды крупных земельных собственников. Судя по тому, как свободно распоряжались землей (продавали, дарили и т. д.) их владельцы, Пак Сихён приходит к выводу о появлении крестьянской земельной собственности (типа аллода) еще до возникновения государственной власти, подчеркнутая принципиальное значение этого вывода, так как в исторических записях феодальной эпохи, обращавших главное внимание на описание жизни господствующего класса, почти нет сведений об этом землевладении, поэтому исследователи могут упустить из виду этот важнейший фактор в аграрной истории Кореи¹⁴⁶. Имущественное расслоение и зарождение частной собственности у племен, завоеванных государством Силла, Пак Сихён устанавливает на основании сведений о наличии богатей (чхонган и чхонджу) в этих общинах в период после присоединения их к государству Силла¹⁴⁷.

Характеризуя процесс утверждения феодальных отношений в Силла, Пак Сихён не останавливается на точной датировке и не сопоставляет его с процессом зарождения государственной власти, поскольку считает достоверными даты традиционной хронологии, касающейся «основания» государств. При сопоставлении же их с фактами, характеризующими формирование феодальных отношений, нельзя не заметить разрыва, определяемого несколькими столетиями.

В работах Ким Сокхёна зарождение феодальных отношений изучено в связи с процессом становления основных классов корейского феодального общества. При недостаточности источников раннего периода и Ким Сокхён прибегает к дедуктивно-ретроспективному методу сравнения социального строя периода трех государств с институтами последующих периодов (Корё и династии Ли), представленных более подробными данными источников. Сознвая недостатки этого метода, автор все же считает вполне правомерным его применение, потому что в последующей истории феодальной Кореи, как он полагает, происходило лишь дальнейшее развитие тех явлений, которые имели место в трех государствах¹⁴⁸.

Ким Сокхён считает, что в истории Кореи распаду родовых общинных отношений предшествовало создание трех государств. Признавая традиционную датировку их возникновения, Ким Сокхён одновременно считает, что в Силла общины утратили свое внутреннее (кровнородственное) единство и «самостоятельность от государства» примерно в IV—V вв. н. э. И со времени распада первобытной общины, полагает он, не произошло никаких острых и глубоких социальных изменений в истории Кореи вплоть до

¹⁴⁶ См.: там же, с. 59—60.

¹⁴⁷ См.: там же, с. 61—62.

¹⁴⁸ См.: Ким Сокхён. О янбанах, с. 4.

периода династии Ли, «и с начального периода трех государств при постепенном исчезновении общинных и рабовладельческих элементов феодальные элементы в качестве господствующей [социальной] формы получили свое дальнейшее развитие»¹⁴⁹. Ким Сокхён предлагает не связывать вопрос о складывании феодальных отношений с вопросом о возникновении государства, так как и после возникновения его остаются «пережитки» первобытных отношений как у завоевателей, так и у покоренных. Начало развития феодальных отношений или процесс усиленного закрепощения свободного крестьянства он относит ко времени, «когда на Корейском полуострове исчезали племена, находившиеся на стадии разложения общинного строя, и три государства завершили раздел территории полуострова», что соответствует примерно середине VI в., или времени правления силланского вана Чинхына¹⁵⁰. Однако нужно ли считать это время с правления Чинхына или раньше, по мнению Ким Сокхёна, еще нельзя решить, так как пока остается немало невыясненных вопросов¹⁵¹.

Показывая сложную обстановку переходного периода, когда общинные отношения переплетались с элементами рабовладения и крепостной зависимости, Ким Сокхён считает несостоятельными мнения историков, считавших три государства рабовладельческими. Касаясь утверждений, что крепостные и зависимые люди периода трех государств фактически представляли рабов, Ким Сокхён подчеркивает переходный характер этих форм зависимости, отмечая, что «имеется сколько угодно возможностей для того, чтобы такие отношения зависимости не превратились в рабовладельческие отношения, а развились дальше в феодальные и стали господствующими производственными отношениями. И все зависит лишь от того, как пойдет дальнейшее развитие такого общества, поэтому скороспело категорическое заявление, что такого рода отношения зависимости были рабовладельческими»¹⁵². И далее он поясняет, что в условиях «разложения общины, продолжения завоевательных войн и возникновения классового государства», при одновременном существовании патриархального рабства в Корее «зародились феодальные отношения, возникли крепостные и зависимые люди»¹⁵³. Но в отличие от Фессалии или Древней Греции вообще патриархальное рабство в Корее, по его мнению, не смогло вытеснить и не вытеснило других форм отношений зависимости, возникших в тот период. Вместе с тем пережитки рабства (в виде подневольного крестьянства ноби) «еще долго продолжали существовать в корейском феодальном обще-

¹⁴⁹ Там же, с. 115—116.

¹⁵⁰ См.: Ким Сокхён. Классовая структура корейского крестьянства в период феодализма, с. 232, 233.

¹⁵¹ См.: там же.

¹⁵² Там же, с. 242—243.

¹⁵³ Там же, с. 244.

стве вплоть до второй половины XVII в.»¹⁵⁴. Соглашаясь с мнением Ким Кванджина (см. «Ёкса квахак», 1955, № 8), что в Корее I—VI вв. н. э. не было условий для того, чтобы патриархальное рабство могло занять главное место в общественном производстве¹⁵⁵, Ким Сокхён аргументировал это положение тем, что численность патриархальных рабов была незначительна по сравнению с общим числом завоеванного или закрепощенного населения, а рабы, которые были посажены на землю и вели свое хозяйство, уже переставали быть рабами в собственном смысле этого слова. Те, кого в Когурё и Пуё называли рабами («но» или «нобок»), на деле платили подати и имели свое хозяйство, значит, по своей экономической сущности эти «рабы» являлись крепостными, предшественниками крепостных-ноби последующей эпохи¹⁵⁶. Как полагает Ким Сокхён, при господстве мелкого хозяйства не было места для широкого применения рабов, а что касается так называемых больших угодий (тэ нонджан) или «поместий», то они представляли собой отдельные крестьянские общины, превращенные в объект эксплуатации завоевателя, и по существу составляли сумму мелких крестьянских хозяйств¹⁵⁷. Даже так называемые «большие люди» (тэин), владеющие патриархальными рабами, по мнению Ким Сокхёна, имели главным источником своего существования эксплуатацию не раба, а nobi, ведущих свое хозяйство, и зависимого населения завоеванных земель.

Определяя сущность зарождающегося в трех государствах господствующего класса, Ким Сокхён писал, что уже в начальный период трех государств зародилась феодальная аристократия «почти одновременно с патриархальными рабовладельцами и в качестве другой стороны их», причем «главной стороной надо считать ее проявление в качестве феодальной аристократии»¹⁵⁸. А возможность проявления главной стороны этой аристократии (как феодальной) зависела от оформления основного класса феодального общества — класса феодально-зависимого крестьянства, весьма неоднородного по своему происхождению. Само зарождение феодализма в Корее Ким Сокхён видит в процессе возникновения этого класса феодально-зависимых крестьян, круг которых вовсе не ограничивался посаженными на землю подневольными nobi, крепостными. К этому типичному для феодального строя классу Ким Сокхён относит и низшую беднейшую прослойку (т. е. большинство) свободных крестьян, которая, не имея своей земли или имея ее слишком мало, попадала в зависимость от крупных землевладельцев. Появление (под воздействием законов имущественного расслоения) такого низшего слоя крестьян-

¹⁵⁴ Там же.

¹⁵⁵ См.: там же, с. 102.

¹⁵⁶ См.: Ким Сокхён. О янбанах, с. 102—103.

¹⁵⁷ См.: там же, с. 104.

¹⁵⁸ Там же, с. 107.

ства в государстве Силла Ким Сокхён относит к середине VI в., когда в правление вана Чинхына впервые появился сам термин, означающий сословие простолюдинов (янъин, или «добрых людей»), который должен был отличить их от людей «подлого» состояния (рабов, крепостных в зависимых общинах и пр.). Возникновение особого понятия простолюдинов, отмечает Ким Сокхён, свидетельствует о том, что тогда могла существовать такая прослойка разоряющихся свободных крестьян (янъинов), которая цеплялась за это сословное звание для того, чтобы не спуститься до положения подневольных ноби даже в том случае, когда они вынуждены обрабатывать чужую землю¹⁵⁹. Типичный класс феодально-зависимых крестьян, таким образом, формировался и из числа несвободных людей «подлого» состояния и из лично свободных простолюдинов, составлявших большинство крестьян и основное податное сословие в феодальной Корее (обязанное нести поземельные, подворные и подушные повинности). В абсолютном и относительном росте этого класса Ким Сокхён видит развитие феодального строя в Корее, причем если процесс его формирования в государстве Силла начался около середины VI в., то в государствах Когурё и Пэкче он мог начаться примерно на два столетия раньше¹⁶⁰.

Таким образом, в крупных исследовательских работах, опубликованных в КНДР в 50—60-х гг., выявилось стремление отнести начало феодального периода в Корее ко временам существования трех государств (Когурё, Пэкче и Силла). Период рабовладельческого строя стали относить к более раннему времени, связывая с такими политическими образованиями, как Древний Чосон, Пуё и Чин, рассматриваемыми в качестве рабовладельческих государств¹⁶¹.

Развитие марксистской историографии по проблемам истории Кореи не могло не оказать влияния и на буржуазную националистическую историографию Южной Кореи, в которой, очевидно, получают признание некоторые важнейшие категории исторического материализма, такие, как понятия о социально-экономической формации, базисе и надстройке и пр. Об этом свидетельствуют, в частности, и призывы отказаться от старого династийного принципа периодизации истории и признание в истории Кореи докапиталистического времени рабовладельческого и феодального периодов, причем начало феодального периода связывается с государствами Когурё, Пэкче и Силла, а рабовладельческий этап — с Пуё и Маханом (Чин)¹⁶².

¹⁵⁹ См.: Ким Сокхён. Классовая структура корейского крестьянства в период феодализма, с. 245—246.

¹⁶⁰ См.: там же, с. 229.

¹⁶¹ Чосон тхонса (История Кореи), т. I. Пхеньян, 1962, с. 41—61.

¹⁶² См.: Ким Самсу. Хангук сахве кёндже са (Социально-экономическая история Кореи).— В кн.: Хангук мунхва са тэге (История корейской культуры), т. II. Сеул, 1965, с. 542.

Хотя крайняя ограниченность информации не позволяет судить обо всем разнообразии направлений националистической историографии Южной Кореи, все же можно отметить некоторые важные идеологические тенденции. В целях самоутверждения националистическая историография стала отвергать ряд положений японской колонизаторской историографии, отрицавшей самостоятельный характер (чучхесон) корейской истории с присущими ей законами внутреннего развития, а также приспособлять понятия исторического материализма и марксистской историографии к достижению антикоммунистических целей. Отдельные недостатки предшествующей марксистской историографии по Корее используются для общей дискредитации материалистического понимания истории путем апелляции к «современному уровню» и «достижениям» науки. «При современном уровне науки, — заявляет историк Ким Самсу, — вопрос о том, как следует относиться к материалистическому пониманию истории, является таким, мимо которого не может пройти легко никто из занимающихся изучением истории, так как нельзя оставлять в науке неликвидированными пережитки фантазий материалистического понимания истории»¹⁶³. Отдельные ошибочные или недостаточно аргументированные положения корейских историков марксистского направления в их первых попытках трактовки сложных проблем корейской истории используются для того, чтобы посеять сомнения в правильности материалистического понимания истории. Вместе с тем делаются попытки эклектически сочетать отдельные марксистские понятия (социально-экономические категории) с идеологией буржуазного национализма. Эти тенденции характеризуют происходящие в последнее время сдвиги в буржуазно-националистической историографии Южной Кореи, в которой националистические подделки под марксизм вытесняют исторические теории недавнего прошлого. Так, например, распространявшиеся в течение долгого времени в Южной Корее исторические воззрения Чхве Намсона находились в прямой зависимости от концепции японских колонизаторов о единстве исторического пути Кореи и Маньчжурии. Еще в 1940 г. Чхве Намсон развивал тезис о коренной противоположности исторического развития Запада и Востока и пытался сформулировать характерные для них закономерности исторических путей. Закономерностью истории Запада он считал противоречие и борьбу между идеями героизма и либерализма, их взаимопроникновение и смену. Закономерность истории Востока он видел в противоречиях и борьбе между народами севера и юга, равно как их взаимопроникновение и смену. При трактовке истории Китая как части истории Востока живучесть китайской культуры, по его мнению, объяснялась тем, что она все время освежалась за счет пополнений от северных народов, подобно тому

¹⁶³ Ким Самсу. Указ. соч., с. 566.

как вливающиеся свежие ручьи не давали гнить стоячему водоему¹⁶⁴. Идеалистическое объяснение истории Запада Чхве Намсон сочетал с географо-геополитической трактовкой истории Востока вообще и истории Кореи в частности. Поскольку эта концепция преследовала те же цели, что и аналогичные геополитические теории колонизаторской историографии о судьбах Кореи, она не могла не встретить возражений в националистической корейской буржуазной историографии после освобождения страны.

Начались поиски иных, всеобъемлющих принципов исторического развития Кореи. Один из крупных историков Кореи националистического направления Ли Бёндо в работе «Национальная история и ведущий принцип» писал: «Каковы были идеи (или ведущий принцип), которые играли направляющую роль или господствовали в прошлом нашей реальной жизни, т. е. в социальной, государственной и культурной областях? Или каковы были те высшие принципы, которые непрерывно господствовали в прошлой нашей жизни? На основе многолетнего изучения их с позиций исторической и общественных наук я прихожу к заключению, что к ним можно отнести идеи и дух коллективизма (кооперации) и согласия, возникшие в результате общинной жизни с самой глубокой древности. Идеи коллективизма (кооперации) и согласия явились первоначальным принципом нашей жизни, повлекшим за собой зарождение и развитие нашей культуры в области политики, религии, этики и морали, экономики и пр., и, только слившись и соединившись с ними, иностранные идеи и культуры выявили свою многокрасочность»¹⁶⁵. Попытка идеализировать докапиталистическую старину и превратить порожденные ею идеи и обычаи в «ведущие принципы» или движущую силу национальной истории встречает критические возражения в исторических работах последнего времени, авторы которых более откровенно выступают поборниками капиталистического «прогресса» в Корею. Так, один из них, историк-экономист Ким Самсу заявляет, что «экономические закономерности возможны «только в капиталистическом обществе» и совершенно «невозможны в докапиталистических обществах»¹⁶⁶, отрицая тем самым существование общих закономерностей развития человеческого общества. При этом основное внимание уделяется борьбе против марксистской историографии. Причем эта борьба ведется под флагом усовершенствования материалистического понимания истории, преодоления догматизма. По его мнению, тридцать лет изучения истории Кореи сторонниками марксизма сплошь характеризуются «отсутствием фактического обоснования, вызванным эпохой догматизма мате-

¹⁶⁴ См.: там же, с. 568.

¹⁶⁵ Ли Бёндо. Кукса ва чидо ринём (Национальная история и ведущий принцип). Сеул, 1955, с. 63—64. Цит. по: Хангук мунхваса тэге, т. II, с. 569.

¹⁶⁶ Ким Самсу. Указ. соч., с. 728.

риалистического понимания истории»¹⁶⁷. Рассмотрев работы представителей историко-материалистической школы в изучении истории Кореи (Пэк Намуна, Пак Кычхэ, Ли Букмана и Чон Соктама), Ким Самсу заявляет, что им не удалось выяснить в истории Кореи проявления общих закономерностей развития истории человечества, так как в их работах, по его мнению, была произведена механическая подтасовка фактов в схему исторического материализма без глубокого изучения диалектических противоречий исторического процесса и взаимосвязи между базисом и надстройкой¹⁶⁸. Считая еще не утвердившимся понимание истории Кореи с позиций исторического материализма¹⁶⁹, он предлагает свою собственную периодизацию ранней истории Кореи, в которой явно чувствуется националистическое рвение представить как можно древнее историю корейской государственности. Он недоволен не только Пэк Намуном, относившим к рубежу новой эры возникновение трех государств в результате разложения первобытнообщинных отношений у корейских племен. Он считает недостаточно древними традиционные даты возникновения трех государств, приводимые корейскими летописями («Самгук саги» и др.). С ссылкой на авторов «Хангук са» (т. I) (История Кореи) — Ким Джэвона и Ли Бёндо Ким Самсу утверждает, что государство Когурё возникло в IV в. до н. э., Пэкче — во II в. до н. э. и Силла в I в. до н. э.¹⁷⁰ Отвергая все доводы и факты, приводимые Пэк Намуном для характеристики первобытного родового общества в Корею к началу новой эры, Ким Самсу полагает, что к тому времени в Корею уже существовало развитое классовое общество¹⁷¹. При этом он совершенно игнорирует необходимость критики источников феодального времени, когда составители летописей при характеристике первобытного периода (например, в ранних частях «Самгук саги») исходили из понятий и представлений людей давно сложившегося классового общества, поэтому могли искаженно трактовать сущность общественных отношений и институтов отдаленного прошлого, часто применяя к ним привычные для себя понятия. Когда Пэк Намун стремится выявить в писаниях феодальных авторов ряд черт первобытнообщинного строя, Ким Самсу объявляет это догматической подгонкой фактического материала под известные общие экономические категории. Он пишет: «Нетрудно понять, что исторические факты, известные нам по сохранившимся древним письменным памятникам, не позволяют делать такие выводы, к каким приходит господин Пэк Намун, что на современном этапе невозможно восстановить весь облик первобытнообщинного строя в Корею на

¹⁶⁷ Там же, с. 582.

¹⁶⁸ См.: там же, с. 582—584.

¹⁶⁹ См.: там же, с. 582.

¹⁷⁰ См.: там же, с. 588.

¹⁷¹ См.: там же, с. 594—598.

основе только исторических записей без дальнейших, более обширных археологических, антропологических, этнографических и мифологических (фольклорных) исследований, касающихся процессов возвышения или упадка различных народностей Китая, Маньчжурии и Монголии. Иными словами, можно было бы сказать, что основу теоретических построений господина Пэк [Намуна] составляет злоупотребление выводами сравнительной экономической истории и догадками, вызванными невозможностью обрисовать корейскую первобытную общину по имеющимся историческим источникам». Он обвиняет Пэк Намуна в «ошибочном понимании исторических источников», «расширительном толковании источников частного характера», в «неправильном представлении периодизации» и т. д.¹⁷² Он обвиняет в аналогичных недостатках и Ли Чхонвона, считая неубедительной сделанную им попытку обрисовать основные черты первобытнообщинного строя в Корее. Выступая против тезиса представителей историко-материалистической школы о первобытнообщинном характере корейского общества в начальный период «трех государств» (т. е. в самом начале новой эры), Ким Самсу все же не в состоянии отрицать фактического материала, характеризующего первобытнообщинные отношения (на стадии их разложения), поэтому вынужден особо отметить, что во всякую эпоху следует различать «элементы предшествующего и последующего периодов», «отсталое и передовое», что вместо этого сторонники первобытнообщинной концепции «строят периодизацию путем чрезмерного преувеличения роли остаточных явлений (перезитков) предшествующей эпохи, игнорируя содержание (новой) прогрессивной эпохи»¹⁷³. По его мнению, сильные элементы кровнородственных общин могли сохраняться и в рабовладельческую и в феодальную эпоху, поэтому исходя из фактов их существования нельзя пренебрегать новым «прогрессивным качеством» и все сводить только к первобытности, так как таким образом нельзя построить правильную периодизацию истории¹⁷⁴. Эти рассуждения служат Ким Самсу для обоснования его собственной периодизации ранней истории Кореи, которая также является гипотетической. По его мнению, существование первобытного общества следует отнести к периоду за 8—12 вв. до начала новой эры. Поскольку об этом периоде ничего неизвестно по данным письменных источников, Ким Самсу связывает надежды на его выяснение с успехами археологии. Весь последующий период корейской истории вплоть до II—III в. н. э., известный по письменным источникам, он считает временем рабовладельческого строя, во II—III вв. сменившегося феодальным обществом, ростки которого появились в недрах рабовладельче-

¹⁷² Там же, с. 601.

¹⁷³ Там же, с. 606.

¹⁷⁴ См.: там же, с. 606.

ского общества уже около I в. н. э.¹⁷⁵. Но эта периодизация не имеет твердого фактического обоснования не только в первой части, касающейся первобытности, поскольку затруднительна и характеристика рабовладельческого строя. Учитывая неудачи Пэк Намуна в попытках выявить в Корее рабовладельческий строй развитого классического типа, Ким Самсу придерживается идеи о существовании в Корее рабовладельческого строя особой, восточной разновидности, при котором основной эксплуатируемый класс представляли домашние или патриархальные рабы, а развитие рабства всячески сдерживалось устойчивостью общинных отношений¹⁷⁶. Со ссылками на работы Макса Вебера¹⁷⁷ и А. И. Тюменева¹⁷⁸ Ким Самсу утверждает, что домашнее и патриархальное рабство вполне может (наравне с классическим) служить основой рабовладельческого строя, при котором даже эксплуатация лично свободного населения (например, дань с покоренного населения)¹⁷⁹ носила характер рабовладельческой эксплуатации. Исходя из такого представления о рабовладельческом строе, время его существования в Корее Ким Самсу относил не к периоду трех государств (Когурё, Пэкче и Силла), а к предшествовавшей им эпохе Пуё и трех Хан, рассматриваемых им в качестве рабовладельческих государств¹⁸⁰.

В этой периодизации не удалось обосновать фактическое различие классовой структуры общества рабовладельческого (Пуё) и феодального (Когурё), хотя основная масса эксплуатируемого населения (хахо) в первом случае отнесена к рабской категории, а во втором — к категории феодально зависимого населения¹⁸¹. Никак не определено отличие так называемой «азиатской общины» от кровнородственной общины доклассовой формации.

Чтобы доказать существование рабовладельческого строя в III—II вв. до н. э. в древнем «государстве Чин» (Махан), Ким Самсу вынужден описание «трех Хан» в «Саньго чжи» (в сочинении III в. н. э.) считать относящимся к III—II вв. до н. э.¹⁸², но это утверждение не подкреплено никакими убедительными источниковедческими доводами, поэтому носит произвольный характер, равно как истолкование отдельных фактов из этих описаний. Факты, явно говорящие о первобытных обрядах (напр., инициации) и примитивном укладе жизни, Ким Самсу старается использовать как «свидетельства упадка рабского труда», существования устойчивого классового деления в обществе и т. д.¹⁸³.

¹⁷⁵ См.: там же, с. 606—607.

¹⁷⁶ См.: там же, с. 611—612.

¹⁷⁷ Weber M. Agrarverhältnisse in Altertum. S. 20.

¹⁷⁸ См.: Тюменев А. И. Передний Восток и античность. — «Вопросы истории», 1957, № 6, 9.

¹⁷⁹ См.: Ким Самсу. Указ. соч., с. 612—613.

¹⁸⁰ См.: там же, с. 612.

¹⁸¹ См.: там же, с. 613, 618, 620.

¹⁸² См.: там же, с. 623—624.

¹⁸³ См.: там же, с. 626—628.

Нет твердого обоснования Ким Самсу и в третьей части периодизации — при определении начала феодализма в Корее. Если в одном случае, как отмечалось выше, он говорит об утверждении феодализма во II—III вв. н. э. (а ростки его появились уже в I в. н. э.), то в другой связи возникновение феодализма датировал второй половиной IV и первой половиной V в., когда появился ростовщический капитал буддийских монастырей. При этом весь период трех государств он характеризовал как феодальный, следуя за выводами Ким Сокхёна, считавшего, что к VI в. н. э. завершился период формирования феодализма в Корее¹⁸⁴. Что касается дискуссионного вопроса о характере феодальной собственности на землю в Корее, Ким Самсу решительно отвергает представление о существовании в феодальной Корее государственной собственности на землю и категорически поддерживает тезис о частной собственности на землю как решающем факторе исторического развития в феодальный период¹⁸⁵.

Как можно заметить, общей тенденцией современной корейской историографии стало рассмотрение периода трех государств как феодального, хотя существует немало различий как в датировке времени возникновения этих государств, так и процесса формирования феодализма (не говоря уже о характеристике предшествующей формации.)

Проблемы научной периодизации ранней истории Кореи только недавно стали предметом изучения в советской историографии. В отличие от других отраслей советского востоковедения корееведение не располагало сколько-нибудь значительным наследием старого русского востоковедения. Из этого наследия для изучения ранней истории Кореи наибольшее значение имеет изданный в 1851 г. труд знаменитого русского синолога Н. Я. Бичурина (Иакинфа), содержащий переводы китайских источников (из династийных историй) о положении обитателей Корейского полуострова с III—II вв. до н. э. до IX в. нашей эры. Эта первая европейская работа по ранней истории Кореи не утратила своего значения вплоть до наших дней. Переиздание ее в 1950 г.¹⁸⁶ служит лишь признанием ее огромной ценности и спустя целое столетие. Никто из востоковедов в дальнейшем не предпринимал подобной работы по последующим периодам корейской истории. Сама эта подготовительная работа не служила в течение долгого времени и основой для проблемных исследований. Даже в весьма капитальном трехтомном «Описании Кореи»¹⁸⁷, содержащем весьма полный свод разнообразных сведений о современной Ко-

¹⁸⁴ См.: там же, с. 564.

¹⁸⁵ См.: Ким Самсу. Указ. соч., с. 729.

¹⁸⁶ См.: Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I—III. М.—Л., 1950. (Раздел о Маньчжурии, Корее и Японии, т. II, с. 7—137).

¹⁸⁷ Описание Кореи. Спб., 1900.

рее, «Краткий очерк истории Кореи» (написанный Н. В. Кюнером) представлял в целом компиляцию, не ставившую таких задач, как научная периодизация истории. Хотя в освещении ранней истории Кореи и содержатся элементы критического подхода к легендарной традиции (например, сомнения в историчности Киджа, которого корейцы тогда признавали основателем древнейшего своего государства)¹⁸⁸, очерк по своей концепции мало отличался от таких буржуазных работ, как распространенная тогда книга В. Э. Гриффиса¹⁸⁹, в которой история Кореи рассматривалась преимущественно в связи с ее отношениями с соседями — Китаем, Японией и др. Целевое назначение «Описания Кореи» как служебного издания министерства финансов (игравшего важную роль в проведении империалистической политики на Дальнем Востоке), а равно влияние идеологических предрассудков иностранной буржуазной литературы, вероятно, обусловили некоторые существенные недостатки названного «Краткого очерка истории Кореи», освещавшего историю Кореи под углом зрения ее отношений с другими государствами, особенно с Китаем и Японией, для которых Корея, по мнению автора, «постоянно являлась яблоком раздора»¹⁹⁰. Преувеличение роли внешних факторов в истории Кореи, например, представления, будто «политическая история Корейского полуострова с IV в. и вплоть до X столетия представляет собой ряд попыток Китая утвердить здесь свое влияние и идущие рука об руку со вторжениями китайцев междоусобные войны между Когурё, Силла и Пэкче, границы коих то и дело изменялись в зависимости от военного счастья»¹⁹¹, помешало автору очерка даже поставить вопрос о существовании закономерностей внутренней истории Кореи или этапах ее развития.

При всех недостатках этот «Краткий очерк истории Кореи» долгое время (и в советские годы) оставался единственной на русском языке общей работой, знакомящей с фактической историей Кореи с древнейших времен. Основные положения этой работы повторил Н. В. Кюнер в статье «Корея» (БСЭ), которая начинается с констатации, что «история Кореи до настоящего времени не изучена»¹⁹². В очерке не только не были подняты социально-экономические проблемы истории Кореи, но и еще более гипертрофически была представлена роль внешних влияний, особенно Китая. Вопреки фактам, утверждалось, что с китайскими истоками было связано появление ранних корейских государств Когурё, Пэкче и Силла¹⁹³, что выходцам из Бохая было обязано

¹⁸⁸ Описание Кореи. (Краткое переиздание). М., 1960, с. 26.

¹⁸⁹ Griffis W. E. *Corea the Hermit Nation*. N. Y., 1882.

¹⁹⁰ Описание Кореи, с. 25.

¹⁹¹ Там же, с. 29.

¹⁹² БСЭ, т. 34. М., 1937, с. 282.

¹⁹³ Там же.

падение Силла и возвышение Корё¹⁹⁴ и т. д. Сознание огромных недостатков существующей литературы, очевидно, побудило Н. В. Кюнера заняться изучением первоисточников по истории корейцев и других народов Азии¹⁹⁵. Рукописное наследие этого крупнейшего востоковеда, остающееся в значительной части неопубликованным, свидетельствует о том, что еще в 30-е гг. он подошел или подошел к марксистскому изучению ранней и средневековой истории Кореи. В «Кратком очерке истории Кореи периода средневековья», написанном, очевидно, в конце 30-х гг., Н. В. Кюнер четко сформулировал свою точку зрения по проблемам периодизации, дав заглавие начальному разделу своего очерка «Разложение первобытнообщинных отношений и переход к феодализму»¹⁹⁶. Автор пришел к важным выводам о социальной эволюции племен, населявших Корейский полуостров в первые века новой эры. Он писал: «Исследования китайских и корейских источников показывают, что процесс разложения первобытнообщинных отношений у корейских племен, начавшись на грани нашей эры с известными вариациями у различных родоплеменных союзов на севере и юге, закончился в основном к II—IV вв.»¹⁹⁷. Поскольку эти труды Н. В. Кюнера оставались неизданными, они не могли оказать какого-либо влияния на дискуссии по проблемам периодизации истории и социально-экономического строя ранних корейских государств. Но так или иначе в целом работы Н. В. Кюнера послужили тем отправным пунктом, откуда следующие советские историки начали дальнейшую научную разработку истории Кореи раннего периода. Несомненно и то, что они послужили фактической основой для первых общеисторических очерков, входивших в работы, посвященные современным проблемам Кореи после освобождения от колониального ига. Конечно, в период после освобождения Кореи советские авторы могли опираться и на труды корейских историков, руководствующихся марксистской методологией. Однако немногочисленные советские историки, занявшиеся изучением Кореи, не сразу смогли начать исследовательскую работу даже по важнейшим направлениям и проблемам истории Кореи. Задачи популяризации среди широких масс знаний о братском народе освобожденной Советской Армией Кореи значительно опережали возможности всестороннего научного изучения проблем истории Кореи, поэтому попытки обобщенного освещения ее многовекового исторического пути не обходи-

¹⁹⁴ Там же, с. 283.

¹⁹⁵ В 30-е гг. Н. В. Кюнер написал большое исследование, дополнившее работу Н. Я. Бичурина «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». Многолетняя работа Н. В. Кюнера увидела свет только после смерти автора. См.: Кюнер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М., 1961.

¹⁹⁶ См.: Зенина Л. В. Историко-библиографические материалы Н. В. Кюнера.— В кн.: Вопросы истории стран Азии. Л., 1965, с. 82.

¹⁹⁷ Там же, с. 82—83.

лись без пробелов. Несмотря на трудности, связанные с недостатком информации и предшествующего опыта в изучении Кореи, советские историки прилагали большие усилия, чтобы на основе марксистской методологии осмыслить все доступные фактические материалы по истории Кореи. В первом коллективном труде о Корейской Народно-Демократической Республике авторы «Исторического очерка» писали, что «основным содержанием истории Кореи в первые века нашей эры являлась окончательная ломка первобытнообщинных отношений, формирование классов и обострение классовой борьбы, сопровождавшиеся развитием... племенных союзов в государства и распространением их власти на всю территорию полуострова»¹⁹⁸. Разумеется, они не ставили задач точного определения времени формирования ранних государств или их социально-экономической сущности. К постановке таких вопросов подошли лишь авторы соответствующих разделов «Всемирной истории», в которых, однако, как нам кажется, непомерно много говорилось о внешнем влиянии на процессы социально-экономического развития корейского населения. Во втором томе «Всемирной истории» указывается: «Постоянный приток новых переселенцев из Китая, бежавших, по выражению китайских хроник, от «горькой службы», а также тесные связи с Китаем способствовали быстрому разложению родового строя у племен Кореи и появлению самостоятельных государств. Уже в I в. до н. э. на территории Кореи образовались три крупных племенных союза. В восточной части полуострова на месте прежних Чинхан и Пёнхан появился племенной союз Силла, в западной части полуострова на месте Махан — Пэкче, в Северной Кореи и Юго-Восточной Маньчжурии — Когурё. Из этих племенных союзов в III—IV вв. выросли государства, сохранившие те же названия»¹⁹⁹. В третьем томе «Всемирной истории» пояснялось: «Когурё, образовавшееся в 313 г. из древнего племенного союза, занимало северную часть полуострова и прилегающие части южной Маньчжурии; Пэкче, возникшее в 346 г., — юго-западную; Силла, образовавшаяся в 356 г., — юго-восточную. Северная часть полуострова неоднократно попадала под власть Китая. В ней издавна жило многочисленное китайское население, вышедшее из северных областей Китая. Юг полуострова, отделенный от Японии узким проливом, постоянно подвергался набегам японцев, которые в IV в. даже закрепились на южной оконечности полуострова, образовав там свое владение, названное ими Мимана»²⁰⁰. Конечно, не может не поразить попытка определить время возникновения государств с точностью до года. А обилие сведений о внешних влияниях серьезно преувеличивало их истинную роль в истории Кореи. Обоснованием развития феодальных отношений слу-

¹⁹⁸ Корейская Народно-Демократическая Республика. М., 1954, с. 31.

¹⁹⁹ Всемирная история, т. 2. М., 1956, с. 577—578.

²⁰⁰ Всемирная история, т. 3. М., 1957, с. 47.

жила гипотеза о существовании в трех государствах наделной системы²⁰¹, еще не везде подтвержденной историческими источниками. Для периодизации ранней истории Кореи кажется более важным вывод о том, что с объединением большей части Корейского полуострова под властью государства Силла произошло «окончательное утверждение феодальных отношений»²⁰².

Трудности, возникшие при работе над этими обобщающими трудами советских историков, побудили и автора настоящего издания прежде всего заняться исследованием проблем социально-экономического развития Кореи в ранний период. В качестве первого шага было предпринято изучение вопроса о социально-экономической сущности государства Силла. Длительный период формирования государственности в Силла завершился в первой половине VI в., и характер социально-экономических отношений, судя по составу основной массы непосредственных производителей и формам их эксплуатации, определен как складывающиеся феодальные отношения, «которые получили дальнейшее развитие после объединения страны в конце VII в.»²⁰³. В дальнейшем были сформулированы выводы о возникновении трех государств. Относительно Когурё было сказано, что хотя «о времени формирования государства Когурё существуют различные мнения среди корейских исследователей... можно предположить, что процесс этот завершился в III—IV вв.». К этому же времени было отнесено формирование государства Пэкче. Учитывая данные корейских летописей о формировании государственных институтов и соответствующей общественным переменам новой идеологии (буддизма), можно утверждать, что «несколько позже, в V—VI вв. в результате окончательного разложения первобытнообщинных отношений среди племен юго-восточной части Кореи сложилось государство Силла»²⁰⁴. Подчеркивая, что вопрос о социально-экономической сущности трех государств относится к числу нерешенных в науке, отмечалось, что государственная организация этого периода выступала в качестве силы, активно утверждающей феодальную собственность на землю, так как после превращения целых общин в зависимое население, обязанное платить налоги и нести повинности в пользу государства как верховного собственника земли, оно занималось также раздачей ее отдельным представителям господствующего класса, например, в форме кормовых наделов — сикып²⁰⁵. Важным этапом в становлении феодального способа производства в Корее считалось объединение страны государством Силла, когда получили завершение социально-эко-

²⁰¹ Там же, с. 47, 49.

²⁰² Там же, с. 50.

²⁰³ П а к М. Н. О характере социально-экономических отношений в государстве Силла (III—VI вв.). — «Вопросы истории», 1956, № 7, с. 65.

²⁰⁴ История стран Зарубежного Востока в средние века. М., 1957, с. 41.

²⁰⁵ Там же, с. 42.

номические процессы, наметившиеся в трех государствах. В то время «развитие феодальных отношений происходило на базе государственной собственности на землю. Большую часть общегосударственного земельного фонда составляли мелкие земельные участки (наделы), находившиеся в держании крестьян, обязанных за пользование ими платить ренту-налог и нести барщину в пользу государства», причем одновременно росло и крупное (частное) феодальное землевладение чиновной и военной знати, а также буддийских монастырей²⁰⁶. По нашему мнению, рост крупного землевладения подготовил и последующее политическое раздробление государства Силла (феодальную раздробленность). Исследования основного корейского письменного памятника по истории данного периода²⁰⁷, а также другие работы²⁰⁸ подтверждают этот вывод.

При трактовке социально-экономических проблем и периодизации ранней истории Кореи советские историки привлекали не только письменные источники, но также и археологические и этнографические материалы. Систематическое обобщение археологического материала, относящегося к характеристике хозяйства, социальных отношений и культуры корейского населения с древнейших времен до периода трех государств осуществлено в работе М. В. Воробьева, который пришел к выводу, что «археологический материал, который мог бы оказать большую помощь при решении этого вопроса, невелик и плохо разработан», и в то же время «основной недостаток письменных источников... заключается в отсутствии экономической и хозяйственной документации. Поэтому этих материалов недостаточно для окончательного решения вопроса о социально-экономическом строе трех государств»²⁰⁹. Точка зрения М. В. Воробьева сводилась к следующему: «Ни в китайских, ни в корейских источниках нет указаний на использование рабов в производстве. Если труд их и применялся, то, по-видимому, в очень ограниченных масштабах. Патриархальное

²⁰⁶ Там же, с. 45.

²⁰⁷ См.: Ким Бусик. Самгук саги. М., 1959.

²⁰⁸ См.: Пак М. Н. Корейская историография о характере социально-экономического строя Кореи в период трех государств.— В кн.: Труды XXV международного конгресса востоковедов. 9—16 августа 1960, т. V. М., 1963, с. 246—252; он же. Предисловие к книге «История Кореи», т. I. М., 1960, с. 5—28; он же. Описание корейских племен начала нашей эры (по «Саньго чжи»).— «Проблемы востоковедения», 1961, № 1, с. 115—138; Он же. Корея в раннее средневековье.— В кн.: История стран Азии и Африки в средние века. М., 1968, с. 37—44; он же. О возникновении и утверждении феодализма в Корее (Некоторые проблемы современной корейской историографии).— В кн.: Историография стран Востока. Проблемы социально-экономической истории феодализма в странах Востока. М., 1969, с. 222—305; он же. К периодизации ранней истории Кореи.— В кн.: «Историография стран Востока». М., 1977, с. 77—119.

²⁰⁹ Воробьев М. В. Древняя Корея. Историко-археологический очерк. М., 1961, с. 126.

рабство было распространено, но оно не определяло характер производственных отношений»²¹⁰. Возникновение государственности, по археологической периодизации, автор связывал с концом раннего железного века²¹¹, при этом подчеркивал, что «создание государственности — длительный процесс», который «начался еще в Древнем Чосоне²¹², т. е. в III в. до н. э., но был прерван иноземным вторжением. На рубеже новой эры он был подхвачен тремя наиболее развитыми племенами. В течение нескольких веков осуществлялось государственное строительство, которое закончилось полностью, по-видимому, только к V—VI вв. установлением ряда государственных институтов»²¹³.

Представляет интерес попытка Р. Ш. Джарылгасиновой решить важнейшие проблемы ранней истории Когурё путем сопоставления данных письменных источников с позднейшими этнографическими материалами о корейцах²¹⁴, хотя это исследование и не исчерпывает всех возможностей сравнительно-этнографического изучения сведений письменных источников о древнем населении Корейского полуострова. Интересующие нас проблемы периодизации истории Когурё рассмотрены ею по данным письменных (китайских и корейских) источников. Процесс складывания государства Когурё выясняется путем анализа материалов о распаде родо-племенных связей и замене их территориальными, зарождении классов и классовой борьбы, оформлении органов публичной власти. В результате выявляется созревание к III в. н. э. в недрах когурёского общества новых явлений, чуждых родовому строю. «Захват когурёсцами к III—IV вв. большой территории, покорение многих племен, переселение части когурёсцев на равнину Чхончхонгана, а затем Тэдонгана вели к дальнейшему нарушению родовых связей и замене их территориальными»²¹⁵, — пишет Р. Ш. Джарылгасинова. Знаменательным в этой связи признается перенесение столицы Когурё в район современного Пхеньяна (в 427 г.). Такие факты, как обнаружение законов и внедрение буддизма в IV в., появление регулярных войск, служат основанием для вывода, что «III—IV вв. были временем формирования и создания централизованного Когурёского государства»²¹⁶. По вопросу о характере социально-экономических отношений в Когурё Р. Ш. Джарылгасинова пишет, что не выяснена роль рабского труда в производстве, что основную массу эксплуатируемого населения составляли так называемые хахо — мелкие крестьяне, что в про-

²¹⁰ Там же.

²¹¹ Там же, с. 124.

²¹² См. там же, с. 126.

²¹³ Там же, с. 127.

²¹⁴ Джарылгасинова Р. Ш. Когурёсцы (Историко-этнографическое исследование). — В кн.: Восточно-Азиатский этнографический сборник, II. М., 1961, с. 176—216.

²¹⁵ Там же, с. 206.

²¹⁶ Там же, с. 207.

цессе захватнических войн складывалась государственная собственность на землю (в итоге присвоения владений целых общин), которая по своему содержанию носила феодальный характер, поскольку формой ее реализации служила эксплуатация зависимого крестьянства (хахо)²¹⁷. Рассматривая государственную собственность как промежуточную форму к складыванию частной земельной собственности крупных феодалов, Р. Ш. Джарылгасинова делает вывод: «Все эти факты свидетельствуют о том, что Когурё развивалось как феодальное государство. Высокий уровень производительных сил, решающая роль земледелия, устойчивость традиций общинного строя, близость феодального Китая создали те условия, в которых когурёсцы смогли перейти от первобытно-общинного строя прямо к феодализму»²¹⁸. Дальнейшему обоснованию этих положений посвящена книга Р. Ш. Джарылгасиновой²¹⁹.

Таким образом, в 60—70-х гг. советские историки подошли к детальному марксистскому изучению ряда проблем ранней истории Кореи и к определению ее научной периодизации. Разумеется, еще предстоит сделать очень многое для полного изучения всей историографии и исследования разнообразных источников, чтобы взяться за решение сложных проблем, связанных с выяснением процессов формирования феодального строя в Корее и социально-экономических условий того общества, в котором появились ростки феодальных отношений. Серьезным препятствием к этому служит, конечно, недостаток фактических сведений социально-экономического характера в сохранившихся письменных источниках. Но причиной разногласий среди историков (даже принадлежащих к одному направлению) служит также отсутствие однозначного понимания некоторых методологических проблем, касающихся, например, характеристики рабовладельческой формации. Так же как и в истории ряда других стран, в ранней истории Кореи в теоретическом и методологическом отношении очень важно уточнить характеристику общества, только что вышедшего или выходящего из первобытнообщинного строя, но уже расправшегося на эксплуататоров и эксплуатируемых и приобретшего некоторые государственные черты, несмотря на сохранение и институтов родового строя. Основные разногласия в среде историков-марксистов связаны именно с пониманием характера социально-экономических отношений и политического строя этого периода. С этим связана и проблема датировки времени формирования ранних корейских государств.

²¹⁷ См.: там же, с. 209—210.

²¹⁸ Там же, с. 210.

²¹⁹ Джарылгасинова Р. Ш. Древние когурёсцы. М., 1972.

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ
ТРЕХ ГОСУДАРСТВ —
КОГУРЁ, ПЭКЧЕ И СИЛЛА.
ЗАРОЖДЕНИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Процесс возникновения феодализма, равно как и время появления феодальной государственности в Корее, относится к трудным и недостаточно выясненным проблемам корейской истории. Изучение их тесно связано с определением времени складывания и социально-экономической природы трех государств (Когурё, Пэкче и Силла). Трудность проблемы вызвана прежде всего недостатком письменных источников, содержащих скудные сведения и порой весьма искаженные представления о действительности, вызванные заблуждениями или высокомерием иностранцев (китайских авторов) или модернизацией прошлого. Отрывочность и противоречивость фактических данных, различия в мировоззрениях историков породили множество точек зрения на характер социально-экономической природы и время возникновения ранних корейских государств.

Разложение первобытнообщинного строя и формирование классового общества и государства в Корее — весьма длительный исторический процесс, в котором сказывались и неодинаковый уровень социально-экономического развития корейских племен, и воздействие соседних народов. Так, например, вмешательство китайских завоевателей и купцов в жизнь независимых корейских племен ускорило разрушение первобытного уклада жизни, способствовало распространению письменности, религиозных идей и политических институтов. Вместе с тем борьба против иноплеменных (китайских) захватчиков способствовала более быстрой консолидации многочисленных родо-племенных групп Кореи в военно-политические союзы, развившиеся затем и в государственные образования.

Для выяснения путей формирования ранних корейских государств необходимо хотя бы вкратце познакомиться с положением племен и народностей, вошедших в их состав или повлиявших на их становление. Судя по упоминаниям китайских авторов, они были известны китайцам с глубокой древности, однако подробное описание их относится лишь к первым векам новой эры, когда

шла стремительная их политическая консолидация в борьбе за ликвидацию находившихся в северо-западной части Корейского полуострова китайских округов Лолана и Дайфана (как известно, вопрос об их местонахождении также является спорным).

КОРЕЙСКИЕ ПЛЕМЕНА В ПЕРВЫЕ ВЕКА НОВОЙ ЭРЫ

В китайских исторических хрониках они были описаны под общим названием восточных варваров (дун-и), занимавших не только Корейский полуостров, но и сопредельную территорию Восточно-Азиатского материка. Наиболее детальным из ранних китайских известий о корейском населении является «Описание восточных варваров» (Дун-и чжуань) в династийной истории «Саньго чжи» («Описание трех государств», история государства Вэй), составленной во второй половине III в. н. э. по материалам, собранным вэйскими войсками, которые в 246 г. захватили главный город Когурё, а затем через земли корейских племен прошли до побережья Восточного (Японского) моря. Это описание впервые дает конкретную картину расположения и социально-экономического развития корейских племен и по количеству фактического материала превосходит более ранние известия китайских династийных историй («Ши цзи», «Хань шу»). Несмотря на отдельные искажения, обусловленные предвзятыми представлениями китайского автора, это описание при правильном сочетании с данными позднейших корейских летописей и других источников дает ключ к пониманию важных процессов ранней истории Кореи, позволяя судить об этническом составе, об уровне социально-экономического развития, политическом положении и культуре племен и народов, населявших Корею и соседние земли¹.

К общей ветви емэжских племен (Е и Мэк), с которыми связано происхождение корейского населения, принадлежал и народ Пуё (Фуюй), занимавший в начале новой эры равнинную территорию к северу от китайского округа Сюаньту (Хэнтхо), примерно в районе современного Нунань—Чанчунь в Северо-Восточном Китае. В пространстве 2 тыс. ли проживало около 80 тыс. дворов (семей). Занимались они земледелием и скотоводством. В Китай ввозили лошадей, яшму, соболиный и другие меха, крупный жемчуг. Здесь уже существовали «дворцы, склады, тюрьмы», а также «городские укрепления». Социальные различия были видны и по внешнему облику населения. Преобладала белая одежда, но «большие люди» (знать) подбивали свои халаты дорогими ме-

¹ Все цитаты и ссылки на описание корейских племен в «Саньго чжи» (Дунь-и чжуань) даются (без подробных указаний на страницы) по тексту перевода. («Проблемы востоковедения», 1961, № 1, с. 8—38).

хами, а головные уборы украшали золотом и серебром. Правители страной кунван («государь») и га (аристократия), носившие титулы с названием домашних животных: мага («га» лошади), уга (крупного рогатого скота), чега (свиньи), куга (собаки) и пр. Окраинами (четырьмя концами) правили га, под властью которых были от нескольких тысяч (у больших) до нескольких сот дворов (у меньших). Умершего правителя хоронили в яшмовом гробу (который заблаговременно заказывали у китайцев), и делали ему человеческие жертвоприношения (до ста человек). Простой народ назывался хахо («низшие дворы») и, как сообщает китайский автор, находился на положении рабов (нобок). При появлении неприятеля «все га воюют сами, а хахо поставляют им продовольствие и кормят их». Уже наметилось классовое расслоение общества. За кражу полагалось двенадцатикратное возмещение. Убийцы подлежали смертной казни, а их семьи превращались в рабов. Полностью утвердилось бесправие женщины. Вероятно, существовали калым и многоженство, судя по тому, что ревнивых жен убивали, а их родные могли получить останки лишь прислав взамен быков и лошадей. Если умирал старший брат, младший женился на его вдове.

Несмотря на интенсивное развитие классового общества, все еще сохранялись отдельные институты времен родового строя. Главный правитель (ван) был по происхождению вождем, совмещавшим когда-то и функции колдуна («повелителя дождей»). В «Саньго чжи» прямо указывается: «По старинному пуёскому обычаю, если случались наводнения или засуха, не созрели хлеба (пять хлебов), то вину за это возлагали на вана, которому тогда предлагали или немедленно отречься или покончить с собой». И в описываемое время (III в. н. э.) сохранялась выборность вана (не существовало порядка наследования этой должности), оставался такой атрибут периода военной демократии, как народное собрание Енго (приурочиваемое к религиозному празднику), которое рассматривало судебные тяжбы и освобождало заключенных.

К югу от Пуё в пространстве 2000 ли располагалось Когурё с населением 30 000 дворов. По преданиям, люди Когурё обособились от племени Пуё. У них было много общего в языке и обычаях. Они принадлежали к общей группе мэжских племен. Обитавшие по Большой реке (совр. Амноккан) назывались большереченскими мэжцами, а мэжцы по Малой реке (Хуньцзян — сев. приток Амноккана, теперь р. Тунцзя) — малореченскими. Одними из первых они развернули борьбу против округов Ханьской династии, причем возглавили ее малореченские мэжцы, объединившие затем и остальные племена. Непрерывные нападения мэжцев вынудили китайских завоевателей неоднократно передвигать административный центр округа Сюаньту из района Амноккана далеко на запад (сначала в район совр. Синцзина, а затем в район Мушуня), пытаться умиротворить соседние со своими округами пле-

мена путем присвоения их вождям титулов князей (ван, ху), посылая им соответствующие печати и парадные одеяния. Уже в I в. до н. э. вождь малореченских мэкцев (или гурё) имел титул вана. На этом основании некоторые историки склонны утверждать о существовании государства, но источники говорят лишь о начале консолидации родо-племенных групп. По «Саньго чжи», у малореченских мэкцев было пять таких групп или племен (Чок): Ённо (или Соно в другом написании), Чольло, Сунно, Кванно и Керу, сыгравшие важную роль в создании государства Когурё и положившие затем начало его основным территориальным округам. Сначала ведущая роль в союзе племен принадлежала Ённо (Соно), которое выдвигало ванов, но, как сообщает «Саньго чжи», «оно постепенно ослабело и теперь (в описываемое время) его сменило [племя] Керу». Корейская легендарная традиция об основании государства Когурё пришельцем с севера Чумоном (Чхумо, Тонмён), сохранившаяся в эпиграфике и в летописях, по мнению ряда исследователей, отражает этот факт перехода гегемонии в союзе мэкских племен от Ённо (Соно) к Керу, которое впоследствии носило фамилию Ко. В корейских источниках нет прямых указаний на существование только пяти родовых групп или племен, но в названиях «государств», объединенных Чумоном, можно встретить сходство с названиями пяти племен, упоминаемых в китайских источниках. Так, в легенде о захвате Чумоном «государства Пирю» у князя Соняна угадывается факт утраты гегемонии Соно (причем в легенде родовое название могло превратиться в личное имя), точно так же как упоминаемые в корейских летописях «государства» Кванна и Чена соответствуют Кванно и Чольло из «Саньго чжи». Дата «основания государства» Когурё легендарным Чумоном (37 г. до н. э. по корейским летописям) может приблизительно соответствовать времени смены старшинства Соно (Ённо) гегемонией Керу, которое в корейских летописях именуется Хольбоном или Чольбоном. Конечно, переход гегемонии от одной родо-племенной группы к другой еще не может служить свидетельством существования государственности.

Упоминание в китайских источниках факта присвоения китайских титулов местным вождям (или заимствования их последними) также не может служить убедительным свидетельством существования государства, если не учитывать всех сторон социально-экономического развития общества, где встречались эти титулы (ван — «князь», сан — «министр» и пр.). Автор «Саньго чжи» сообщал, что в Когурё «имеется ван, а чинами... являются санга, тэро, пхэчжа, кочхуга, чубо, утхэ, сын, сачжа, чоы, сонин, каждый из которых соответствовал определенной степени, выражающей старшинство или подчиненное положение», причем «чины устанавливаются так, что если есть тэро, то нет пхэчжа, а если назначен пхэчжа, то нет тэро». Из приведенного неясно, были ли это названия должностей или действительно представляли чинов-

ные ранги, поскольку выясняется, что, например, звание кочхуга вовсе не было чином, а служило обозначением принадлежности к главенствующим родо-племенным группам Керу, Ённо (Соно) и Чольло. И другие звания связывались с отдельными общинами, поэтому можно предположить определенную связь этих «чинов» с должностными званиями в отдельных племенах или родо-общинных группах. Титул вана принадлежал вождю союза родственных племен, который избирался их старейшинами или аристократией (га). Это, правда, не умаляло его верховную власть над ними, судя по тому, что ему сообщались имена дружинников или слуг (чоы, сонин), находившихся в подчинении у отдельных га. Представители ванского рода и аристократия ведущих племен превращалась в эксплуататорский правящий класс, уже не занимавшийся производительным трудом, а ведавший лишь делами в политической, военной и религиозной сфере. Как отмечается в «Саньго чжи», «большие дома в центре страны не обрабатывают полей, более десяти тысяч человек живут в праздности (буквально: «сидят и едят»), а низшие двory (хахо) издалика приносят им и поставляют хлеба (зерновые), рыбу и соль». Однако не было больших (государственных) складов, а кладовые под названием пугён существовали в каждом доме. Богачи одевались в шелка и парчу, украшали себя золотом и серебром. По форме головных уборов различали степень знатности. В ведении знати находились и религиозные обряды (жертвоприношения духам).

Несмотря на далеко зашедший процесс классового расслоения в Когурё, все еще сохранялись и определенные институты родового строя.

Так, ежегодно, в 10-м месяце к празднику жертвоприношений Небу и духам в центре страны устраивалось народное собрание — Тонмэн, на которое стекались люди со всех концов. Во время многодневных собраний и пиршеств, надо полагать, решались и важные общие дела, касавшиеся, например, войны и мира. Тюрем здесь еще не было, а судебные решения о преступниках выносило совещание старейшин (га), по приговору которых убийц предавали смерти, а семьи таких преступников превращались в рабов (ноби). В нравах и обычаях народа Когурё также можно найти следы родового строя. Сообщение китайского автора, что «обычав (в Когурё) развратны», следует, вероятно, понимать в том смысле, что там сохранялись те или иные пережитки группового брака. Напоминанием о временах некогда существовавшего матрилокального родового строя служит свадебный обычай в Когурё, по которому молодой муж должен был жить с женой в доме ее родителей (в специальном «домике для зятя») до тех пор, пока не родится и не вырастет сын. И только тогда он мог взять в свой дом жену и сына.

Разложение родового строя и классовое расслоение когурёского общества (мэкских племен) шло в ходе многочисленных войн против соседних племен и китайских округов. Нападения на окру-

ги Ляодун и Сюаньту стали особенно интенсивными на рубеже I-II вв., при ване Гуне, который в корейских летописях называется Тхэчжо, или ваном-основателем. Борьба против китайских округов продолжалась и после падения Ханьской (поздней) династии в III в. Вытесняя китайское влияние, когурёские правители подчинили своему господству и сделали зависимыми (данниками) соседние племена Окчо и Е.

Земля Окчо, находившаяся к востоку от Когурё, в «Саньго чжи» получила название Восточного Окчо (подобным же образом и Е названо Восточным Е). Она простиралась вдоль побережья Восточного моря, сплюснутая с запада на восток, продолговатая с севера на юг, где она граничила с землями Е. Окчо и Е находились в пределах территории современных провинций Северной и Южной Хамгён. Окчо и Е принадлежали к эмэкским племенам, поэтому у них было много общего с Пуё и Когурё в языке, пище, жилье, одежде и в обычаях. Сообщается, что с образованием четырех ханьских округов (после завоевания Древнего Чосона) Окчо и Восточное Е входили в состав округа Имдун (Линьтун), а с ликвидацией его — в число 7 уездов восточной половины (бу, управляемой специальным администратором — дувэем) округа Лолан. В 30 г. была упразднена эта административная единица, и вожди местных общин получили ханьские титулы уездных князей (ху), а общины стали называться княжествами (хугук). Окчо, составлявший уезд Пуджо среди бывших семи уездов, находился в районе современного Хамгына, а к северу на расстоянии 800 ли простиралось Северное Окчо, граничившее с племенами Ымну (Илоу). Около 56 г. н. э. Окчо попало в зависимость от Когурё.

В описываемое в «Саньго чжи» время Окчо занимало пространство в 1000 ли и насчитывало 5000 дворов. У них не было одного общего правителя, и из поколения в поколение селениями (общинами) правили старейшины (самно). Основным занятием населения было земледелие, мало разводили крупного рогатого скота и лошадей. По замечаниям китайского автора, люди здесь отличались «прямотой характера, силой и храбростью», «сражаются пешими, ловко владея копьем». Зависимость от Когурё, видимо, не разрушила местных институтов родового строя, но старейшины обязаны были собирать и поставлять дань. Люди Окчо, сообщает «Саньго чжи», «за тысячу ли должны поставлять мэкские (пеньковые) холсты, рыбу, соль и другие морские съедобные продукты, а также отправлять красивых девушек, которых (в Когурё) превращают в наложниц и обращаются с ними как с рабами (нобок)». В свадебных и похоронных обычаях здесь были свои особенности. В отличие от Когурё здесь девочки (с 10 лет) воспитывались в доме своего будущего мужа и перед замужеством на короткое время возвращались к своим родителям. Хоронили в больших семейных деревянных круглых гробах (саркофагах), куда клали истлевшие (после временного погребения) останки, маленькие деревянные изображения покойников и сосуд, напол-

ненный рисом. По рассказам окочосцев, далеко к востоку от них на острове (очевидно, совр. Уллындо) жили люди, которые говорили на ином языке и совершали для духа моря человеческие жертвоприношения — в седьмом месяце топили в море молодую девушку.

Земля Е, граничившая на юге с Чинханом, стала зависимой от Когурё, около конца II в. н. э. В описываемое в «Саньго чжи» время население составляло 20 тыс. дворов. Отдельными общинами (селениями) управляли старейшины (самно, ыпкун), которые иногда имели присвоенные китайцами княжеские титулы (ху). Эта родовая аристократия уже выделялась от общей массы населения, называвшейся низшими дворами. Но родовая общинная организация, видимо, еще сохраняла свою силу. Отмечается, что между однофамильными (т. е. лицами общего родового происхождения) не заключают браков, что «горы и реки разделены на участки», т. е. на владения отдельных общин, и «не разрешается вторгаться в чужой участок». И если на этой или иной почве «случается ссора одного селения с другим, то в качестве наказания (для нарушителя) установлен штраф людьми (рабами?), крупным рогатым скотом и лошадьми, и это наказание называется чхэхва («ответ за беду», т. е. нанесенный вред)». Праздник поклонения Небу (в десятом месяце) назывался Мучхон («танцы Небу») и отмечался большим народным собранием, на котором, вероятно, обсуждались и важные дела. По сообщению китайского автора, убийца здесь наказывался смертью. Вооружением служили длинные (в 3 чжан) копыя, и «иногда в пешем бою их могут держать вместе несколько человек». Далее отмечается, что «по характеру люди добродушны, не жадны и очень совестливы, чем непохожи на людей Когурё», они «жемчуг и яшму не ценят как сокровища». О первобытных религиозных представлениях свидетельствует поклонение тигру как духу (тотему). О видах на будущие урожаи гадали по небесным светилам.

Основным занятием населения было земледелие. Разводили также тутовые деревья и шелковичных червей, производили пеньковые и шелковые ткани. Предметами вывоза в Китай служили крепкие луки из каменной березы (дан), шкуры морских зверей и маленькие лошади местной породы — квахама («лошади, проходящие под фруктовыми деревьями»). Так называемая зависимость от Когурё, вероятно, не носила какого-то постоянного или абсолютного характера, судя по тому, что отдельные ёские старейшины (например, из Пульла) самостоятельно поддерживали отношения с китайскими округами и получали даже титул вана.

Таким образом, опираясь на описания в «Саньго чжи», можно прийти к заключению о том, что в это время среди корейских (емэкских) племен в северной части страны процесс разложения первобытнообщинного строя привел к возникновению классов в обществе, хотя далеко еще не прекратилось функционирование институтов родового строя, причем эти институты все более пере-

рождались в свою противоположность, служба в руках имущих и влиятельных элементов орудием угнетения и эксплуатации не только соседних племен, но и своих сородичей. Если аристократия Когурё зависимых племен превращалась в господствующий класс, то основная масса общинников, причисляемая в общую категорию бедняков, все больше попадала в условия, приближающие ее к положению рабов или крепостных. Эта общая тенденция была характерна и для племен и общин, населявших южную часть Корейского полуострова.

Согласно «Саньго чжи» и «Хоухань шу» в южной части Корейского полуострова, т. е. к югу от устья р. Ханган, находились три рода объединений: Махан, Чинхан и Пёнчин (или Пёнхан), в которые входило «78 государств (стран)», занимающих пространство в 4 тыс. ли, ограниченное с запада и востока морем. «Все они, — утверждают китайские авторы, — в древности составляли государство Чин», причем самым большим из них был Махан, который выдвигает «чинского вана», правящего «государством Мокчи» (или Вольчи по «Саньго чжи»). Это нагромождение «государств», которые едва ли соответствовали смыслу употребляемой терминологии, явно нуждается в расшифровке. Поскольку по уровню социально-экономического развития (о чем пойдет речь несколько позднее) так называемые «государства» представляли, вероятно, родо-племенные группы или их союзы, нет возможности говорить ни о существовании монархической власти, ни о государстве в нашем понимании этого слова. В таком случае «чинский ван» (чин ван) мог быть только вождем союза племен или родообщинных групп, оставаясь одновременно старейшиной общины Мокчи (Вольчи). Вероятно, что лингвистические «чин ван» («чинский ван») представлял иное написание слова «синчжи» (или «чинчжи»), означавшего крупного старейшину или вождя, причем «чин» в данном случае означал «большой», а «чжи» (чхи) — человек, должностное лицо. Отсюда трудно представить себе существование какого-то единого или централизованного «государства Чин» (чин гук) в древности, поэтому и слова «чин гук» лучше переводить как «чинские государства» (государства «чинов»), имея в виду совокупность родоплеменных групп или общин во главе со своими старейшинами — «синчжи», или «чинчжи». Но в период, описанный в «Саньго чжи», уже несомненно существовал политический союз, возглавляемый вождем с титулом чинвана.

Составляет также проблему и определение месторасположения Махана, Чинхана и Пёнчина, взаимоотношений между ними, а равно и количества входивших в их состав общин. В «Хоухань шу» по этому поводу сказано: «Махан, находящийся на западе, имеет 54 государства и граничит на севере с Лоланом, а на юге — с Вэ (Японией); Чинхан, находящийся на востоке, имеет 12 государств и соприкасается на севере с Емэком (Восточные Е); Пёнчин, находящийся к югу от Чинхана, также имеет 12 госу-

дарств и на юге граничит с Вэ. Всего насчитывается 78 государств, одним из которых является Пэкче». Особое выделение Пэкче объяснялось тем, что ко времени составления «Хоухань шу» Фань Юем (V в. н. э.) это государство объединило под своей властью общины Чинхана и Махана. Исследованиями корейских ученых (прежде всего Ли Бёндю) доказывается ошибочность приведенных китайских сообщений о количестве общин в Махане, Чинхане и Пёнхане, а также об их географическом расположении. Ошибочность сообщения о существовании «12 государств» в Чинхане (связанная с отнесением его в число 24 пёнчинских общин, половину которых должны составить чинханские), доказывается тем, что после военного столкновения с китайским государством Вэй только число отторгнутых чинханских общин достигло нескольких десятков. Поэтому делается вывод, что в числе 50 с лишним «государств» Хана, названных автором «Саньго чжи», значились и чинханские и маханские общины, потому что они были объединены вместе по политическому признаку как входящие в один союз, возглавляемый чинским ваном (правителем общины Мокчи в Махане)². Географическое положение Махана и Чинхана определяется границей по р. Унчхон (совр. Ансончхон), к югу от которой находились общины Махана (на территории совр. провинций Чхунчхон и Чолла), а к северу от нее — общины Чинхана (на территории совр. Кёнги и Канвон). Такое расположение их доказывается еще и тем, что по сравнению с Чинханом маханские и пёнчинские общины состояли из более ранних пришельцев с севера и поэтому расположились к югу от чинханцев, которые позднее поселились на более северных землях, первоначально входивших в маханские владения. В этих маханских и чинханских общинах большие «государства» насчитывали по 10 с лишним тыс. дворов, а маленькие — по несколько тысяч дворов, и всего в 50 с лишним «государствах» было более 100 тыс. дворов (семей). Источником ошибочного утверждения китайских авторов о том, что «[люди] Пёнчина жили вперемежку с [людьми] Чинхана»; считается то, что около половины пёнчинских общин в своем названии имело приставку «пёнчинский», что должно было служить для особого обозначения общин Пёнчина или Пёнхана, отличающихся от Чинхана. Однако, по мнению корейских исследователей, эта приставка не имела отношения к названию Чинхан, а подчеркивала лишь независимость от чинского вана, возглавлявшего особый союз племен, судя по китайским сообщениям, что «12 государств из них (т. е. пёнчинских) зависят от чинского вана». Те общины (с приставкой «пёнчинский»), которые не имели отношений к чинскому вану, согласно этим же данным имели своего общего правителя или вождя (вана). Таким образом, из

² См.: Ли Бёндю, Ким Джэвон. Хангукса (История Кореи), т. I. Сеул, 1967, с. 289—290.

25 общин (а не 24, как указывают китайские авторы) Пёнчина 12 находились в зависимости от чинского вана, а 13 образовали самостоятельный политический союз³. И этот союз возник примерно в конце правления поздней Ханьской династии Китая (к II в.), когда Куя (Кая) и другие общины установили самостоятельные связи с китайскими округами Лоланом и Дайфаном. Впоследствии с ослаблением союза под главенством чинского вана и эти общины образовали самостоятельный политический союз. Согласно китайским описаниям, в 20 с лишним «государствах» (общинах) Пёнчина насчитывалось всего 40—50 тыс. дворов (по 4—5 тыс. в крупных и по 6—7 сот семей в маленьких). Но 20 с лишним «государств» не исчерпывали всех общин этого района, «еще имеются и маленькие округа». Это подтверждается и корейскими и японскими источниками. «Самгук саги» называет не упоминаемые в китайских источниках «государства»: Саболь, Таболь, Ымджипполь, Сильчик, Апток, Сомун, Чхопхаль, Кульболь, Пхосанпхаль, Усан. И в японских летописях встречаются такие названия «государств», как Чада, Китхам и ряд других⁴.

Для суждений об уровне социально-экономического развития населения трех Хань необходимо обратиться к сведениям, характеризующим состояние их производительных сил, хозяйства и идеологии. Основным занятием населения во всех трех Хань являлось земледелие. Здесь выращивали все основные зерновые культуры, тутовые деревья, разводили шелковичных червей, выделяли шелковые и пеньковые ткани. Разводили также крупный рогатый скот и лошадей, которые, как отмечалось в источниках, шли на жертвоприношения после смерти их владельцев. В земледелии преобладали суходольные поля, но уже начали строить водохранилища и другие оросительные сооружения, появилась культура риса. Окаменелые рисовые зерна, найденные в раковинных кучах в Кимхэ, датируются I в. н. э. Для прогресса производительных сил важное значение имело применение железа. Согласно «Саньго чжи» производимое в Пёнчине железо вывозилось в Махан, Е, Японию и китайские округа Лолан и Дайфан. Судя по тому, что железо заменяло деньги при обмене, оно, видимо, еще было очень дорогим и редким, а потому, может быть, не получило широкого распространения как материал для изготовления сельскохозяйственных орудий.

Во всяком случае достигнутый прогресс в развитии производительных сил, культурные контакты и военная борьба с китайскими завоевателями и пришельцами, особенно развитие торговых отношений между отдельными общинами, а также с китайцами и японцами немало способствовали разложению первобытнообщинного строя, развитию частной собственности и классовому

³ См.: там же, с. 291—292.

⁴ См.: там же, с. 298.

расслоению населения южной части Корейского полуострова. Хотя по сравнению с северными районами здесь эти процессы шли медленнее, борьба с китайскими завоевателями ускорила консолидацию родо-племенных групп в более крупные политические объединения, как союз чинханско-маханских общин во главе с чинским ваном. Политическая консолидация в течение второй половины II в. настолько укрепила ханьские общины, что обеспокоенные этими процессами китайские завоеватели в конце II — начале III в. создали на северной границе ханьских земель административный округ Дайфан, с целью прямого захвата ханьских общин или желая добиться признания китайского верховенства, чтобы обеспечить дальнейшее продолжение устойчивых торговых и политических связей. В целях распространения китайского влияния власти этого округа раздавали вождям (синчжи, хомчхик, понье, сальхэ, ыпчха) местных общих трех Хань китайские звания удельных князей (ыпкун и пр.) и удельных начальников (ыпчжан) вместе с соответствующими печатями и форменными парадными одеяниями. В процессе общения местных вождей с китайскими округами усиливалась тяга их к роскоши, стремление к обособлению от остальной массы рядового населения, что усиливало наметившееся классовое расслоение. Местная родо-племенная знать уже отличалась знанием китайского этикета, употреблением китайской одежды и других предметов. В описании Махана автор «Саньго чжи» сообщает, что «только людей, имеющих свои парадные одеяния и головные уборы и пользующихся собственными печатями, насчитывается более тысячи человек», что даже хахо, приезжающие в окружной центр, «наряжаются в одеяния и головные уборы, взятые у других взаймы». Имеются также сведения, что некоторые из представителей местной знати переходили на службу к китайским завоевателям (например, некие Ёмсацхи и Сомаси в I в. н. э.). Но китайское влияние коснулось сначала лишь незначительного меньшинства и не могло подорвать повсюду устоев первобытнообщинного строя, особенно в районах, удаленных от китайских округов. Именно поэтому автор «Саньго чжи» отмечал, что общины («государства») Хана, «находящиеся на севере, по соседству с (китайскими) округами», «имеют некоторое понятие о правилах приличия» (т. е. знакомы с китайским этикетом), однако отдаленные же места якобы «напоминают скопище преступного люда или рабов». Китайский автор говорил об отсутствии китайских церемоний среди населения, где царил еще первобытная простота нравов; преобладала простая одежда (из холста) и простая обувь. «Здесь не ценят ни золота с серебром, ни парчи и вышивок», хотя «очень дорожат жемчугом как сокровищем», «ким украшают одежду, делают ожерелье для ношения на шее, а также серьги для ушей» («Саньго чжи»). Хотя и нет прямых указаний в источниках, можно предположить, что в сельских общинах еще существовала коллективная собственность на землю и коллективная обработка ее. Из огромной массы

сельских поселений не успели еще выделиться города, хотя не исключена возможность существования городов как крепостей (для обороны). Сведения на этот счет противоречивы. В описании Махана сказано, что его население живет в селениях между горами и морем и там «нет укрепленных городов», но одновременно сообщается о существовании укрепленных городов или полос в Чинхане и Пёнчине. О первобытном укладе жизни ханьцев можно судить по сообщению о том, что «в обычае людей Хань мало установлений, и хотя имеется главный вождь (чусу) в центре государства (страны), селения их разбросаны в беспорядке, поэтому он (вождь) не может управлять ими как следует». Об образе жизни в селениях сообщается: «Здесь нет в обычае и коленопреклонений. Жилье делают в виде шалашей и землянок, напоминающих по форме могилы с входной дверью наверху. В них вместе живут всей семьей, не делая различия между старшими и младшими, между мужчинами и женщинами». Возможно, к более позднему времени относится сообщение «Вэй люэ», что в Пёнчине «дома строят путем поперечного расположения в несколько рядов бревен» (наверно, в виде сруба). При похоронах не делали саркофагов (наружных гробов), ограничиваясь простыми гробами.

Из приведенных сведений видно, что существование главного вождя (чинского вана) не ограничивало самостоятельность отдельных родо-племенных групп и общин. В этих общинах (или «маленьких государствах» по терминологии китайских авторов) наряду с вождем или старейшиной существовал шаман, ведавший жертвоприношениями Небу и называвшийся чхонгун («князь Неба»). В его распоряжение выделялось особое место под названием Сото, «где стоит большое дерево, на которое вывешивают колокольчики и барабаны, чтобы звать к духам». Убежавшие сюда пользовались защитой от преследователей. Первоначально, очевидно, поклонялись дереву, а затем оно стало символическим посредником для общения с духами. Кроме этих фактов, для характеристики уровня социально-экономического развития ханских общин принципиальное значение имеет правильное понимание следующего места из описания Хан в «Саньго чжи»: «Когда возникает надобность произвести какие-либо работы в центре государства или властям потребуется возвести укрепления, то собирают сильных и здоровых молодых людей, которым пробивают отверстия в коже спины и продевают толстую веревку и привязывают кусок дерева длиной в сажень (чжан) и в течение целого дня побуждают усиленно работать, и те, кто, не жалуясь на боль, выполнит всю поручаемую работу, признаются здоровыми». Это место из «Саньго чжи» вызвало разные объяснения в исторической литературе. Одни историки склонны в приведенном рассказе видеть пример жестокого обращения с рабами, а другие — первобытный обряд инициации (испытания) молодых людей, переходящих в разряд взрослых мужчин. Наконец, третьи вообще отри-

дают возможность факта продевания через живую ткань веревки, к которой привязывался бы кусок дерева, и полагают, что в своем рассказе китайский автор допустил ошибку и так представил применение на строительных работах известного в Корее деревянного приспособления для ношения тяжестей (чиге), который обычно прикреплялся к спине перетянутыми через плечи веревками⁵. Для некоторых историков приведенный рассказ послужил основанием для вывода о существовании не только рабовладения, но и государственной власти, ведавшей строительством укрепленных городов. Однако при сопоставлении с другими фактами, говорящими о первобытном укладе жизни, анимистических религиозных представлениях, об обычае татуировки и пр., в этом описании можно усмотреть первобытный обряд инициации молодых людей, который китайским автором представлен в виде принудительных работ, организованных государственными властями. Между тем в приведенном описании некоторые детали полностью совпадают с обрядом инициации, сохранившимся до недавнего времени у некоторых индейских племен Северной Америки. У шеванезов при посвящении юношей во взрослых воинов колдун (шаман) пробивал ножом отверстие в коже груди испытываемых, продевал через них кожаные ремешки и привязывал к тотемному дереву, а те резкими движениями разрывали свою кожу, отрываясь от привязи к тотемному дереву⁶. Такие этнографические параллели позволяют говорить о сохранении в ханьских общинах институтов родового строя, о том, что процессы классового расслоения еще не привели к установлению государственности, несмотря на отдельные факты появления рабов. Нехватка фактических деталей не дает возможности судить о степени разложения первобытнообщинного строя, изменявшегося с развитием новых производительных сил.

На распад первобытнообщинных отношений в Махане, Чинхане и Пёнхане определенное влияние оказали китайские завоеватели, борьба с которыми ускоряла политическую консолидацию племен. К этому времени относятся и оживленные связи пёнчинских общин с японскими островами, где существовали многочисленные родо-племенные объединения или «маленькие государства». Надменные китайские завоеватели рассматривали их, так же как и корейские «государства», в качестве своих «вассалов» или «подданных», если только они поддерживали какие-то отношения с китайцами. Между тем уже в I в. н. э. некоторые пёнчинские общины (Куя и др.) выступали посредниками в торговых и культурных связях между китайцами и населением японских островов, о чем можно судить по сообщениям китайских источников («Саньго чжи») и мифам, вошедшим в ранние японские истори-

⁵ См.: там же, с. 311—312.

⁶ См.: Сат-ок. Земля соленых скал.— «Юность», 1960, № 11, с. 77—78.

ческие хроники («Кодзики» и «Нихон сёки»). Не только мифологические предания, но и памятники материальной культуры на территории Японии свидетельствуют о поселении пёнчинского населения в Японии. В мифических именах отдельных пришельцев в Японию из соседней Кореи (напр., Сонакасити или Цунугаарасити) прослеживаются топонимы или названия должностных лиц (синджи) пёнчинского происхождения.

С полным разложением первобытнообщинного строя среди населения северной и южной части Корейского полуострова было связано возникновение и утверждение трех государств — Когурё, Пэкче и Силла. На смену многочисленным племенам и общинным объединениям пришли эти три государства, которые к V—VI вв., полностью разделив территорию Корейского полуострова, вступили в борьбу между собой за утверждение своего господства во всей Корее.

УТВЕРЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА В КОГУРЁ

Отсутствие в исторических источниках датированных сведений, характеризующих переход от родовой организации общества к делению населения по территориальному принципу, затрудняет точное определение времени возникновения каждого из трех государств, поэтому в исторической литературе нет единого мнения по этому вопросу. Существующие различия в трактовке этой проблемы объясняются также различным пониманием историками самой категории государства (в зависимости от их мировоззрения) и связанным с этим разным истолкованием известных исторических фактов. Не ставя задачи какого-либо категорического решения этой сложной проблемы, в дальнейшем изложении попытаемся представить конкретную картину становления каждого из трех государств.

Государство Когурё выросло в результате разложения первобытнообщинного строя у когурёских (или, как назывались первоначально, гурёских) и сопредельных племен, когда старая родовая организация пяти коренных когурёских общин (племен?) превратилась в территориальную державу для господства как над своими сородичами, так и над иноплеменным населением в интересах нового имущего класса, сложившегося главным образом из родо-племенной знати Когурё, но допустившего в свои ряды и представителей аристократии покоренных (или союзных) племен. Короче, союз когурёских племен перерос в государство Когурё, но затруднительно определить точное время этого качественного скачка от родо-племенной организации к государственной. Как отмечалось ранее, историки отмечают этот рубеж от I в. до н. э. до IV в. н. э.

Ко времени складывания государственности в Корее, вероятно, относятся и первые попытки определить ее истоки, что обычно делалось в форме легенд о первых царях. Эта легендарная традиция, отражаясь в ранних летописях (которые затем вошли в состав «Самгук саги») ⁷, основание государства Когурё приписывала пришельцу из северного Пуё некоему Чумону (Чхумо), или Тонмёну, который представлял скорее не личное, а нарицательное имя, обозначавшее в древности вождя или какое-то должностное лицо. Историчность Чумона, этого «основателя государства», и нескольких первых ванов Когурё подлежит сомнению, и тем не менее корейская историография феодального периода воспринимала легендарный рассказ о приходе Чумона и начале царствования в Когурё как подлинный исторический факт и датировала 37 г. до н. э. Некоторые из современных историков, поддерживающих эту традиционную датировку появления государства Когурё, обычно ссылаются на то, что уже при первых ванах Когурё (например, при третьем вane Тэмусине, в 19 г. н. э.) стали объявлять амнистии и освобождать своей властью заключенных преступников, что, по их мнению, свидетельствует о существовании такого института государственности, как тюрьмы. Между тем эти историки, принимающие без критики сообщения ранних летописцев, не учитывают фантастического характера рассказов, которые в ряде случаев представляли простую запись легенд, датированных соответствующими годами китайского календаря и служивших для восполнения недостающих подлинных исторических фактов. Систематизируя фольклорные произведения и располагая их в определенной хронологической последовательности, авторы корейских хроник феодального времени стремились показать непрерывающуюся линию правления царей (ванов), чьи деяния должны были полностью соответствовать предписаниям конфуцианских канонов о добродетельном правлении. И в тех случаях, когда по нарицательным именам восстанавливались периоды мифических царей, годы их «правления» заполнялись такими рассказами, которые по их дидактическому смыслу соответствовали нормам добродетельного правления и показывали милость царей (включая совершаемые ими акты милосердия в отношении преступников), сыновнюю почтительность их детей, мудрость и преданность их слуг («министров» государства). Упоминаемые в такой связи акты амнистий никак не могут служить надежными ориентирами для определения времени возникновения государства. Преувеличения и неточности в таких рассказах видны хотя бы по сообщению о том, что в 11 г. правления Тэмусина (28 г. н. э.) Когурё имело дело с вторгшейся в страну миллионной ханьской (китайской) армией и смогло

⁷ Ссылки на корейский текст «Самгук саги» даются по кн.: Самгук саги (Исторические записки трех государств), т. I—II. Пхеньян, 1958.

отразить вторжение только благодаря мудрым советам «министра» (чвабо) Ёль Тучжи⁸. Сообщения ранних частей корейских хроник нуждаются в определенной проверке и поправке по данным других, например китайских, источников того периода.

Признавая фантастический характер ранних частей корейских летописей, некоторые корейские исследователи, в том числе и буржуазные, в легенде о приходе Чумона в Когурё и основании им «государства» склонны видеть отражение исторического факта перехода гегемонии в когурёском союзе племен от рода (племени) Соно (Ённо) к роду (племени) Керу, который, создав опорный пункт в районе среднего течения р. Амноккан (крепость Кукнэсон — совр. Цзиань в Северо-Восточном Китае), в ходе дальнейших завоеваний (или угрозой войны) подчинил соседние родоплеменные группы или общины. Так, до середины или в течение I в. н. э., согласно корейским летописям, Когурё подчинило племена (общины) Пирю, Хэнин, Янмэк, Кальса, Кэма, Куда, Северный и Восточный Окчо.

Один из известных буржуазных историков Южной Кореи Ли Бёндо с позиций буржуазного национализма дал трактовку проблемы становления государственности в Когурё. В качестве признака он избрал так называемое «укрепление духа самостоятельности Когурё», которое стало проявляться с тех пор, как, по примечательному сообщению «Саньго чжи», правители Когурё загордились и больше не приезжали в китайские округа за парадной одеждой и головными уборами, а предлагали китайцам складывать их в специально устроенном пограничном городке Чхэккуру («куру» означал город). По мнению Ли Бёндо, это произошло после третьего (по традиционной хронологии) вана Тэмусина (18—44 гг. н. э.) Но в строгом смысле этого слова государство в Когурё; по его мнению, сложилось во времена шестого вана — Тхэчжо тэван (известного китайцам под именем Гун) или «Великого вана Основателя», так как этот титул наряду с «чиновными званиями» пхэчжа, утхэ и др. свидетельствует о появлении бюрократической организации⁹. Допуская возможность возникновения этих «чиновных званий» еще во времена родового строя, свой тезис о существовании государства во времена Тхэчжо Ли Бёндо стремится подкрепить фактами объединения клановых обществ бассейна Большой и Малой рек и начавшейся внешней активности Когурё, которая выразилась в нападениях на китайские округа Ляодун и Сюаньту, причинивших большой урон китайцам, в подчинении племен Окчо и в расширении границ на юг до р. Сальсу (совр. Чхончхонган). Таким образом, возникновение государства прямо связывается с завоевательными войнами, хотя они в действительности даже при на-

⁸ Самгук саги, т. I, с. 374.

⁹ См.: Ли Бёндо, Ким Джэвон. Указ. соч., с. 236.

личии в данном обществе зачатков классового деления и определенной градации должностных лиц не могут служить признаком государства, если деление общества по кровнородственному принципу не сменилось территориальным. Как признает Ли Бёндо, тогда родовая организация сохранялась в пяти ведущих общинах, возглавлявших политический союз Когурё, о чем свидетельствовали и титул кочхуга, подчеркивавший особо привилегированное положение родовой аристократии общин Керу, Соно и Чольло, и то, что должностные звания не употреблялись без упоминания родовой принадлежности их носителей. Учитывая большое значение родовых отношений, но вместе с тем и таких новых явлений, как появление у представителей аристократии (га) своих служилых людей, которые носили такие же звания (сачжа, чы, сонин), что и находящиеся при главном вожде, Ли Бёндо назвал общественный строй Когурё этого времени своеобразным «первобытным феодализмом»¹⁰. При этом, конечно, он исходил из буржуазных представлений о феодализме как системе политических отношений, основанных на определенной иерархии подчинения (вассалитета).

Однако завоевательные войны и расширение территории Когурё не могут подтвердить ни существования государства, ни того, что родовый строй ушел в прошлое. Хотя завоевательные войны и способствовали классовому расслоению варварского общества, они могли вестись и до появления государства. На той стадии, когда еще сильны родо-племенные связи и общинные отношения, захватнические войны велись развитым союзом племен или государством варварского типа, предшествующим становлению рабовладельческого или феодального строя. Покорение союзом когурёских племен их соседей, еще не означало (до определенного времени) полной победы классового общества, ибо, несмотря на возникновение эксплуатации (в форме дани), ни общество завоевателей, ни общество покоренного населения не утрачивали прежней социальной организации по кровнородственным связям, несмотря на усиление имущественных различий и социальных градаций в старом обществе. Но, с другой стороны, процесс классовой дифференциации, вероятно, тормозился тем, что «покоренные» или завоеванные Когурё соседние племена зачастую выступали в качестве его союзников в борьбе против общих угнетателей — ханьских (китайских) завоевателей. Китайские округа Сюаньту (в верхнем течении р. Ляо) и Ляодун (на западном берегу Ляо), поддерживавшие регулярные торговые отношения с корейскими племенами, не оставляли намерений при удобном случае подчинить их силой, поэтому Когурё и его соседи в своих отношениях с ними также сочетали мирные и военные средства борьбы. После крупных походов на китайские владения

¹⁰ Там же, с. 245.

к западу от р. Ляо в 49 и 55 гг. н. э. Когурё вынуждено было на время прекратить военные действия против сильной Ханьской (поздней) династии и налаживать дипломатические отношения, направив свои усилия на подчинение юго-восточных земель. Но после подчинения племен Е (или Емэк, в начале II века н. э.) когурёский ван Гун (или Тхэчжо) вместе с ними (людьми Емэк) в 118 г. совершил нападение на крепость Хуали (Хварё) в округе Сюаньту¹¹. В 121 г., когда правители китайских округов напали на емэкского вождя и убили его, войска когурёского вана напали на округа Сюаньту и Ляодун, сожгли города, убили или взяли в плен более 2 тыс. человек. По сообщениям корейских летописцев, в этих походах в качестве союзников Когурё участвовали маханцы и емэкцы. В 146 г. (при том же вane Гуне) когурёские войска напали на крепость Сианьпин (в округе Ляодун), где убили дайфанского чиновника (лин), взяли в плен семью лоланского правителя (тайшоу). А в 172 г., когда многочисленные ханьские войска вторглись в Когурё, люди Когурё по предложению «министра» Мённим Даппу упорно оборонялись за стенами крепостей, а затем ударили по истощенным силам противника. Еще одно поражение ханьским войскам было нанесено в 197 г. Затем с ослаблением Ханьской династии вторжения их прекратились.

В период троецарствия в Китае после падения Ханьской династии в 220 г. государство Вэй усилило агрессивные действия на востоке. Несмотря на попытки Когурё наладить мирные отношения, для чего была оказана даже военная помощь в усмирении ляодунского наместника Гунсунь Юаня, вэйский правитель явно стремился к завоеванию Когурё, о чем свидетельствовала отправка войск (морем) в округа Лолан и Дайфан. Чтобы опередить противника, когурёские войска в 242 г. нанесли удар по г. Сианьпин, вероятной базе будущего китайского наступления. После этого (в 246 г.) из округа Сюаньту выступили вэйские войска под предводительством Гуанью Цзяна, которые напали на Когурё с севера, в то время как с юга действовали войска из округов Лолана и Дайфана. Очутившись под двойным ударом, когурёские войска потерпели тяжелое поражение (было убито более 18 тыс. человек), поэтому ван (Тончхон) вынужден был бежать из столицы Хвандо (построенной в 198 г.) в сопровождении небольшого отряда. Заняв столицу, Гуанью Цзян снарядил отряд для преследования когурёского вана, бежавшего в пределы Окчо (в район совр. провинции Южн. Хамгён)¹². Перелом в борьбе с вэйскими захватчиками приписывается героическим действиям когурёских воинов Мирью и Нью, но вероятно, что для полного изгнания вэйских войск большое значение имела помощь

¹¹ Самгук саги, т. I, с. 388.

¹² Там же, с. 420—421.

местного окочского населения, собравшего новые силы. Этот факт свидетельствует, что Окчо не находилось в такой рабской зависимости от Когурё, как изображается в китайских источниках, а скорее было на положении союзника, сохранявшего традиционные общественные порядки (родового строя), о чем можно судить и по китайскому описанию в «Саньго чжи».

Войны начала новой эры не только усиливали классовое расслоение среди корейских племен, но могли также способствовать сохранению старых общественных (родо-племенных) отношений, так как содействовали сплочению в борьбе против иноплеменных захватчиков. Между тем опасность вторжения последних с севера не исчезла и впоследствии, когда в Северном Китае кочевники-сяньбийцы (из рода Муюн) основали свое государство Янь. Уже нашествие войск Муюн Вэя в 293 и 296 гг. создали серьезную угрозу, поэтому ответной реакцией со стороны Когурё (вана Мичхона) были нападения на Сюаньту в 302 г. (8 тыс. захваченных пленных было поселено в новой крепости Пхеньян, строившейся с 247 г.), на Сианьпин в 311 г., на округ Дайфан в 314 г., нападение и разрушение крепости Сюаньту в 315 г. и пр.¹³. После восстановления столицы Хвандо (с цитаделью Кукнэсон) и возвращения резиденции вана в 342 г. произошло новое нашествие Муюнов. Они захватили столицу и стали преследовать бежавшего вана (Когуквона). Им удалось взять в плен жену и мать вана. Чтобы сломить сопротивление Когурё Муюны решили захватить и останки отца вана. Как сообщает корейская летопись, Муюн Хван, «открыв могилу вана Мичхона, увез его прах, завладел сокровищами многих поколений, хранившимися в казенных кладовых, захватил более 50 тыс. душ обоюбого пола, сжег дворцы и, разрушив крепость Хвандо, двинулся в обратный путь»¹⁴. В следующем году ван Когуквон вынужден был снарядить большое посольство с дарами к Муюнам и признать себя слугой (вассалом) государя династии Янь. Укрепление политической и военной мощи государства Когурё позволило потом дать отпор Муюнам. В 385 г. 40-тысячная армия Когурё выступила против Муюнов и заняла округа Ляодун и Сюаньту, захватила около 10 тыс. пленных¹⁵. Муюнам стоило больших усилий, чтобы потом восстановить свою власть над этими округами. Но, с другой стороны, дальнейшая территориальная экспансия Когурё направлялась на юг, что приводило к конфликтам с государством Пэкче.

Хотя развитие классового общества и утверждение государства происходили в обстановке многочисленных военных конфликтов, этих фактов недостаточно для датировки точного времени зарождения государства. Нужны конкретные данные, показывающие положение классов и борьбу между ними, которая сделала не-

¹³ Там же, с. 436—437.

¹⁴ Там же, с. 443.

¹⁵ Там же, с. 447.

избежным появление государства. Недостатки имеющихся источников по ранней истории Когурё состоят не только в том, что терминологически не делают различий между понятиями государства и страны. Китайские источники, содержащие описание социальных процессов в Когурё, как правило, фиксируют положение в определенное время и не дают представления о развитии на протяжении сколько-нибудь длительного периода. А корейские летописи, содержащие последовательную запись исторических событий, исходят из представлений о существовании государства уже во времена мифических царей («правление» которых точно датировано годами, месяцами даже днями), которым приписаны и соответствующие «деяния» с применением таких терминов и понятий (чины, округа и пр.), которые существовали значительно позднее. Правильность тех или иных терминов, характеризующих «государственность», можно выяснить только на основе всего текста летописной истории и в сопоставлении этих данных с другими источниками.

При датировке времени появления государства следует учесть, что применение железных орудий и связанные с этим сдвиги в развитии сельского хозяйства и ремесел подготовили в конечном счете разложение первобытнообщинного строя и переход к новой общественно-экономической формации, что социально-классовые различия стали возникать в Когурё еще при сохранении родового строя (в рамках политического союза племен), когда различались господствующие и покоренные племена, а внутри племен наметилось расслоение на привилегированную знать и рядовых общинников, которые иногда опускались до положения рабов. От достигнутого уровня производительных сил, расстановки сил формирующихся общественных классов и результатов борьбы между ними мог зависеть облик нового способа производства и соответствующей государственности. А войны Когурё могли или ускорить или замедлить этот процесс. О разорении основных масс общинников можно судить по многочисленным записям корейских летописей о бедствиях и голоде среди населения в первые века нашей эры. Голод доводил иногда до людоедства. И это происходило в то время, когда, как показывают археологические памятники, когурёская знать накапливала огромные богатства, воздвигала крепости и дворцы, строила величественные подземные склепы, украшенные произведениями искусства. Сюжеты настенных фресок этих могил говорят о празднествах и развлечениях знати, которая богатела за счет военных добыч и эксплуатации своих соплеменников. И в тех условиях разоряющиеся массы общинников, естественно, стремились сохранить традиционные институты родового строя как средство борьбы против попыток порабощения их складывающимся господствующим классом. Даже по легендарным рассказам ранних частей летописей Когурё можно получить представление о направлении классовой борьбы в когурёском обществе. Насилия и жестокость знатных получали явный

отпор соплеменников. В записи, датированной 51 г. н. э., говорится, что «с каждым днем ван (имеется в виду 5-й по порядку Мобон) становился все более жестоким — когда садился, подкладывал людям для сидения, когда ложился, они должны были служить ему подушкой, а если кто ёрзал, того убивал без всякой пощады. Если кто из слуг пытался вразумить его, то расстреливал из лука». Убийство этого вана одним из приближенных (Туро) в летописи оправдывается тем, что ван стал «врагом народа»¹⁶. Место вана теперь занял не сын убитого, а Гун (Тхэчжо), которого «поддержали люди страны» (53 г. н. э.)¹⁷. Хотя летописец представляет эти события как эпизод смены на престоле, в них нельзя не усмотреть один из моментов классовой борьбы против попытки установления деспотической власти вана, за сохранение традиций первобытной демократии. В этом же плане следует объяснить убийство в 165 г. вана Чхадэ (преемника Тхэчжо), который, как говорится в летописи, «стал невыносимым для народа»¹⁸.

Имеются также рассказы о том, как ван (вождь), считавшийся с интересами народа, вступал в конфликт с представителями родоплеменной знати. В записях, датированных 190 и 191 гг. н. э., мы читаем: когда пхэчжа Обирю и пхёнчжа Чвагарё, будучи близкими родственниками жены вана (ванху), «захватили всю власть в стране», и, «полагаясь на их влияние, сыновья их настолько распустились, что стали отбирать у людей их детей, землю и дома, отчего люди страны негодовали», ван попытался наказать их за бесчинства. И тогда Чвагарё и другие составили заговор, «напали на столицу вана, но ван, подняв войска окрестных мест, подавил их»¹⁹. Хотя и неясно, что означали «войска окрестных мест», нетрудно предположить, что против военных дружин аристократов выступило окрестное население или народное ополчение, то тогда вооруженный народ сохранял еще решающее значение. Примечательно, что после этого «министром государства» стал некто Ыль Пхасо, якобы знатного происхождения, но живший тем, что сам обрабатывал землю. Ему приписывают организацию (в 194 г.) зерновой ссуды (чиндэ) из казенных складов для помощи нуждающимся в весенне-летнее время²⁰. Судя по сообщению «Саньго чжи» о том, что еще и в III в. не было в Когурё казенных складов, организацию зерновой ссуды, может быть, следует отнести к более позднему времени.

Для суждений о процессе формирования государственной власти весьма красноречивы сообщения, датированные последним годом вана Понсана (300 г.): когда из-за голода «люди ели друг друга», ван, не считаясь ни с чем, сгонял на строительство дворца

¹⁶ Там же, с. 382, 383.

¹⁷ Там же, с. 384.

¹⁸ Там же, с. 398.

¹⁹ Там же, с. 405.

²⁰ Там же, с. 406, 409.

«всех мужчин и женщин страны старше 15 лет»²¹. В бегстве народ искал спасение от голода и непосильного труда. Когда министр этого вана обратил его внимание на то, что неурядицами и тяжелым положением народа смогут воспользоваться внешние враги и вторгнуться в страну, ван рассердился и сделал примечательное заявление: «Государь поставлен высоко, чтобы народ смотрел на него снизу, и если не будет величественного и роскошного дворца, ему нечем будет показывать свое величие и важность», а затем спросил, неужели тот хочет умереть ради народа²². Министр Чханджори, почувствовав опасность, сговорился с остальными и сверг вана. Им стал Мичхон, который в течение долгого времени вынужден был скрываться от преследований своего предшественника. Хотя в рассказе чувствуется изложение конфуцианского идеала гуманности и торжества справедливости, в основе его был, вероятно, один из эпизодов на пути утверждения государственной власти в Когурё. Отсюда можно узнать и о жестоком угнетении народа правящим классом и о возможном смягчении его при внешней опасности, о том, что непримиримость и острота противоречий между классами сделали неизбежным появление государства²³.

Трудно лишь определить тот хронологически наиболее ранний рубеж, когда утверждался территориальный принцип деления населения, когда можно говорить о начале государственности и конце родового строя. В этом отношении важным известием является один из комментариев к тексту «Истории поздней Ханьской династии» («Хоухань шу», составленной в V в.), где указывается, что «сейчас в Ко[гу]рё имеется пять округов, из которых один называется Центральным (Нэбу) или Хванбу, что соответствует (роду?) Керубу. Второй называется Северным (Пукпу) или Задним (Хубу), что соответствует Чольлобу. Третий называется Восточным (Тонбу) или Левым (Чвабу), что соответствует Суннобу. Четвертый называется Южным (Намбу) или Передним (Чонбу), что соответствует Кваннобу. Пятый называется Западным (Собу) или Правым (Убу), что соответствует Сонобу»²⁴. В источнике, к сожалению, нет точных указаний, с какого времени деление на пять родов (или племен?) переросло в систему 5 административных округов, знаменовавших рождение государства. Бесспорно, это произошло до V в., но остается вопрос: насколько раньше? К тому же утверждение государственности представляло длительный процесс.

Как известно из «Саньго чжи», к середине III в. в Когурё уже быстро развивалось классовое общество и зародились элементы государственности в виде власти вана, опирающейся на опреде-

²¹ Там же, с. 432.

²² Там же, с. 433.

²³ Там же, с. 434.

²⁴ Хоухань шу, кн. 85 (Лечжуань, кн. 75). Дуньи, Когурё.

ленную иерархию знати. Среди свидетельств установления государственных начал вместо варварских обычаев, можно отметить сообщение о том, что в 248 г. после смерти вана Тончхона новый ван Чунчхон запретил человеческие жертвоприношения по умершему вану. Несмотря на то что были желающие «последовать» за умершим ваном, новый ван объявил такие действия «не соответствующими правилам [приличия]»²⁵. Возможно, что с этого времени началось установление институтов политической и идеологической надстройки, сложившихся в течение IV в.

Конфуцианские идеи, проникавшие в корейские племена, очевидно, еще в период разложения первобытнообщинного строя в IV в. стали государственной идеологией Когурё, определяющей принципы организации господствующего класса в чиновно-бюрократическую иерархию. Для воспитания аристократической молодежи в духе конфуцианской морали и подготовки государственных чиновников в 372 г. в столице Когурё была основана Высшая школа — Тхэхак, где главным предметом преподавания являлись сочинения конфуцианских классиков. На основе конфуцианских канонов были выработаны и государственно-правовые нормы, и уже в 373 г. были обнародованы «Правовые установления» («Юльён») ²⁶ или свод государственных законов, предусматривавших повиновение народа господствующему классу.

Почти одновременно в качестве общегосударственной религии Когурё утверждается буддизм, призванный заменить родо-племенных богов и местные верования, которые отныне не соответствовали интересам господствующего класса и созданного им государства. Их более устраивало буддийское учение (о спасении души, извращенное толкование равенства людей), которое верой в потусторонний мир старалось отвлечь народные массы от борьбы против жестокостей и несправедливостей реальной действительности. По приглашению когурёского правителя в 372 г. из Цяньцинского государства прибыл монах Сундо с религиозной литературой и изображениями Будды. С этих пор при поддержке правящего класса буддизм получил быстрое распространение в Когурё. Вслед за постройкой в 375 г. монастырей Чхонмунса и Ибульланса²⁷ в столице буддийские монастыри и храмы стали возникать повсеместно. Постепенно монахи превратились во влиятельную социальную силу, а монастыри — в крупного феодального землевладельца вследствие растущих земельных пожертвований государства, аристократии и самих крестьян.

Внедрением идеологий конфуцианства и буддизма, вероятно, завершилось формирование политической организации (государства) господствующего класса Когурё. Для управления огромной территорией, сложившейся с начала завоевательных войн когу-

²⁵ Самгук саги, т. I, с. 424.

²⁶ Там же, с. 445.

²⁷ Там же, с. 446.

рёского союза племен, была создана централизованная государственная машина, обеспечивавшая возможность эксплуатации всего населения страны, независимо от прежней родо-племенной принадлежности. Правда, костяк господствующего класса состоял из аристократии пяти первоначальных родо-племенных групп, и прежде всего трех наиболее привилегированных из них. Следы прежнего деления на пять родо-племенных групп отразились в новой системе административного деления на пять центральных (столичных) и периферийных округов. Пять столичных округов назывались Внутренними пределами (Нэпхён), а пять провинциальных — Внешними пределами (Вэпхён). Усложнение чиновных степеней также произошло на базе званий («чинов») предшествующего периода. С V в. существовали чины тэдэро, тэро, тэмакниджи, макниджи, тхэдэхён, тэхён, сохён, ысаса, чочоль, (или иногда ульчоль чубу), тхэдэсаджа, тэсаджа, сосаджа, ёкса (ёксаль), есок, сонин и пр. Чин тэдэро (иногда с усиливающей приставкой «тхэ» — «величайший») носил главный министр государства, назначаемый на три года, но зачастую захватывавший власть на более длительный срок, пока не вытеснял его более сильный соперник²⁸. Большую часть названных чинов носили представители центральной (столичной) администрации. Кроме Хвандо столичными городами являлись Пхеньян и Хансон (совр. Чэрён). Начальники пяти провинциальных округов носили чин ёксаль, и им подчинялись начальники отдельных крепостей более низких рангов. Функция всей административной организации сводилась к господству над сельскими общинами, являвшимися самой низшей административной единицей. Эксплуатация крестьян-общинников государством стала основной формой эксплуатации непосредственных производителей. Можно полагать, что будучи верховным (номинальным) собственником всей земли, государство требовало от всего крестьянского населения уплаты налогов и выполнения различных повинностей.

Государство Когурё укрепилось в тот период, когда достигнутый уровень развития производительных сил делал невыгодным применение рабского труда, а массовое сопротивление крестьянства, опиравшегося на общинную организацию, — невозможным порабощение его в масштабах, необходимых для развертывания рабовладельческого хозяйства, поэтому основную массу эксплуатируемых составляли не рабы, а крестьяне-общинники (хахо). Эпизодическая дань последнего периода родового строя переросла по существу в регулярный государственный поземельный налог-ренту, присваиваемый правящим классом в лице государства (распределявшего доход по чиновным рангам) или отдельных его представителей, получивших от государства особые пожалования, например кормовые округа (сикып), состоявшие из определенного

²⁸ Самгук саги, т. II, с. 291—292.

количества крестьянских дворов или селений. Эксплуатация рабов или подневольных ноби, составлявших собственность своих хозяев и предмет купли-продажи, по форме (не по степени) не отличалась от эксплуатации остальной массы производителей, так как, за исключением домашних слуг, ноби сажались на землю и вели свое хозяйство, неся повинности в пользу своих хозяев. Эта категория населения образовалась из военнопленных, должников и семей преступников. Ноби принадлежали как отдельным представителям знати, так и государству, которое нередко использовало их для охраны царских могил. Так, для охраны могилы вана Квангэтхо было приписано 300 семей таких крепостных²⁹.

Несмотря на отсутствие подробных экономических данных, в целом можно судить, что государство Когурё сложилось в условиях, когда сохранялись общинные отношения и зарождались элементы рабовладения и крепостничества, причем ведущее место занимала эксплуатация всей массы крестьян-общинников правящим классом на основе номинальной (верховой) государственной собственности на землю, в рамках которой, однако, формировалась и крупная частная феодальная собственность на землю. По социально-экономической природе это государство уже можно определить как раннефеодальное. В процессе дальнейшего роста и расширения своей территории государство Когурё пришло в прямое столкновение с однотипными соседними государствами, и происходившая между ними борьба за гегемонию на Корейском полуострове совпала по времени с формированием новых феодальных отношений.

УТВЕРЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА ПЭКЧЕ

Государство Пэкче возникло в результате разложения первобытнообщинных отношений у южных ханских племен. Вначале Пэкче представляло одну из чинханско-маханских общин («маленьких государств»), которая, опередив в своем развитии других, превратилась в сильную территориальную державу.

В исторической науке нет единого мнения о времени утверждения государства Пэкче. Как известно, историки, придерживающиеся традиционной хронологии ранних корейских летописей, склонны видеть его появление еще до I в. н. э. А историки, признающие достоверность сообщений «Сань-го чжи» об уровне социально-экономического развития корейского населения в начале нашей эры, относят его возникновение к более позднему времени. Известно, что помимо «Саньго чжи» невозможно найти

²⁹ См.: Пак Сихён. Квангэтхован нынби (Стела вана Квангэтхо). Пхеньян, 1963.

в письменных источниках столь подробных сведений о социальных процессах ханских племен до середины III в. н. э., а эти данные позволяют говорить, что общество находилось накануне формирования государства. По этим данным возвышение Пэкче совпало с периодом активной борьбы маханских общин против агрессивных действий династии Вэй. Так, в «Саньго чжи» сообщается, что нападение ханского вождя (синджи) на дайфанскую крепость Цзилиин повлекло якобы разгром и уничтожение Махана (246 г.). Из контекста следует, что в действительности китайцы захватили часть (правда, несколько десятков) общин, но это не привело к ликвидации политического союза, известного под названием Махана. И лишь впоследствии гегемония в союзе чинханско-маханских племен перешла к Пэкче, которое затем вообще утвердило иные, государственные порядки, пришедшие на смену родовому строю.

При выяснении этого процесса определенную помощь могут оказать фольклорные материалы — мифы об основании государства Пэкче, составляющие органическую часть ранних разделов корейских летописей. Авторы их даже точно датировали эти сказочные сюжеты, относя основание государства Пэкче к 18 г. до н. э. (3-й год эры Хунцзя ханьского императора Чэнди). В мифах возникновение государства представлено как основание его определенным лицом. В «Самгук саги» приведены два варианта мифа об основании государства Пэкче³⁰. По одному — основателем Пэкче был Онджо, сын Чумона — основателя государства Когурё. Согласно легенде у Чумона было два сына — Пирю и Онджо — от второго брака в Чольбон Пуё (или Когурё). Когда из Северного Пуё прибыл его сын от первого брака Юри, Пирю и Онджо решили покинуть страну, опасаясь неприязни законного наследника. По прибытии на юг Онджо со своими людьми избрал место на берегу р. Ханган и основал город Вире, а Пирю решил поселиться на морском берегу в Мичхухоле. Когда выяснилось, что из-за влажной почвы и соленой воды эта местность непригодна для жизни, а город, основанный Онджо процветает, Пирю умер от огорчения, и его люди поселились в городе Вире. По другому варианту Пирю и Онджо являлись пасынками Чумона, с которыми он обращался как с родными. Однако с прибытием из Пуё его сына Юрю (или Юри) Пирю и Онджо решили уйти на юг. Пирю поселился в Мичхухоле и стал основателем государства Пэкче.

При всей фантастичности легенд, сомнительности дат, к которым привязаны эти легенды, нельзя отрицать возможности отражения в них каких-то реальных исторических воспоминаний. Мифами подтверждается этническая общность и связи между северными и южными племенами. Пирю и Онджо, названные «основа-

³⁰ Самгук саги, т. I, с. 557—559.

телями» государства Пэкче, могли быть вовсе не именами реальных людей (лиц), а представлять персонификацию каких-то исторических понятий. Некоторые историки в имени Пирю находят общность с общиной (племенем) Пирю, присоединенной к Когурё, а в Онджо персонификация этнонима Окчо. А вся легенда об Онджо и Пирю рассматривается как свидетельство миграции части северных племен (пуёской ветви) на юг и поселения их на территории ханских племен. Этническая общность «основателей» (или общины, положившей начало) государства Пэкче с Когурё подтверждается также фактом существования в обоих государствах одинакового алтаря, посвященного предку Тонмёну. По следующей из легендарных версий, сохранившейся в японских исторических хрониках, Тонмён даже считается основателем государства Пэкче.

Но ни одна из легенд не дает основания датировать начало государственности в Пэкче 18 г. до н. э. Для точного определения времени возникновения государства (в марксистском понимании этого слова) необходимо опираться на реальные факты, характеризующие социально-политическое развитие населения, создавшего государственность.

Четвертая версия об основании государства Пэкче имеется в китайских династийных историях («Чжоу шу»³¹ и др.). Появление государства Пэкче она относит лет на 200 позже, чем корейские летописи, и приписывает его создание некоему Кутхэ, который якобы был женат на дочери ляодунского тайшоу Гунсунь Ду. В этом рассказе о женитьбе на дочери Гунсунь Ду Кутхэ явно был перепутан с Вигутхэ (Ви Кутхэ), пуёским ваном, который действительно был женат на дочери китайского управителя в Ляодуне (о чем имеются известия и в «Саньго чжи»). Несмотря на эту фактическую неточность, версия китайских династийных историй об основании государства Пэкче неким Кутхэ заслуживает внимания потому, что она основывалась на донесениях китайского посла, лично видевшего в Пэкче храм (алтарь) основателя государства Кутхэ, которому ежегодно делались 4 жертвоприношения. В «Чжоу шу», опирающейся на эти сведения, сообщается, что «Пэкче раньше было государством, зависимым от Кэмахана (Махана) и представляло отдельную ветвь (род) Пуё. Кутхэ положил начало государства на бывших [землях] Дайфана». Китайские авторы основание государства отнесли к 6—7 гг. эры Чжэнши (245—246 гг. н. э.). Опровергая это сообщение, корейские историки, придерживающиеся традиционной хронологии и допускающие возможность существования государства Пэкче еще в I в. до н. э., обычно ссылаются на сообщение «Самгук саги», где говорится, что в 13 г. «правления» Онджо (в 6 г. до

³¹ Чжоу шу (История Чжоу), кн. 49 (Лечжуань 41). — «Цит. по: Эрши сышу (24 династийные истории). Шанхай. Б. г.

н. э.) «отправили посла в Махан, чтобы передать о перенесении столицы, а затем определили границы, которые на севере доходили до р. Пхэха (совр. Импжинган), на юге — до р. Унчхон (совр. Ансончхон), на западе омывались Великим морем, а на востоке достигали Чуяна (совр. Чхунчхон в пров. Канвон)»³². Здесь речь идет о перенесении столицы из г. Вире в г. Хансон, или г. Пэкче (что соответствует совр. Кванчжу около Сеула) и о расширении территории Пэкче, охватывавшей пространство от р. Пхэха до р. Унчхон. Но эти события, отнесенные ко временам легендарного Онджо, в действительности имели место значительно позднее, и задача заключается в том, чтобы более точно определить это позднее время.

Китайская версия отнесла основание государства Пэкче ко временам Кутхэ или к середине III в., когда шла интенсивная борьба чинханско-маханских племен против династии Вэй. Можно полагать, что Кутхэ был или основателем государства Пэкче или таким вождем чинханских племен, который сыграл важную роль в их консолидации. В ранних сообщениях китайских династийных историй правитель Пэкче назван ваном Чинхана (со столицей в г. Вире), поэтому можно считать, что название Пэкче появилось позднее середины III в. и его возникновение было связано с перемещением столицы на юг, в город (общину) с этим названием.

И по сообщениям корейских летописей вторая половина III в. была важной вехой в формировании государства Пэкче, поэтому ряд корейских историков не без основания отождествляют Кутхэ (из китайских источников) с ваном Кои, восьмым правителем Пэкче по традиционной генеалогии пэкческих царей, правившим с 234 до 286 г. Вполне возможно, что в старину совпадало чтение иероглифов, которые теперь произносятся как «Кутхэ» и «Кои»³³. В корейских летописях Кои приписывается создание государственных институтов. В записи, отмеченной 27 г. правления этого вана (260 г.), говорится: «...в первом месяце учреждены должности (звания) **нэсин чвапхён**, которому поручались дела, касающиеся повелений вана; **нэду чвапхён**, который ведал кладовыми и сокровищами; **нэбоп чвапхён**, который ведал обрядами и церемониями; **виса чвапхён**, который ведал войсками, охранявшими вана; **чоджон чвапхён**, который ведал судами и наказаниями; **пёнган чвапхён**, который ведал внешними (провинциальными) военными делами»³⁴. Шесть чвапхёнов, возглавлявших основные отрасли государственного управления, представляли чин 1-го класса или ранга (пхум). За чином чвапхён следовали чины: тальсоль (2-й класс), ынсоль (3-й класс), токсоль (4-й класс), хансоль (5-й класс), насоль (6-й класс), чандок (7-й класс), сидок (8-й класс), кодок (9-й класс), кедок (10-й класс), тэдок

³² Самгук саги, т. I, с. 563.

³³ См.: Ли Бёндо, Ким Джэвон. Указ. соч., с. 351.

³⁴ Самгук саги, т. I, с. 584.

(11-й класс), мундок (12-й класс), мудок (13-й класс), чвагун (14-й класс), чинму (15-й класс) и кыкью (16-й класс). В соответствии с чинами была предусмотрена форменная одежда (пурпурного, темно-красного и синего цветов) и головные уборы, украшенные серебряными цветком.

В записи следующего, двадцать восьмого, года правления вана Кои (261) сообщается, что «в первом месяце, в первый день, ван, облачившись в пурпурный халат с большими (широкими) рукавами, в синие шелковые штаны, надев шелковую шапку вороного цвета, украшенную золотыми цветами, подпоясавшись белым кожаным кушаком, в обуви из черной кожи, восседал в Южном зале (Намдан) и выслушивал [государственные] дела»³⁵. В других записях называются имена лиц, назначенных министрами (чвапхёнами). В записи двадцать девятого года (262) упомянуто об издании закона, по которому должностные лица, виновные во взяточничестве и казнокрадстве, возмещают в трехкратном размере и подвергаются пожизненному тюремному заключению. По этим записям многие историки делают вывод, что около 27—28 гг. правления Кои (260—261) произошло формирование государства Пэкче. Во всяком случае можно думать, что период правления вана Кои явился важным и даже переломным этапом в становлении государства Пэкче, хотя и нет в корейских источниках достаточного количества конкретных материалов, показывающих процесс смены институтов родового строя государственными порядками. Датировка этих процессов затруднена тем, что корейские летописцы последующего времени пытались представить более древними те государственные порядки, которые утвердились позднее, и приурочивали их к «правлениям» мифических царей-основателей.

Так обстоит дело с датировкой времени перенесения столицы из г. Вире в Хансон, ознаменовавшего значительное расширение территории пэкческого государства за счет земель маханских племен. Как уже отмечалось, корейские летописцы отнесли это событие к 13 г. «правления» легендарного основателя Онджо (что соответствует 6 г. до н. э.). О том, что это событие произошло позднее отмеченной даты, можно узнать из тех же корейских летописей, которые и впоследствии не раз упоминали Вире как главный город государства Пэкче. Некоторые историки датируют это событие началом IV в., ссылаясь на запись 327 г. (24 г. правления Пирю)³⁶, где упоминается город Пукхансон (Северный Хансон), который означал бывший Вире в отличие от Южного Хансона, являвшегося новой столицей. Однако в «Самгук саги» имеется и запись 371 г. (26 года правления вана Кынчхого), содержащая прямое указание на то, что «столица перенесена в Хансан», т. е.

³⁵ Там же, с. 585.

³⁶ Там же, с. 589.

в крепость на горе Хансан или в Хансон³⁷. Правдивость этой записи может быть подтверждена еще и тем, что в это время завершалась экспансия Пэкче на юг от реки Ханган. Постепенный захват маханских общин и оформление государственной территории Пэкче падают на время правления ванов Пирю (304—344), Ке (344—346) и Кынчхого (346—375). При ване Кынчхого не только завершилось присоединение маханских общин (около 369 г.), но и была захвачена вся территория бывшего китайского округа Дайфан (к 371 г.). С установлением в это время отношений с китайской династией Цзинь и Японией ван Кычхого стал известным за пределами Кореи как объединитель всех маханских, чинханских и дайфанских земель. В китайской истории «Тхун дьянь» (раздел: Описание окраинных восточных варваров) отмечается, что «с времен Цзинь [Пэкче] присоединило все земли, составлявшие древние владения Махана»³⁸. Из приведенных примеров, показывающих хронологическую передвижку в ранних корейских летописях фактов последующего периода к временам мифических царей (I в. до н. э. — II в. н. э.), ясно, что сообщения ранних частей корейских летописей о существовании государственных учреждений, об обширной территории государства Пэкче и пр., непригодны для датировки времени возникновения государства Пэкче, так как они отражают положение последующего времени. Исходя из этих соображений, мы можем считать, что период со второй половины III в. до последней четверти IV в. был не только временем территориального расширения Пэкче, но и оформления там государственности.

Этому предшествовало разложение первобытнообщинного строя у корейских племен южной части страны в результате перемен в их социально-экономическом развитии, вызванных прогрессом в развитии производительных сил — применением железных орудий, внедрением поливного земледелия и культуры риса, совершенствованием ремесел и т. д. Прежде однородное население распалось на классы в результате роста имущественных различий между аристократией и массой рядовых общинников внутри отдельных племен, а также разницы между слабыми и более сильными (развитыми) родо-племенными группами, составлявшими ядро зарождающихся государств. При образовании государства Пэкче такое ядро представляли пришлые элементы с севера, объединившие чинханские общины. Как известно, они входили в общий союз чинханско-маханских племен, возглавляемый старейшиной маханской общины Мокчи (Вольчи), который назывался чинским ваном (чинван). С ослаблением этого союза в результате агрессии династии Вэй на первый план выступила чинханская община Пэкче, которая, вероятно, со второй половины III в. при-

³⁷ Там же, с. 592.

³⁸ Цит. по: Ли Бёндо, Ким Джэвон. Указ. соч., с. 362.

ступила к объединению чинханско-маханских общин, находившихся раньше под главенством Махана. С включением все большего числа иноплеменных элементов утверждается государственный принцип территориального деления подчиненного населения, хотя ядро господствующего класса Пэкче продолжала составлять аристократия нескольких привилегированных родов. Царский (ванский) род носил фамилию Пуё или Ё. Кроме того, существовали еще 8 аристократических родов (фамилий: Хэ, Са, Ён, Хён, Чин, Коль (Кук), Пэк, Мок, представители которых выдвигались на высшие чины³⁹.

Надо полагать, что в ходе завоевания и покорения иноплеменных общин ухудшалось положение рядовых общинников, несших тяготы этих войн, которые для аристократии означали увеличение земельных владений и сидящих там зависимых крестьян, а также ноби (буквально «рабов») из числа военнопленных, использовавшихся или в качестве домашних рабов или крепостных с наделом для ведения хозяйства. А в неблагоприятные голодные годы и свободные общинники, обремененные долгами, вынуждены были продавать себя и своих детей в рабство, становиться ноби у богатой аристократии. Летописи пестрят сообщениями о голоде и обнищании народа. В одной из записей, отнесенных к временам мифических царей, можно прочесть: «Из-за сильной засухи народ голодал до такой степени, что (люди) поедали друг друга, и так поднялись разбойники, что ван должен был умиротворять их». В записи 331 г. также говорится, что «год выдался голодный, люди ели друг друга»⁴⁰. Часто голодные составляли «банды разбойников» (кундо) и сопротивлялись аристократии. Иногда, чтобы избавиться от жестокого гнета в Пэкче, сотни людей убегали в соседние государства — Когурё и Силла. В 373 г. 300 семей из крепости Токсан во главе с начальником (сонджу) убежали в Силла⁴¹. В обстановке острой схватки между формирующимися классами власть вана и приближенных служила целям жестокого подавления народных масс. Об одном из таких приближенных вана Кынчхого (Чин Джоне), захватившем власть в этот завершающий период становления государства Пэкче, летописцы сообщают, что он «характером был свирепый и жестокий, без [всякого] милосердия, в делах был мелочен и придирчив, и, полагаясь на влияние, чинил произвол, поэтому люди страны ненавидели его»⁴².

Территориальное расширение Пэкче и утверждение нового общественного строя повлекло создание и соответствующей политической и идеологической надстройки. Формируется военно-бюрократический административный аппарат для управления новой

³⁹ Самгук саги, т. I, с. 589.

⁴⁰ Чжоу шу, кн. 49 (Лечжуань 41).

⁴¹ Там же, с. 592.

⁴² Там же, с. 591.

территорией и эксплуатации сидящего на ней населения. Наследственный монарх (ван) возглавлял всю иерархию правящего класса, причем 22 центральных государственных управления (бу) подразделялись на дворцовые (нэбу) и правительственные (вэбу), состоявшие из ведомств: военного, строительного, юридического, финансового, подворного, образования и др. Они напоминали государственные институты соседнего Китая. В административном отношении территория государства Пэкче делилась на 5 сторон (пан), а столица — на 5 округов (бу). Столичные округа (Верхний, Передний, Центральный, Нижний и Западный), в свою очередь, делились на 5 улиц или кварталов (хан), причем в каждом округе размещалось по 500 солдат. Стороны, или провинции, во главе которых стояли начальники с чином 2-го класса (тальсоль), подразделялись на 10 уездов (кун), каждым из коих управляли три военачальника (чины 4-го класса — токсоль), распоряжавшиеся войсками численностью от 1200 до 700 человек⁴³. Крупными городами — тамно или тара — управляли отдельно сыновья вана или другие представители царствующего рода, выезжавшие туда на жительство в качестве наместников. Самой низшей административной единицей являлись сельские общины (деревни). И основная цель всей военно-чиновной иерархии состояла в том, чтобы принуждать население деревень, крестьян-общинников (минхо), к уплате налогов и несению повинностей, из которых главной была трудовая, совпадавшая с военной.

Политическая организация господствующего класса подкреплялась новой классовой идеологией, заимствованной из Китая. Хотя нет сведений о начале проникновения конфуцианства в Пэкче, в IV в. оно уже получило достаточное распространение в среде местной аристократии, судя по тому, что в 374 г. пакса (доктор) Кохын составил в конфуцианском духе историю страны — «Соги» («Исторические записки»), призванную служить целям укрепления государства, а некий Ваньин с книгами «Тысячелетие» и «Лунь-юй» направился в Японию, чтобы преподавать китайский язык и конфуцианское учение⁴⁴. В целях смягчения социальных противоречий господствующий класс ввел буддизм в качестве государственной религии. Для проповеди буддийского учения в 384 г. из Восточного Цзиньского государства (в Китае) был приглашен индийский монах Марананда. Его с большим почетом встретил ван Симню и поселил в своем дворце. Уже в следующем году на горе Хансан (теперь Намхансан) был построен первый буддийский храм, где священнослужителями стали 10 представителей аристократии⁴⁵. Имеются также сведения о начале распространения в Пэкче даосизма. Внедрение идеологии

⁴³ Чжоу шу, кн. 49 (Лечжуань 41).

⁴⁴ Самгук саги, т. I, с. 592. Ли Бёндо, Ким Джэвон. Указ. соч., с. 609.

⁴⁵ Самгук саги, т. I, с. 595.

классового общества, очевидно, завершало процесс формирования государства Пэкче.

При определении социальной природы этого государства следует исходить из того, что господствующий класс в нем составляли аристократия Пэкче и родо-племенная знать присоединенных земель, а основная функция его состояла в осуществлении непосредственной эксплуатации основной массы крестьян-общинников (минхо). Эксплуатация зависимого крестьянства, сохранявшего еще общинную организацию, осуществлялась государством путем взимания поземельного налога зерном и подворных сборов, включавших поставки населением шелка, пеньки, тканей и других изделий домашней промышленности и промыслов. Важной государственной повинностью всего крестьянского населения (мужчин старше 15 лет) являлась военно-трудовая: отработка на строительстве дворцов, крепостей или непосредственное несение солдатской службы. Определенную роль, конечно, играла и эксплуатация государственных и частновладельческих ноби, находившихся в подневольном положении. В таком случае, когда они наделялись землей и вели свое хозяйство, эксплуатация их носила определенно феодальный характер, и их можно считать крепостными. Вероятно, с ростом крупного землевладения знати приобретала большее значение эта форма эксплуатации. Хотя и нет на этот счет конкретных данных, нельзя отрицать возможности развития крупного землевладения в рамках верховной государственной собственности на землю. Во всяком случае намек на формирование влиятельных сил на местах можно усмотреть в сообщении летописцев о мятеже одного из министров (нэсин чвапхён) Убока, опиравшегося на крепость Пукхан в 327 г.⁴⁶ Так же как и Когурё, государство Пэкче можно рассматривать как государство периода зарождения феодальных отношений, т. е. как раннефеодальное.

Войны, которые вело это государство, преследовали цель расширить земельные владения и увеличить сидящее на этой территории население, т. е. количество зависимого крестьянства, являвшегося объектом государственной эксплуатации. После занятия земель Дайфана Пэкче в своем дальнейшем продвижении на север столкнулось с государством Когурё, которое, разгромив Лолан (около 313 г.), в свою очередь, расширяло владения в южном направлении. Первое столкновение Пэкче с Когурё произошло в 369 г. в районе Чхияна (совр. Пэчхон, пров. Южный Хванхэ), где было разгромлено 20-тысячное войско Когурё. Пэкчские войска с 5 тыс. пленных вернулись к себе и праздновали победу торжественным парадом на южном берегу р. Ханган. В 371 г., отразив ответное нашествие когурёских сил, 30-тысячная пэкчская армия осадила когурёскую столицу Пхеньян, являв-

⁴⁶ Там же, с. 589.

шуюся форпостом экспансии на юг. Во время осады был даже убит когурёский ван Когуквон, но крепости взять не удалось. В 377 г. пэкчские войска повторили попытку захватить Пхеньян, но также неудачно. Тем не менее на время им удалось приостановить активное устремление Когурё на юг. Спустя несколько лет возобновились столкновения. Летом 392 г., когда пэкчские войска захватили 10 пограничных крепостей Когурё, последовало ответное выступление когурёского вана Тамдока (Квангэтхо), который после 20 дней штурма занял важную пэкчскую крепость Кванмисон. Последующие военные действия были крайне неудачными для Пэкче. В 395 г. пэкчские войска потеряли более 8 тыс. пленными⁴⁷.

Чтобы укрепить свои внешнеполитические позиции, государство Пэкче проявляло большую активность в установлении торговых и дипломатических отношений с государствами Китая и Японии. Известно, что с этого времени ученые, художники и искусные мастера Пэкче стали оказывать влияние на развитие японской культуры.

УТВЕРЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА СИЛЛА

Государство Силла появилось в результате разложения первобытнообщинного строя у южных, пёнджинских общин, где дольше сохранялись родо-племенные отношения. В ряде источников Силла отнесена к чинханским племенам, но такое утверждение, видимо, нуждается в поправке, так как чинханские общины находились несколько севернее. Пёнджинские племена, населявшие бассейн р. Нактонган, отделенный горами от западной и северной частей страны, позже других вступили в контакт с соседними народами и в меньшей степени испытывали давление китайских захватчиков и, может быть, поэтому сохранили большую самобытность к тому времени, когда они столкнулись с развивающимися соседними государствами — Когурё, Пэкче и пришельцами с японских островов.

Несомненно, что и здесь к началу новой эры развитие производительных сил исподволь подрывало устой первобытнообщинного строя. Применение железных орудий и дальнейший рост производительности сельского хозяйства (для развития которого существовали благоприятные естественные условия), выделение ремесел, в частности по обработке металлов, развитие обмена способствовали имущественному расслоению населения, распаду родовых отношений и возникновению классовых различий внутри племен, прежде всего между родовой аристократией и рядовыми

⁴⁷ Там же, с. 591, 594, 598, 600.

общинниками. Одновременно более сильные племена превращали своих соседей в объект завоеваний и эксплуатации, создавая для этой цели аппарат политического господства. Зачатком такой организации являлись союзы племен, которые служили не только для обороны, но и для нападений и подчинения своему господству соседних общин. Среди пёнджинских племен центрами зарождающихся политических союзов в первые века новой эры являлись Саро (Силла), Кая (Кара, Карак) и другие. Община Саро образовала государство, которое сначала утвердилось в Юго-Восточной части Корейского полуострова, а затем объединило и всю страну.

Сведения иностранцев о появлении этого государства крайне отрывочны, а корейские летописи содержат лишь мифы и легенды, созданные в свое время для возвеличения и изображения его самым древним из трех государств. По традиционной хронологии корейских летописей государство Силла возникло в 57 г. до н. э. (или в начальном году эры Уфын ханьского императора Сяосюаньди). О том, что эта хронология представляла реконструкцию последующей эпохи, свидетельствует не только сказочный характер датированных материалов, но и тот факт, что вообще летописание началось в Силла не раньше середины VI в. Искажения в ранних частях летописей, конечно, крайне затрудняют решение вопроса о времени возникновения государства Силла. В «Саньго чжи» оно упоминается «среди 20 с лишним государств» Пёнджина под названием Саро (в других китайских источниках названо также Силло, Сара), тогда как корейские летописи называют его Сонаболь, Сояболь, Сораболь. Приводя легенду об основании (в 57 г. до н. э.) этого «государства» неким Пак Хёккосе, избранным в качестве косогана, летописи сообщают: «Государство называлось Сонаболь. Первоначально пришлые из Чосо-на расселились посреди гор и ущелий, образуя шесть деревень. Первая называлась деревней Янсан у реки Альчхон, вторая — деревней Кохо у горы Тольсан, третья — деревней Чинджи (иногда называют деревней Уджин) у горы Часан, четвертая — деревней Тэсу у горы Мусан, пятая — деревней Кари у горы Кымсан, шестая — деревней Коя у горы Мёнхвальсан. Они являлись шестью общинами (бу) Чинхана. Однажды старейшина деревни Кохо Собольгон, глядя на склон горы Янсан, на середину бора, что возле Наджона, увидел лошадь, которая стояла на коленях и рыдала. Тотчас же он направился туда, чтобы рассмотреть ее, но лошадь внезапно исчезла, и осталось только большое яйцо, разбив которое, он обнаружил маленького ребенка. Он взял с собой ребенка и вырастил его. Когда минуло ему десять лет, он очень рано созрел в мудрости, поэтому люди шести общин, почитавшие его из-за удивительного происхождения, с этого времени сделали его князем. Чинханцы тыкву называли «пак», а так как большое яйцо, которое было вначале, напоминало тыкву, то и дали ему фамилию Пак. Косоганом чинханцы называли вана

(или некоторые считают, что это было звание знатного человека)»⁴⁸. Несмотря на фантастический характер этого рассказа, в нем помимо названий силланских общин (вероятно, позднейшего времени) можно обнаружить воспоминание о тех временах, когда эти общины избирали своего вождя. В вымышленном имени Хёккесе и его титуле зафиксировались нарицательные имена (титулы) вождей силланских общин в давние времена. Не только «основатель», но и более полутора десятка последующих ванов представляли вымышленных лиц, но их титулы «чхачхаун», «исагым» и пр., как и «косоган», очевидно, существовали как звания вождей родо-племенных коллективов. Титул «чхачхаун» или «чачхун» («жрец») напоминает о времени, когда в одном лице совмещались вождь и жрец. Поскольку годам «правления» вымышленных царей летописцы приписали реальные события и дела более позднего времени (для придания им архаичности или исконности), очень трудно выявить тот рубеж, когда на смену союзу родо-племенных групп пришло государство Силла, в котором деление населения по кровному родству сменилось территориальным, а на смену первобытной демократии пришла какая-то форма монархии. Именно эта путаница в традиционной хронологии в немалой степени обусловила различия во взглядах современных историков на время возникновения государственности в Силла. Так, например, годам мифического вана Юри (третьего по традиционной хронологии) приписаны такие важные, характерные для процесса формирования государства факты, как преобразование шести силланских (кровнородственных) общин в территориальные единицы (в столичные округа) и учреждение 17 чиновных рангов. Как сообщают летописи, в 9 году правления вана Юри (т. е. в 32 г. н. э.) «были изменены наименования (переименованы в округи?) шести общин, и им присвоены фамилии: община Янсан (бу) переименована в (округ) Янбу с фамилией Ли, община Кохо (бу) — в Сарянбу с фамилией Чхве, община Тэсу (бу) — в Чоянбу (некоторые называют Морянбу) с фамилией Сон, община Уджин (бу) — в Понпхибу с фамилией Чон, община Қари (бу) — в Хангибу с фамилией Пэ и община Мёнхвальбу (или Қоя. — М. П.) — в Сыппибу с фамилией Соль, и учреждены чины, различавшиеся на 17 степеней: 1) ибольчхан, 2) ичхокчхан, 3) чапчхан, 4) пхаджинчхан, 5) тэачхан, 6) ачхан, 7) ильгильчхан, 8) сачхан, 9) кыппольчхан, 10) тэнама, 11) нама, 12) тэса, 13) соса, 14) кильса, 15) тэо, 16) соо, 17) чови»⁴⁹. Если бы факты в этом сообщении соответствовали отмеченной дате, то нетрудно было бы определить и время возникновения государства Силла.

Однако приведенное сообщение, подобно другим рассказам об актах милосердия (например, «амнистиях») мифических царей,

⁴⁸ Ким Бусик. Самгук саги. М., 1959, с. 71.

⁴⁹ Там же, с. 78.

об «областях» и «уездах», о некоторых завоеваниях соседних земель, отражает события более позднего времени, перемешанные летописцами для возмещения недостающих фактов при реконструкции истории легендарного прошлого. А действительный уровень социально-экономического развития даже по описаниям III в. н. э. не дает еще основания говорить о существовании государства, поскольку в целом родо-племенная организация сохранялась у всего населения южной части Корейского полуострова. Вот почему некоторые историки предлагают сообщение 9 г. правления третьего вана Юри считать относящимся к 9 г. «правления» четырнадцатого вана с тем же именем Юри (иногда его называют Юре во избежание путаницы), т. е. к 292 г. н. э. Но и такую передвижку другие историки считают недостаточной, полагая более вероятным учреждение территориальных округов при 20-ом правителе — марипкане Чаби, ибо в записи 12 г. его правления (469 г.) говорится о том, что установлено наименование столичных районов (кварталов и улиц)⁵⁰. Позднее происхождение приведенного сообщения об установлении фамилий шести общин объясняет и несовпадение названных фамилий с фамилиями (наименованиями) тех родов, которые, играя ведущую роль в союзе шести племен, выдвигали всех легендарных ванов (вплоть до семнадцатого) и представляли общины Кыпрянбу (фамилия Пак), Понпхибу (фамилия Сок) и Сарянбу (фамилия Ким).

Время возникновения государства может быть выяснено лишь путем изучения социально-экономических и политических процессов, сделавших неизбежным его появление, т. е. процессов зарождения классов и развития классовой борьбы. Именно изучение этих процессов затрудняется отмеченными недостатками ранних летописей (хронологическое смещение фактов, искаженное представление о социальных процессах и пр.). И тем не менее из летописей Силла можно узнать, как силланские общины, образовав политический союз, заняли ряд территорий соседних общин, расположенных по левобережью р. Нактонган (в среднем течении), а затем вступили в борьбу за расширение своих владений в северном, южном и западном направлениях. Надо полагать, что в ходе завоеваний включение иноплеменных элементов в состав Силла усиливало разложение родовых отношений и выдвигало задачу территориального деления населения. Господствующий класс стал формироваться не только из аристократии племен-завоевателей, образовавших союз во главе с Саро, но также и из родо-племенной знати покоренных общин. В летописях сообщается, что уже в 236 г. (насколько можно довериться точности этой даты) правитель (вождь) общины Кольболь покорился власти Силла и получил земельный надел (чонджан) на территории силланских общин⁵¹. Хотя и нет уверенности в абсолютной точности дат, в

⁵⁰ См.: там же, с. 119.

⁵¹ См.: там же, с. 99.

записях с III в. все чаще говорится о социальной дифференциации и конфликтах. Попадают весьма красноречивые записи о том, что «год (253) выдался голодный, было множество воров и разбойников», «год (259) был неурожайный, было множество воров». Разорение народа, видимо, вызывалось не только стихийными бедствиями, но и социальными причинами, судя по записям (например, 293 г.) о появлении «богатого населения» (хомин)⁵². Процесс социальной дифференциации усиливался, вероятно, по мере развертывания захватнических войн и расширения территории союза племен или зарождающегося государства Силла. В конце III в. этот процесс не получил еще большого развития, судя по тому, что рядом с Силла пока оставались самостоятельные общины, например община Исого, которая в 297 г. совершила нападение на столицу Силла город Кымсон (совр. Кёнджу). Значительное расширение территории и укрепление политической организации Силла имели место со второй половины IV в., когда установились непосредственные отношения с Пэкче и другими государствами. Возникновение сильных государств на территории Корейского полуострова (Когурё и Пэкче) немало повлияло на быстрое укрепление политической организации в Силла. В этой связи примечательно и появление нового титула силланских правителей — звания марипкана, носившего определенную классовую окраску и тем отличавшегося от прежних званий старейшин и вождей. Этимологически это название восходило к слову «мари» («голова») или «мару» (башня, возвышенное место, крыльцо), придававшему титулу возвеличительное значение. Появление этого титула «Самгук саги» относит к правлению девятнадцатого (по традиционной хронологии) правителя Силла — Нульчи (417—458), а «Самгук юса» — ко временам семнадцатого правителя Намуля (356—402)⁵³. Правильным считается сообщение «Самгук юса», подтверждаемое другими источниками. Китайские династийные истории указывают на то, что впервые в 18 г. эры Цзянь-ань императора Фуцзянь династии Цзинь (т. е. в 382 г.) «силланский ван Рухан (Лоухан) прислал [посла] Виду, который преподнес [китайскому императору] красивую девушку...» и т. д.⁵⁴. По времени это сообщение совпадает с 27 г. правления Намуля и подтверждает существование тогда титула марипкана, так как названный китайцами «Рухан» представлял не личное имя, а титул силланского правителя (испорченное слово «марипкан»). Некоторые историки считают марипкана Намуля даже подлинным основателем государства Силла, а не только родоначальником династии Ким, как сообщают летописцы. В годы правления Намуля пэкчешский ван Кынчхого захватил все маханские общины, и Пэкче

⁵² См.: там же, с. 101, 104.

⁵³ Ким Бусик. Самгук саги, с. 114; Самгук юса (Дополнение к истории трех государств). Пхеньян, 1959, с. 19.

⁵⁴ Ли Бёндо, Ким Джэвон. Указ. соч., с. 389.

стало непосредственно граничить с общинами, находившимися под силланским влиянием. Серьезные заботы Силла вызывало также усиление каяских «государств», действовавших к тому же в союзе с воинственными вождями японских племен.

Каяскими «государствами» назывались общины пёнджинских племен в бассейне нижнего течения р. Нактонган (преимущественно по западному берегу). Многие из них упоминаются при описании корейского населения в «Саньго чжи», как, например, Пульса (в районе совр. Чханнён), Куя (в районе Кимхэ), Анъра (в районе Хамана), Миояма (в районе Корёна) и др. Вокруг сильных общин (или племен) в III—IV вв. образовались политические союзы, различавшиеся на Верхнюю Кая и Нижнюю Кая, или называвшиеся «Шесть Кая» (Юккая) и «Пять Кая» (Окая). Верхней Кая, или Большой Кая, — Тэкая (Имна или Мимана по японским источникам) назывался политический союз во главе с общиной Миояма. Нижняя или Южная Кая (или собственно Кая) называлась «государством Кымгван» или Кара, Каран, Карак (иногда Тэкарак или Великий Карак). Но все это представляло варианты одного и того же названия, восходящего к слову «кан-нара» или «ка'нара», означавшему «крайнюю» или «прибрежную страну». С началом их политического объединения появились и мифы о так называемых «основателях государств». Так, основателем Кымгван Кая мифы считают Ким Суро, который якобы правил с 42 г. н. э. и прожил 158 лет. Возможно, что под этим именем был изображен один из позднейших, реально существовавших вождей (чинджи) пёнджинских или каяских общин. Мифическая хронология о давнем происхождении Каяского «государства» не выдерживает критики, так как за почти пятисотлетний период названо всего лишь десять имен «правителей». Вместе с тем мифы говорят о тех временах, когда каяские общины избирали своих вождей (ган)⁵⁵.

Каяские общины издавна поддерживали торговые связи с японскими племенами (часто выступая посредниками в их торговле с китайцами), продавали им железо, золото и серебро, ткани, зерно, жемчуг. Возможно, что возникали временами какие-то торговые поселения японцев на каяской земле (Имнабу), которые в IV в. они попытались превратить в оплот своего военного разбоя, поскольку каяские общины нуждались в военной поддержке для борьбы против поднимающихся соседних государств, особенно Силла. Но, с другой стороны, укрепление союзов каяских племен и объединение их усилий с действиями вождей японских племен (или варварских государств) для нападений на Силла сделали естественным ее стремление к еще большему упрочению внутриполитической организации и к поискам союзников. В такой ситуации Силла неоднократно (в 377 и 392 гг.) снаряжала послов

⁵⁵ Мифы и «генеалогию» царей Карака дает автор Самгук юса.— В кн.: Самгук юса, с. 259—286.

к китайскому императору династии Цинь (Цзинь), устанавливала отношения с государством Когурё (первый когурёский посол прибыл в Силла в 392 г.)⁵⁶.

Из текста стелы на могиле когурёского вана Квангэтхо известно, что в 399 г., когда каяские войска и японцы стали нападать и разрушать силланские города (крепости), Силла направила в Когурё посла с большой просьбой о военной помощи. В следующем, 400 г. направленные когурёским ваном 50-тысячные войска изгнали японцев из занятых городов, а затем, преследуя их, дошли до Имна Кая и добились ее капитуляции. Одновременно сообщается о захвате силланских земель каяской общиной Анъра (Аллá). Спустя некоторое время японские отряды попытались помочь Пэкче в борьбе против Когурё, но были разбиты войсками вана Квангэтхо в 404 и 407 гг.⁵⁷ Эти поражения серьезно ослабили активность японцев в каяских общинах и силу сопротивления этих общин силланскому продвижению. В течение первой половины V в. все земли по восточному берегу Нактонгана стали владением Силла, но продвижение на западный берег все еще наталкивалось на сопротивление каяских общин и японцев. От этого периода борьбы Силла с японскими вторжениями сохранились легенды о мужественных борцах против японских захватчиков (о Пак Чесане⁵⁸ и др.).

Появившийся во второй половине IV в. титул марипкана, видимо, служит показателем важного перелома в социально-политическом развитии силланского общества. Возможно, что с этого времени вождь политического союза племен становился во главе новой государственной организации. Может быть, тогда и началось создание приписываемых мифическим царям государственных институтов, чиновных степеней. Может быть, смутным свидетельством этого является сообщение «Самгук саги», что в 357 г. «лица, отличавшиеся сыновней почтительностью и благонравием, [были] повышены в чине на одну степень»⁵⁹. Кстати, с этого периода становятся все более достоверными исторические записи в летописях, и по ним уже можно судить, что в течение V в.

⁵⁶ См.: Ким Бусик. Указ. соч., с. 111.

⁵⁷ Ли Бёндо, Ким Джэвон. Указ. соч., с. 405. Однако согласно новейшим воззрениям корейских историков местонахождение Имна (Мимана) и всего района столкновений корейских государств с японскими племенами следует искать на территории собственно японских островов, так как опубликованные тексты надписей на стеле Квангэтхо, подвергавшиеся фальсифицированной обработке японских милитаристов с конца XIX в., не заслуживают доверия, а по данным археологии значительная часть японских островов в начале новой эры была заселена выходцами из Кореи.

Вопрос о характере корейско-японских отношений в древности служит предметом оживленных споров и дискуссий среди современных японских историков (см. кн.: «Кодай Тесэн то Нихон». — Корея и Япония в древности. Токио, 1974). Поэтому он заслуживает специального рассмотрения.

⁵⁸ Самгук саги, т. II, с. 393—395.

⁵⁹ Ким Бусик. Указ. соч., с. 109—110.

(а затем и в первой половине VI в.) обострение классовых противоречий и необходимость военной борьбы с соседями заставляла господствующий класс создавать новые органы власти и совершенствовать систему управления. Убийство правителя Сильсона и воцарение в 417 г. марипкана Нульчи, изображенное в летописи как действие в целях самообороны, может быть, в действительности имело связь с острой борьбой за власть в правящем классе в обстановке общего обострения социальных противоречий. Об ухудшении положения народа говорят, например, сообщения о том, что в 420 г. народ голодал, и многие продавали своих детей, что в 432 г. весной, когда вздорожало зерно, люди ели сосновую кору⁶⁰.

Характерно, что народная нищета росла в условиях общего подъема производительных сил, когда развернулось строительство больших ирригационных сооружений (в 429 г. была построена плотина Сичже длиной в 2170 по), перешли к широкому применению упряжки крупного рогатого скота для перевозки грузов в телегах (с 438 г.) и для пахоты (с 502 г.). Эти нововведения и почвенно-климатические условия благоприятствовали развитию земледелия. Об уровне развития ремесел можно судить по высокохудожественным изделиям из кургана Золотой короны (около г. Кёнджу), где археологами раскопаны многочисленные золотые украшения, составлявшие парадное убранство похороненной царской четы. Факт учреждения (в 490 г.) особого управления стольничим рынком свидетельствует о роли торговли. Транспортная система страны была централизована (с 487 г.) в виде особой службы по казенным дорогам (квандо), состоявшей из разветвленной сети почтовых станций (ёк)⁶¹. За экономическими переменами развивающегося классового общества последовали и политические.

Хотя многие историки считают, что к концу V в. уже завершилось складывание государства Силла (территориальное деление населения и создание публичной власти), факты свидетельствуют, что еще и в первой половине VI в. создавались там государственные институты. В прямой связи с утверждением государственных начал находилось запрещение с 502 г. варварского обряда человеческих жертвоприношений после смерти правителя, когда «убивали по пять мужчин и женщин для захоронения (вместе с ним)»⁶². Именно в это время в Силла воспринимаются китайские феодальные образцы для построения государственного аппарата. В 503 г. марипкан Чиджын (500—514) принял китайский титул вана, установлено устойчивое название государства как Силла, причем символическое толкование иероглифов этого названия подчеркивало, что новое государство представляет сое-

⁶⁰ См.: там же, с. 115, 116.

⁶¹ См.: там же, с. 116, 122. (1 по-6 чхок.)

⁶² Там же, с. 125.

динение («ра» или «ла» означало сеть, ткань) различных земель, вошедших в его состав. Именно в это время сложилась структура централизованного административного управления страной. В 505 г., как сообщается в «Самгук саги», «ван лично определил области (чу или джу), округа (кун) и уезды (хён), и с учреждением области Сильджик назначил Исабу правителем этой области — кунджу. Так впервые возникло название «кунджу»⁶³. Следовательно, термины «кунджу», «области», «округа», «уезды», неоднократно упоминаемые в более ранних рассказах, не имели реальной основы и не могут приниматься в расчет при определении времени возникновения государства. При ване Чиджыне в качестве административной единицы (наряду с областями, округами и уездами) была установлена и малая столица (согён). Это административное устройство оставалось и в дальнейшем, хотя и менялись общее количество, наименования и расположение областей, округов, уездов и малых столиц. Преемник Чиджына ван Попхын (514—540) продолжал создавать государственные институты⁶⁴. В 517 г. установлено центральное военное ведомство (Пёнбу). В 520 г. выработаны законы, касающиеся уголовных наказаний и порядка административного управления, а также — ношение всеми чиновниками форменной одежды различных расцветок. В 531 г. учреждена должность первого министра — санлэдына, ведавшего всеми делами государственного управления. Новая идеология соответствовала задачам этой государственности. Буддизм, проникший из Когурё (с 528 г.), получил официальное признание: в 544 г. был построен монастырь Хынюкса, а подданным государства разрешено уходить в монахи. С 545 г. началась работа по составлению истории государства, которая на основе принципов конфуцианства должна была способствовать укреплению основ государства.

Создание нового государственного аппарата Силла совпало с временем напряженной борьбы против соседних государств и племен за дальнейшее ее территориальное расширение. В 512 г. морская экспедиция силланцев покорила жителей острова Уллындо, называвшегося «государством» Усан. Велась длительная дипломатическая и военная борьба за присоединение каяских общин, находившихся накануне создания собственной государственности. Японские источники рассказывают, что часто силланских принцесс выдавали замуж за каяских вождей, и с этими принцессами прибывала многочисленная свита, вмешивавшаяся в дела Кая. Однако правители Силла с трудом преодолевали сопротивление каяских общин в районе Тэгу и других частях бассейна р. Нактонган. Несомненно крупной победой Силла было присоединение государства Кымгван, или Основной Кая (Понкяя) в 532 г. Лето-

⁶³ См.: там же, с. 126.

⁶⁴ См.: там же, с. 127—130.

писи передают, что в этом году «прибыл и отдался под власть Силла глава Кымгванского государства Ким Кухэ с супругой и тремя сыновьями — старшего из них звали Ноджон, среднего — Мудок и младшего — Мурёк, — а также со всеми сокровищами казны. Ван принял их согласно обычаям и пожаловал им высшие чины, а их исконную землю превратил в кормовое владение — сикып»⁶⁵. Конечно, капитуляцию Кымгван Кая можно объяснить только тяжелым положением, когда каяские общины оказались зажатыми с двух сторон государствами Пэкче и Силла, а также возрастающей мощью последней.

Если раньше в борьбе со своими противниками Силла прибегала к помощи Когурё, то в 50-е гг. VI в., серьезно усилившись, она вместе с Пэкче повела борьбу против дальнейшей экспансии Когурё на юг. Эта борьба на время отвлекла ее от каяских общин. Воспользовавшись усталостью когурёских и пэкческих войск в борьбе за крепости Тосальсон и Кымхёнсон, Силла в 550 г. захватила эти крепости, а затем вместе с Пэкче вытеснила когурёские силы из бассейна р. Ханган. Заняв территорию по нижнему течению р. Ханган, Силла вовсе не помышляла о возвращении Пэкче его исконных владений, а стремилась к укреплению своих позиций на западном побережье, открывавшем путь для прямого сношения с китайскими государствами. Одновременно на северо-востоке она расширила свои владения вплоть до современного Анбёна в провинции Южн. Хамгён. После этого ван Чинхын направил свои силы против каяских общин. В 562 г. он разгромил и присоединил Тэкая (или Имна Кая). Затем эту участь разделили Анъра и другие каяские общины, всего около десяти. Японцы после этого утратили всякую опору среди корейского населения, и во всей Корее не оставалось никаких самостоятельных политических сил, кроме трех государств — Когурё, Пэкче и Силла. Овладев бассейном двух важнейших рек Кореи — Нактонгана и Хангана, — Силла во второй половине VI в. превратилась в могущественное государство. На его границах высились громадные каменные межевые столбы, высеченные при посещениях пограничных мест ваном Чинхыном. Сохранилось четыре из этих памятников, найденных в разных концах страны: в Чханнёне (пров. Южн. Кёнсан, памятник 561 г.), на горе Пукхансан (пров. Кёнги, поставленный в период между 561 и 568 гг.), в Хванчорёне и Маульлёне (пров. Южн. Хамгён, поставленные в 568 г.).

Для управления этой территорией существовала разветвленная администрация. Государственно-бюрократическая иерархия возглавлялась ваном, возвеличению (культу) которого были посвящены заимствованные из Китая обычаи ношения подданными траура по умершему монарху, символические наименования (де-

⁶⁵ Там же, с. 130.

визы) годов правления ванов, посмертные титулы и пр. Важнейшие государственные дела ван должен был обсуждать на совещании высшей аристократии — Хвабэк, которое все решения принимало единогласно. От имени вана главный министр (сандэдын) руководил всеми правительственными ведомствами: общих дел (Пхумчжу), военным (Пёнбу), по делам чиновников (Вихвабу), налогов и финансов (Чобу), транспорта и сообщений (Сынбу), просвещения и обрядов (Ребу), внешних сношений (Рёнгэкпу), управления рынком (Тонсичжон) и др. Центральному правительству была подчинена вся местная администрация, конечная цель которой сводилась к управлению деревенскими общинами.

Армия состояла из столичных и провинциальных войск, причем основной единицей столичных войск были отряды Тэдан, а провинциальных — шесть гарнизонов (чон). Во главе армии стоял главнокомандующий (тэгван тэгам), подчинявшийся вану. Армия была основана на обязательной (трехлетней) воинской повинности всего мужского крестьянского населения. Большой удельный вес свободного крестьянства, сохранявшего общинную организацию, незначительность слоя ноби (находящихся у аристократии), вероятно, обеспечивал большую прочность государственной централизации в Силла по сравнению с Пэкче или Когурё.

С созданием государственного аппарата правящий класс был озабочен организацией отбора людей на службу. Сначала устраивались большие приемы, на которых ван присматривался к поведению молодых людей, чтобы выбрать лучших. Со второй половины VI в. особую роль стала играть организация хваранов («цветущей молодежи»), восходящая своим происхождением к молодежным организациям первобытных времен. Хвараны (молодые люди из аристократических семей), организованные в отряды, проходили особую выучку, духовную и физическую закалку. Основой их нравственного воспитания служили идеи конфуцианства, буддизма и даосизма. Кодекс их морали «Сесок оге» («Пять предостережений к поведению в свете») включал конфуцианские идеи преданности государю, почтительности к родителям и верности друзей, даосский завет о магическом спасении при безграничной храбрости и буддийское учение о милосердии. Наряду с этим большое внимание уделялось военной и физической тренировке во время длительных путешествий в горы и к красивым рекам, выработке хороших манер, обучению песням и танцам. Заметная роль хваранов проявилась уже в VI в. При завоевании Тэкая (в 562 г.) наибольшие заслуги были признаны за пятнадцатилетним хвараном Садахамом. Летописи отмечают, что, получив в награду 300 пленных, он не поработил их, а отпустил на свободу⁶⁶. Роль хваранов еще более возросла в VII в., когда из

⁶⁶ См.: там же, с. 133—134.

их рядов вышли многие выдающиеся полководцы и политические деятели.

С развитием государства Силла произошли изменения и в области культуры. Вместе с распространением конфуцианства ширилось и совершенствовалось употребление китайской письменности. Разработанная в Силла система передачи китайскими иероглифами местного языка (система «иду») позволяла записывать произведения устного поэтического творчества (хянга). С введением буддизма развивалось буддийское искусство — архитектура храмов, скульптура буддийских святых и т. д. С 553 г. в течение 16 лет строился храм Хванёнса («Храм императорского дракона») в дворцовом городке Вольсон. Лишь на отливку одной статуи Будды для этого храма было затрачено 35 тыс. гын меди и 10 198 пхун золота*. С прибытием музыканта Урыка из Кая корейские летописи связывают зарождение в Силла профессиональной музыки и хореографии.

Наконец, остается выяснить — на базе каких общественно-экономических отношений выросло государство Силла, и интересы какого класса оно защищало. Хотя некоторые историки считали Силла (равно как и Когурё и Пэкче) рабовладельческим государством, им не удалось показать значение рабовладельческого уклада в экономике Силла, роль рабов в общественном производстве. В то же время по историческим источникам видно, что основным эксплуатируемым классом в силланском государстве являлись зависимые от него крестьяне, сохранявшие, по всей вероятности, общинную организацию. Уже при самом зарождении классового общества племена завоевателей эксплуатировали население завоеванных общин в качестве зависимых крестьян-данников. Процесс территориального расширения Силла фактически означал утверждение государственной собственности на землю, служившей основанием для присвоения правящим классом труда крестьян из вполне зависимых общин. В целом все крестьянство служило объектом для эксплуатации правящим классом, организованным в государство. В «Самгук саги» помещен указ 144 г. (дата сомнительна, мог быть издан значительно позднее), содержащий примечательные слова о том, что «земледельцы (крестьяне) составляют основу государственности, а питание народ приравнивает Небу (богу), и поэтому в областях и округах для расширения обрабатываемых полей должны быть построены оросительные плотины и дамбы». Одновременно был издан и указ, которым «воспрещалось употребление в народе золота, серебра, жемчуга и яшмы»⁶⁷. Государство принуждало крестьян заниматься земледелием, фактически прикрепляя их к земле. В 489 г., по сообщению «Самгук саги», власти вернули к земледельческим занятиям*

* Гын (ок. 600 гр.) состоит из 1600 пхун.

⁶⁷ Там же, с. 89.

«народ, который гулял и тунеядствовал»⁶⁸. Государство приобрело неограниченную власть над народом, регламентируя все стороны его жизни. Бесправное положение народа закреплялось сословной структурой общества. Костяк правящего класса, состоявший из аристократии шести основных общин (потом округов) Силла, делился на пять разрядов (сословий). Первый, высший, разряд составляли представители царского рода, или «священная кость» куда входили прямые потомки глав трех родов — Пак, Сок и Ким. Второй разряд составляли потомки сонголь по боковой линии и старейшие остальных трех общин, которые вместе назывались «истинной костью». И только они могли получать 5 высших чиновных рангов (из 17). Третий разряд назывался юктупхум («шестиглавая степень»), четвертый — одупхум («пятиглавая степень») и пятый — садупхум («четырёхглавая степень»). Вожди завоеванных или покорившихся общин назывались чинчхонджу, или чхачхонджу, и приравнивались четвертому и пятому разряду. Разряды знатности строго соблюдались при присвоении чинов, заключении браков и пр. Ими регламентировался выбор жилья, колясок, одежды и пищи. Крестьяне были вне разрядов и составляли простонародье (пхёнмин), которое подвергалось строгому надзору и контролю государственного аппарата, устанавливавшего всевозможные запреты (кымдже): народу запрещалось жить в больших домах, одеваться в шелка, носить кожаную обувь и т. д. Народ обязан был нести повинности в пользу государства.

Основными формами государственной эксплуатации крестьян являлись поземельный и подворный налог (составлявшие продуктовую ренту), а также трудовые (отработочные) повинности. О существовании поземельного и подворного налогов можно узнать по сообщениям летописей об эпизодическом освобождении от них. Так, в 555 г. после путешествия вана Чинхына в Пукхансан был издан указ: «...в областях и округах, через которые он проехал, население освобождается на один год от уплаты поземельного и подворного налогов»⁶⁹. Эти налоги взимались зерном, тканями, а также разнообразными продуктами местного происхождения, от лучших колосьев риса до длиннохвостых белых фазанов. Широкое распространение получили отработки крестьян на строительстве крепостей, дворцов, оросительных сооружений и пр. Так, например, в 504 г. одновременно были мобилизованы крестьяне для постройки 12 городов (крепостей): Пхари, Мисиль, Чиндок, Кольхва и др.⁷⁰

Государственная форма эксплуатации крестьян являлась не единственной, хотя и преобладающей. В источниках имеются сообщения о возникновении некоторых форм частного землевладения. Уже упоминалось, что после перехода на сторону Силла

⁶⁸ Там же, с. 122.

⁶⁹ Там же, с. 133.

⁷⁰ См.: там же, с. 126.

правителя Кымгван Кая эта территория была передана ему в качестве кормового округа (сикып). Говорилось и о пожаловании представителям знати земельного угодия — чонджан. Несомненно значительную форму крупного землевладения составляли владения буддийских монастырей. Можно предположить, что в этих владениях употреблялся и труд подневольных ноби (например, из числа военнопленных), но в том случае, когда последние наделались участками земли и вели свое хозяйство, их эксплуатация не отличалась от феодально-крепостнической.

При всей неполноте имеющихся данных общественные отношения, развивавшиеся в этот период в государстве Силла, можно определить как складывающиеся феодальные, поскольку в основе их была эксплуатация зависимого общинного крестьянства. Государство, при этом играло активную роль в закреплении крестьян и подчинении их власти крупных землевладельцев.

По мере развития этих отношений усиливалась борьба между тремя государствами за захват земельных владений и сидящих там крестьян.

РАЗВИТИЕ ТРЕХ ГОСУДАРСТВ И ИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ. ВОЙНЫ И ВНЕШНИЕ СВЯЗИ

Возникновение и укрепление трех государств ликвидировало китайское влияние, поддерживавшееся через округа, учрежденные некогда на территории корейских племен. Борьба молодых корейских государств облегчалась тем, что в самом Китае существовали в то время многочисленные, борющиеся между собой (в том числе и варварские) государства. Уже в начале IV в. государство Когурё подвергалось непрерывным атакам китайские округа Сюаньту и Ляодун (особенно город Сианьпин), присоединило часть земель сушеней (Илоу), ликвидировало округ Лолан (Аннан в корейском чтении) на Корейском полуострове (в 313 г.). Овладение северо-западным побережьем Корейского полуострова открывало Когурё путь не только для международных морских связей, но и к плодородным равнинам юга. Но тогда Когурё предстояла еще тяжелая борьба с одним из пяти варварских государств Северного Китая — с сяньбийским государством Муюнов (государством Хоу Янь) за территорию округов Сюаньту и Ляодун. Как известно, в 342 г. сяньбийские войска захватили и разорили столицу Когурё. Продвижение Когурё на юг наталкивалось на сопротивление государства Пэкче, овладевшего округом Дайфан (Тэбан) и стремившегося расширить свои владения в северном направлении. Пэкче активно устанавливало связи с Восточно-Цзиньским государством в Китае и с Японией, где выходцы из Пэкче занимались распространением китайской письменности и конфуцианских идей (Ачиккжи, Ванъин).

Дальнейший рост корейских государств привел к ожесточенной борьбе между ними, имевшей целью в конечном счете объединение Корейского полуострова под властью одного из них. Социально-экономическую основу этой борьбы несомненно составлял процесс формирования государственной собственности на землю и подчинения общинного крестьянства власти складывающегося класса крупных феодальных землевладельцев. Темпы социально-экономического развития Когурё и Пэкче обусловили начавшуюся борьбу именно между этими государствами. После двух десятилетий ожесточенных столкновений решающие победы были одержаны государством Когурё. За 22 г. (391—413) правления вана, получившего посмертное имя «расширителя земель» — Квангэтхо (его звали также Ённак, Хотхэ), государство Когурё одержало крупные победы на севере и юге.

Нанеся поражение сяньбийскому государству Муюнов, Когурё на севере присоединило территорию бывших китайских округов Сюаньту и Ляодун, выдвинув границу к реке Ляо и к верховью р. Сунгари. С вытеснением Пэкче владения Когурё на юге включали бассейн р. Имджинган. В состав Когурё вошли также еские земли на восточном побережье Кореи и остававшиеся до сих пор независимыми сушеньские (илоуские) общины. Квангэтхо, как уже отмечалось, посылал войска на помощь Силла в борьбе с каяскими общинами и японцами. Во время своих походов этот ван захватил или разрушил 64 вражеских города и более 1400 селений. Об этом повествует каменная стела на его могиле, сохранившаяся на месте бывшей столицы Когурё, — Хвандо (сейчас в уезде Цзиань в КНР) ⁷¹.

Политику Квангэтхо по расширению и укреплению государства Когурё продолжал его преемник ван Чансу («Долгожитель», проживший 98 лет). На пятнадцатом году его правления, в 427 г., столицей Когурё стал Пхеньян в бассейне р. Тэдонган. Основанный еще в начале IV в. Пхеньян тогда состоял из крепости на горе Тэсонсан, дворцового городка Анхваккун у ее южного подножия и ряда укреплений, доходивших до северной окраины современного города. Даже по памятникам материальной культуры можно судить о заметных сдвигах в экономическом и культурном развитии Когурё после перенесения столицы в Пхеньян. С выходом к плодородным долинам юга на основе развития сельского хозяйства был обеспечен и высокий уровень ремесел, архитектуры, живописи и пр., о чем говорят возведенные в этот период величественные гробницы в районе Пхеньяна. Экономические и культурные достижения позволяли Когурё налаживать со своими соседями обмен материальными и духовными ценностями. Торговля с северными китайскими династиями, протекавшая в традиционной форме обмена «данью» и «подарками», велась пред-

⁷¹ См.: Пак Сихён. Указ. соч.

метами роскоши или культурного обихода господствующих классов. Когурё оказало заметное влияние на развитие ранней культуры японцев. Буддийские монахи из Когурё (Хечжа, Тамджон) пропагандировали в Японии буддийские и конфуцианские идеи, передавали разнообразное знание, в том числе производственные.

Укрепление государства Когурё в V—VI вв. привело к утверждению на всей его территории единой налоговой-податной системы, основывающейся на верховной государственной собственности на землю. Налоги вносились зерном и полотном, причем существовала градация по имущественному положению⁷². Наряду с номинальной государственной собственностью на земли, находящиеся во владении отдельных крестьян или их общины, вероятно, существовала фактическая собственность государства на земельные угодья, названные в летописях «казенными угодьями» (кван-вон), хотя и нет данных об их удельном весе. А о тенденциях к формированию крупного феодального землевладения можно лишь догадаться по сообщениям о влиятельных местных властителях, которые располагали своими вооруженными отрядами и пользовались ими в борьбе за власть. Однако рост этих сил еще не привел к ослаблению централизованного государства, служившего орудием захвата новых земель и подчинения общинного крестьянства. Укрепившись после перенесения столицы в Пхеньян, государство Когурё в 475 г. возобновило наступление против Пэкче. 30-тысячная армия вана Чансу захватила столицу Пэкче г. Хансон (совр. Квацзжу). Захваченный в плен пэкческий ван Кэро был убит. Бассейн реки Ханган (до самых южных пределов совр. провинции Кёнги) присоединен к владениям Когурё, а на юго-востоке его территория доходила до района современного Самчхока. Одновременно Когурё упрочило свое положение и на севере: после полного присоединения Пуё северо-восточная граница проходила в бассейне Сунгари, а западная граница прочно установилась по р. Ляо. О престиже Когурё как сильнейшего государства в Восточной Азии свидетельствовали большие почести, воздававшиеся его послам при дворе Вэйской династии в Северном Китае⁷³.

В VI в. развернулось строительство города Чанансон в предлах современного Пхеньяна, который стал столицей Когурё с 586 г. Новая столица представляла хорошо защищенную крепость, усиленную естественными преградами скалистой горы Моранбон и рек Тэдонган и Потхонган. Для надежной обороны она была разделена на внутренний (цитадель) и внешний город. В этот период было завершено административное деление на пять областей и три столицы. Когурё выступало как сильный претендент на объединение страны.

⁷² Суйшу (История династии Суй), кн. 81 (описание Когурё).

⁷³ Вэй шу (История династии Вэй), кн. 100, Лечжуань 88.

Усиление Когурё seriously стеснило позиции государства Пэкче, где также началось формирование феодальных отношений. И здесь быстрое развитие земледелия (особенно орошаемого рисоводства) обусловило общий подъем производительных сил. Высокого уровня достигли различные отрасли ремесленного производства — обработка металлов (пэкческие мечи и копья находили большой спрос в Японии), производство керамики (черепицы, изразцовых кирпичей и различных сосудов), шелковых и других тканей. Изделия пэкческих мастеров вывозились в Когурё, Силла, Японию и в китайские государства. Торговля, в свою очередь, стимулировала развитие ремесел и судостроения в Пэкче. Развитие производительных сил сопровождалось социальными сдвигами.

Основу зарождающихся феодальных отношений, очевидно, составляла государственная собственность на землю и вытекающая из нее общегосударственная система эксплуатации крестьян посредством налогов, поставок и трудовых повинностей. Разорение крестьян вследствие роста крупного землевладения, войн и стихийных бедствий обостряло классовые противоречия в Пэкче. Распространенной формой борьбы крестьян являлось бегство в соседние государства Когурё и Силла. Обострение внутренних противоречий ослабляло позиции Пэкче в борьбе с Когурё. Имеются факты, что Когурё стремилось не только воспользоваться этим, но и всячески осложнить внутренние раздоры в Пэкче. В летописях сохранился полулегендарный рассказ, как когурёский ван отправил в Пэкче своего лазутчика — буддийского монаха Торима. Воспользовавшись любовью пэкческого вана Кэро к шашкам (падук), Торим вошел в доверие к нему. В душевных беседах с ним Торим говорил о том, что для величия Пэкче не хватает лишь крепких городских стен, дворцов и других великолепных сооружений, и выражал сожаление по поводу того, что даже «прах прежнего вана остается в низине еле похороненным», а население города постоянно страдает от наводнений. Так, по совету Торима ван развернул огромные строительные работы и настолько истощил силы народа, что вызвал всеобщий ропот. А Торим тем временем убежал обратно в Когурё и доложил своему вану, что теперь как раз настало время ударить по ослабленному Пэкче. Так в летописи рассказывается о причинах поражения Пэкче и гибели вана Кэро в 475 г.⁷⁴ Потеряв бассейн реки Ханган, государство Пэкче перенесло столицу в Унджин (совр. Конджу) на р. Кымган. Территориальные потери и ухудшение экономического положения усилили внутренние противоречия в Пэкче, о чем свидетельствовали неоднократные покушения на престол со стороны представителей знати: убийство в 477 г. вана Мунджу узурпатором Хэгу, занимавшим пост военного министра (пёнгван чвапхён),

⁷⁴ Самгук саги, т. I, с. 615—617.

убийство вана Тонсона министром (виса чвахён) Пэкка в 501 г. и т. д. После пережитых потрясений правящая династия стремилась укрепить центральную власть и вооруженные силы, приостановить разорение крестьян путем прикрепления их к земле. Для обеспечения военной безопасности ван Сон в 538 г. перенес столицу в г. Саби (совр. Пуё), предпринял шаги к возрождению сил Пэкческого государства. Была налажена централизованная административная система (в 22 округах — тамно — управляли представители ванского рода), создан ряд центральных (нэгван) и провинциальных (вэгван) правительственных учреждений. Провинциальные войска были размещены в пяти провинциальных центрах. Активизировалась внешнеполитическая деятельность, направленная на поиски союзников для борьбы с Когурё.

Пэкче искало союза с южными китайскими династиями и с государством Силла. Однако Силла не была заинтересована в том, чтобы сразу рвать прежний союз с Когурё. Лишь в середине VI в., когда достаточно упрочились ее позиции, Силла вместе с Пэкче выступила против Когурё. В 551 г. союзникам удалось выбить Когурё из захваченных земель в бассейне р. Ханган. Однако через два года эти земли были заняты государством Силла, пробиравшим себе путь к западному побережью для прямых связей с Китаем. Это привело к войне между союзниками. В 554 г. пэкчский ван Сон двинул 30-тысячную армию против силланской епости Квансан (совр. Окчхон в пров. Сев. Чхунчхон), но потерпел тяжелое поражение. Сам ван был убит, а большая часть его войск погибла или попала в плен⁷⁵. Частичные успехи пэкчских войск не смогли изменить неблагоприятной обстановки. Наступление когурёских сил Пэкче надеялось сдержать при помощи китайских династий, а в борьбе против Силла опереться на японцев.

Международная обстановка борьбы между тремя корейскими государствами резко изменилась в 80-х гг. VI в., когда после 400 лет внутренних войн и состояния раздробленности Китай оказался объединенным под властью Суйской династии, создавшей огромное военно-бюрократическое государство. Проводя заватническую политику в отношении соседних стран, Суйская династия стала накапливать силы для покорения государства Когурё, граничившего с владениями Суйской династии. Перед лицом внешней опасности Когурё предпринимало шаги к ослаблению внутренних противоречий, вызванных ростом феодальных сил и разорением крестьян (сокращались повинности, принимались меры к поощрению земледелия и т. д.). Но прежде всего совершенствовалась организация войск, создавались государственные запасы продовольствия для длительной борьбы. В 598 г. Когурё направило 10-тысячный отряд конницы из мальгалей (мохэ) про-

⁷⁵ См.: Ким Бусик. Указ. соч., с. 132—133.

тив суйских войск в Ляоси. После этого суйский император Вэньди начал большую войну против Когурё, бросил против него 300-тысячную армию. Сухопутные войска были остановлены когурёсцами у р. Ляо. Проливные дожди и наводнения вскоре отрезали их от основных баз. Голод и болезни вместе с непрерывными атаками когурёсцев развалили армию захватчиков. Буря разнесла суйский флот, отправленный против Пхеньяна. После огромных потерь («8—9 человек из десяти», — как сообщают летописцы) суйская армия вынуждена была отступить⁷⁶. Внутренняя борьба в Суйской империи, убийство Вэньди и воцарение его сына (отцеубийцы) Яньди не устранили угрозы для Когурё. Поэтому Когурё наряду с военными приготовлениями налаживало дипломатические связи (с торками и др.) для организации совместной борьбы против Суйской династии, оказывала давление на Пэкче и Силла, чтобы улучшить позиции на юге. Между тем Суйская династия, собрав огромные ресурсы всего Китая, в 612 г. начала новую войну против Когурё. Целью ее было объявлено наказание непокорных вассалов, которые «выпали из сетей небесного закона», и избавление народа Когурё от тягот и повинностей. Это был, разумеется, обман. Яньди заявил, что хочет якобы «пожалеть людей и спросить с виновных». В первом месяце 612 г. из Чжозюня (район совр. Пекина) Яньди двинул 24 армии, чтобы «уничтожить теперь же нечестивых мятежников». Только боевые, сухопутные и морские, силы составляли 1 133 800 человек. Вместе со вспомогательными силами общая численность войск доходила до 3 млн. человек. Летописцы отмечают, что «знамена и стяги (двигающихся колонн) простирались на 960 ли», что никогда «ни в прошлом, ни в близкие времена не было собрано в поход столько войск». Вместе с императором Яньди в походе находились многочисленные правительственные канцелярии⁷⁷.

Этим силам противостояли 300-тысячные регулярные войска и население Когурё. Когурёский полководец Ыльчи Мундок выработал тактику упорной обороны в крепостях, а все районы по пути продвижения вражеских войск превратил в пустынное пространство (чхонъя). После первого удара по армии захватчиков при их переправе через р. Ляо когурёские войска стали оборонять крепость Ляодун (Ёдон на месте совр. Ляояна), сковавшую главные силы захватчиков. Окруженная сотнями рядов превосходящих сил вражеской армии, эта крепость в течение пяти месяцев отбивала все атаки противника и развеяла хвастливые угрозы Яньди о немедленном уничтожении Когурё. Когда борьба приняла безнадежно затяжной характер, суйский правитель решил снарядить специальный экспедиционный корпус для захвата когурёской столицы. 305-тысячная сухопутная армия (под коман-

⁷⁶ Самгук саги, т. I, с. 483.

⁷⁷ Там же, с. 487—489.

дованием Юйвэнь Шу и др.) должна была переправиться через Амноккан и ударить по Пхеньяну с севера в то время, когда туда придут из Шаньдуна морские силы. Но преждевременно прибывшие морем суйские войска попали в западню, устроенную защитниками Пхеньяна, и были полностью разгромлены. Это облегчило борьбу с основными сухопутными войсками, переправившимися через Амноккан. 300-тысячная суйская армия изматывалась непрерывными боями в невыгодных условиях. Когурёские войска Ыльчи Мундока по 6—7 раз то внезапно нападали на неё, то также внезапно отступали. Суйская армия не могла рассчитывать на помощь местного населения. В район Пхеньяна суйские войска подошли настолько изможденными и деморализованными, что не было никакой надежды на захват столицы Когурё. Это прекрасно понимал Ыльчи Мундок, когда писал суйскому командующему письмо с выражением лояльности. Советуя уйти, он писал: «Заслуги [Ваших] военных побед высоки, и если можно довольствоваться ими, не лучше ли было остановиться на этом»⁷⁸. На обратном пути при переправе через реку Сальсу (совр. Чхончхонган) на изнуренную суйскую армию со всех сторон обрушились следовавшие по пятам когурёские войска. Под грохот барабанов они обрушили на противника град стрел и копий. В коротком бою были разбиты все суйские экспедиционные силы. Из 305-тысячной армии в Ляодун вернулась лишь горсточка — 2700 человек. Остальные погибли или попали в плен. Поход суйского императора в 612 г. закончился полным поражением. Даже нарастающее недовольство внутри страны не остановило Яньди от продолжения войны. В четвертом месяце следующего (613) года он снова двинул войска против Когурё. После неудачной попытки захватить когурёскую крепость Синсон (в районе совр. Шэньяна) армия суйского императора обрушилась на крепость Ляодун, но его защитники в течение 20 дней упорно отбивали все атаки противника. Поступившие в это время известия о выступлении заговорщиков в Китае вынудили Яньди прекратить поход. Однако победной войной против Когурё он хотел поправить свои внутренние дела, поэтому затеял и третий поход в 614 г.⁷⁹ Стойкое сопротивление Когурё и развернувшиеся крестьянские восстания вынудили Яньди прекратить безнадежную войну. Поражения в войне против Когурё серьезно ускорили падение Суйской династии и воцарение династии Тан в Китае (в 618 г.).

Танская династия продолжала великодержавную политику, но пока не утвердилась ее власть, она поддерживала мирные отношения с Когурё. По мере выявления ее истинных целей покорения соседних стран Когурё ощущало надвигающуюся опасность. Вот

⁷⁸ Там же, с. 495—496.

⁷⁹ Там же, с. 498—502.

почему с 631 г. (в течение 16 лет) было предпринято строительство длинных оборонительных стен протяжением в 1000 ли от крепости Пуё до Бохайского побережья. Подготовка к борьбе против Танской династии стала интенсивнее после переворота Ён Кэсомуна, аристократа (тэин) Западной области. Назначенный надзирателем над строительством длинных стен, он в десятом месяце 642 г. убил вана Ённю и его приближенных, которые уступали давлению Танской империи (о чем свидетельствовало, например, уничтожение памятников, возведенных в честь побед Когурё над суйскими войсками). Посадив на престол вана Поджана (младшего брата убитого), Кэсомун захватил всю власть в качестве главнокомандующего войсками (макниджи) и взял курс на противодействие захватнической политике Танской династии. Кэсомун стремился собрать антитанскую коалицию народов маньчжуро-монгольского района. Путем сближения с Пэкче он хотел парализовать государство Силла. Во внутренней политике он укреплял центральную власть и военное могущество государства, развернув борьбу с феодально-сепаратистскими тенденциями. Поощрение даосизма при Кэсомуне, вероятно, объяснялось стремлением ослабить сепаратистские устремления буддийской церкви.

Союз с Когурё позволил государству Пэкче перейти к активной борьбе с Силла и занять целый ряд пограничных крепостей. Оказавшись в изоляции, Силла обратилась за помощью к Танской династии. Это послужило поводом для вмешательства и возобновления Танами войны против Когурё. На возражения сановников, предостерегавших от войны с Когурё, танский император Тайцзун (Ли Шиминь) отвечал: «Кэсомун убил [своего] государя, истребил его министров и своевольничает, поэтому люди целого государства, вытянув шею, ожидают помощи, и те, кто возражает [против похода], не понимают именно этого». Провозгласив «справедливый» характер войны, имеющей якобы целью покарать узурпатора Кэсомуна, танский император в девятом месяце 644 г. начал поход против Когурё, двинув одновременно сухопутные и морские силы⁸⁰. Уже в третьем месяце 645 г., переправившись через Ляо в ее верхнем течении, танские войска вторглись в Когурё, а морские силы (на 500 с лишним кораблях) высадились в южной части Ляодунского полуострова. Сухопутные войска избрали необычный путь вторжения, поэтому смогли внезапно захватить ряд когурёских крепостей в среднем течении р. Ляо. Несмотря на это, главные силы когурёских войск стойко защищали крепости Ляодун и Анси (совр. Кайпин). Обрушившись сначала на Ляодун, танская армия в течение 12 дней и ночей продолжала штурм, применяя тяжелые катапульты и тараны, разбивавшие крепостные стены. Только когда удалось поджечь

⁸⁰ Там же, с. 510—534.

одну из крепостных башен и пожар распространился на город, танские войска смогли захватить Ляодун, несмотря на отчаянное сопротивление его защитников. Тяжелые потери (десятки тысяч убитых и пленных) не остановили борьбы. В крепости Анси стойко оборонялась 100-тысячная армия Ян Манчхуна. Несмотря на разгром 150-тысячной армии Ко Енсу, двигавшейся на помощь Анси, защитники этой крепости успешно отбивали в день по 6—7 атак противника, быстро исправляли поврежденные участки стен, наносили тяжелые удары по вражеским позициям. 60 суток танские войска возводили земляную насыпь, чтобы преодолеть стены крепости, но защитники Анси овладели ею и оттуда повели контратаки. К тому времени были разбиты и морские силы китайцев, высадившихся в районе Цзяньяни (к западу от Анси). Накануне наступающих холодов и неизбежных поражений войска танского императора вынуждены были отступить. Героическая борьба народных масс позволила государству Когурё выстоять против полумиллионной армии и расстроить захватнические замыслы танского Тайцзуна. Однако поражение не остановило танского императора. В 647 г. Тайцзун снова двинул свои сухопутные и морские силы, но первые были остановлены у когурёских крепостей, а вторые были разбиты в многочисленных стычках в южной части Ляодунского полуострова. В 648 г. закончился поражением третий поход Тайцзуна. Только перед смертью он старался предостеречь своих преемников от войны с Когурё.

Самоотверженная борьба народных масс Когурё сорвала агрессивные планы Суйской и Танской династий, но тяжелая война с ними серьезно ослабила государство Когурё, являвшееся несомненно первым претендентом на роль объединителя всей Кореи. Феодалные династии объединенного Китая стали серьезным фактором, влиявшим на борьбу трех раннефеодалных государств Кореи за объединение страны.

**ОБЪЕДИНЕНИЕ КОРЕИ
В ПЕРИОД РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ.
УТВЕРЖДЕНИЕ ФЕОДАЛИЗМА**

Утверждению феодального строя в Корее предшествовало образование раннефеодальных государств, служивших господствующему классу (вначале он состоял из родовой знати наиболее сильных племен, подчинивших своих соседей) для закрепощения крестьянских масс, сохранявших общинную организацию. В ходе завоевательных войн этих государств крестьянские общины, имевшие кровнородственные связи, превращались в низшую административно-податную единицу новых государств и служили объектом эксплуатации со стороны привилегированных родо-племенных групп завоевателей, уже приступивших к созданию новой чиновно-бюрократической организации. Она была приспособлена для управления новыми землями и эксплуатации их населения, состоявшего из разноплеменного по происхождению крестьянства, образующего отныне новые общности (народности) на базе территории трех государств, утвердившихся на Корейском полуострове. Многочисленные войны между ними имели целью расширение территории и подчинение находившихся на ней крестьянских общин, чтобы принудить общинников к уплате налогов и несению повинностей. Хотя по мере разложения общинных отношений неизбежным было складывание крупных феодальных собственников земли в рамках общины или вне ее, этому процессу предшествовал период подчинения общинного крестьянства господствующему классу при помощи государства, выполнявшего роль коллективного эксплуататора. Поэтому расширение ранних государств за счет новых территорий и борьба между государствами Когурё, Пэкче и Силла имели тенденцию к созданию одного большого государства, господствующего над массами общинного крестьянства в масштабе всей страны. Правда, это не исключало возможности процесса феодализации в рамках отдельных государств еще до осуществления такого объединения. И если это объединение осуществило не ранее возникшее или более сильное государство (как, например, Когурё), а относительно-

но слабое и отстававшее в своем развитии государство Силла, то объяснение этому следует искать не только во внешнем вмешательстве китайских династий Суй и Тан, но и в особенностях (прежде всего в темпах) социально-экономического развития каждого из трех раннефеодальных государств Кореи.

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ПРОТИВ ТАНСКИХ ЗАВОЕВАТЕЛЕЙ И ОБЪЕДИНЕНИЕ СТРАНЫ ПОД ВЛАСТЬЮ ГОСУДАРСТВА СИЛЛА

Сохранившиеся источники не дают сколько-нибудь новых сведений о внутренних процессах социально-экономического развития трех государств (особенно об изменении общинных отношений в деревне), поэтому по ним можно получить представление лишь об основных моментах внешнеполитической и военной истории, приведших к падению государств Когурё и Пэкче и к объединению страны государством Силла. Из-за недостатка фактических данных остаются не выясненными важные процессы внутренней истории Силла, превратившие ее в течение VII в. в сильное государство на Корейском полуострове. В частности, не вполне ясны причины прихода к власти так называемой новой аристократии, которая укрепила военное могущество государства Силла и повела активную борьбу за расширение территории за счет соседних государств Пэкче и Когурё. Несомненно, что эта военная активность государства Силла привела к сближению враждовавших между собой государств Когурё и Пэкче.

С начала VII в. Силла испытывала постоянный военный нажим своих соседей. Отношения между Силла и Пэкче, ухудшившиеся уже с середины VI в., в VII в. приняли характер непрерывных конфликтов. Особенно участились нападения пэкческих войск на западные земли Силла с восшествием на престол пэкческого вана Ыджа в 644 г. Осенью 642 г. пэкческие войска захватили 40 силланских крепостей. Особенно тяжелой для Силла оказалась потеря крепости Тэя (совр. Хёпчхон), служившей опорным пунктом обороны на западной границе. Затем в сговоре с Когурё правители Пэкче стремились захватить крепость Танхан (совр. Намъян в уезде Суwon) на западном побережье и отрезать Силла путь для прямых сношений с Танской империей. В тяжелых условиях правители Силла попытались расколоть союз между Пэкче и Когурё. Один из видных представителей новой военной знати Ким Чхунчху возглавил посольство в Когурё с просьбой о военной помощи против Пэкче. Но в Когурё и слышать не хотели об этом. Более того, когурёские правители выдвинули свои претензии на территорию Силла к северо-западу от Чукёна.

Для Силла оставалось лишь сближение с Танской династией, которая имела свои расчеты при вмешательстве в раздоры между

корейскими государствами. Внешне танские правители выступали в роли умиротворителей, но за этим скрывались великодержавные планы установления господства в Корее. Так, в ответ на просьбу об оказании помощи против Пэкче и Когурё (в 643 г.) танский император Ли Ши-минь (Тай цзун) сказал, что для обеспечения безопасности Силла он готов отправить одного из своих родственников «в качестве правителя вашей страны» и «снарядить... войска, которые служили бы ему защитой»¹. В следующем, 644 г. танский император отправил посла в Когурё и потребовал прекращения враждебных действий против Силла, но Кэсомун категорически отверг эти требования и заявил, что Силла в свое время воспользовалась трудным положением Когурё и заняла его земли протяженностью в 500 ли, поэтому до их возвращения не может быть никакой речи о мире»².

Между тем нападения Пэкче не прекращались, и Силла приходилось непрерывно отбиваться от пэкческих войск. В отражении этих многочисленных нашествий выдающуюся роль сыграл силланский полководец Ким Юсин, который нанес Пэкче ряд тяжелых поражений. Одновременно дипломатия Силла добивалась активного вмешательства Танской династии. Отправленный послом в Чанъань Ким Чхунчху заверял танских правителей о вассальной преданности Силла и указывал, что теперь этими отношениями угрожают враждебные действия Пэкче. На обратном пути из Танской империи корабль с послом был захвачен когурёским дозором и лишь случайно Ким Чхунчху удалось избежать смерти (был убит слуга, облаченный в парадное одеяние посла)³.

Для Танской империи в это время была важна борьба против сильного государства Когурё. Воспользовавшись непримиримой позицией Когурё, Ли Ши-Минь снарядил для его завоевания громадную армию. Когурё было сковано тяжелой борьбой против танских войск, поэтому Силла удалось избежать одновременной схватки с двумя сильными противниками. К 650 г. силланцы одержали значительные победы над Пэкче и вернули ряд захваченных крепостей. За все это правители Силла воздали хвалу танскому императору, направляя пышные посольства с дарами и одами.

С восшествием в 654 г. на престол Силла представителя новой военной знати Ким Чхунчху (ван Тхэджон-Мурёль) еще более укрепились союз и сотрудничество с Танской империей. Когда войска Когурё, поддержанные одновременными действиями Пэкче и мальгаль (мохэ), захватили на северной границе 33 силланских крепости (в 655 г.), правители Силла вновь обратились за помощью к Танской империи⁴. Поскольку Пэкче стремилось укре-

¹ Ким Бусик. Самгук саги. М., 1959, с. 149—150.

² См.: там же, с. 150.

³ См.: там же, с. 153—154.

⁴ Там же, с. 157.

чить свои позиции путем союза с Когурё и дружбы с Японией, Танская империя и Силла решили разбить их по отдельности. Сначала союзники обрушились на более слабое государство Пэкче, правители которого к тому же проявляли явную беспечность, предавая пирам и разгульным празднествам. Между тем в 660 г. морем выступила 135-тысячная армия Танской империи (под командованием Су Дин-фана) и должна была встретиться с наступающими с востока силланскими войсками. Силланская армия под командованием Ким Юсина имела решающую схватку с пэкческими войсками (полководца Кебэка), охранявшими подступы к столице на Хвансанской равнине. После четырех безуспешных атак силланские войска наконец разгромили армию Кебэка: сам Кебэк был убит, другие военачальники попали в плен. Тем временем танская армия нанесла тяжелое поражение пэкческим войскам у порта Кибольпо (в устье реки Пэккан, совр. Кымган). Пэкческий ван безуспешно пытался уговорить танского полководца увести свои войска, а затем, когда столицу окружили танские и силланские войска, бежал на север и укрылся в крепости Унджин (совр. Конджу), а его сын Юн с несколькими сановниками сдался на милость победителей. Спустя несколько дней и сам ван Ыджа ушел из Унджина и капитулировал. Несмотря на продолжавшееся сопротивление на местах, судьба государства Пэкче была решена. Пэкческий ван, около ста представителей царского рода и сановников и 12 тыс. человек из простого народа в качестве пленников были увезены в Танскую империю. В столице Пэкче (г. Саби) водворился 10-тысячный отряд танских войск. Для управления территорией Пэкче танские завоеватели учредили 5 округов (тодокпу) под властью наместника в крепости Унджин. До завоевания эта территория состояла из 5 концов или частей (пан), 37 округов (кун), 200 крепостей с населением в 760 тыс. дворов (очевидно, человек, так как в бóльшем Когурё было 697 тыс. дворов)⁵. Устанавливая свою административную систему, Танская династия явно стремилась закрепить за собой земли государства Пэкче.

Занятие столицы и свержение правившей династии не привело сразу к установлению господства завоевателей, так как не было сломлено сопротивление местного населения. Уже с первых дней остатки пэкческих войск повели активную борьбу в районе столицы, и вскоре их действия были поддержаны восставшим населением двадцати с лишним городов. Появились и организаторы движения за возрождение государства Пэкче. Представитель ванского рода Поксин (племянник вана Му) и буддийский монах Точхим собрали крупные военные силы в крепости Чурю (в районе совр. Хансана) и создали оплот борьбы против захватчиков. В северо-западной части Пэкче их действия поддержал воена-

⁵ Самгук саги, т. I. Пхеньян, 1958, с. 662—663.

чальник Хыкчи Санджи, обосновавшийся в крепости Имджон (совр. Тэхын). Восставшие решили объявить ваном сына бывшего вана Ыджа — принца Пхун, находившегося в Японии в качестве заложника, и обратиться за помощью к Когурё и Японии. Восставшие во главе с Поксином окружили бывшую столицу и отрезали от внешнего мира находившиеся там танские войска. Только помощь силланцев спасла их от голодной смерти. В 661 г. Поксин нанес новые удары танским войскам из Унджина и силланским войскам, попытавшимся осадить крепость Чурю. На сторону Поксина переходили все новые города (всего до 200). Из Японии прибыл объявленный ваном Пхун в сопровождении 5 тыс. отряда японских войск. К 663 г. Танской империи пришлось направить новые крупные подкрепления на выручку своих войск в Унджине и для дальнейшей борьбы с повстанцами. Последним пришлось снять осаду Унджина и обороняться в крепости Имджон (совр. Тэхын). В трудное время начались распри в лагере повстанцев. Поксин убил Точхима, а Пхун убил Поксина, боясь его растущего влияния. С помощью Когурё и японцев Пхун рассчитывал укрепить свое положение, но ему не удалось отразить наступление вражеских сил. В устье р. Пэккан танские моряки разгромили прибывший на помощь повстанцам японский флот. Танские и силланские войска захватили у повстанцев Чурю и другие города. Пхун бежал в Когурё, а в Имджоне под руководством Чхисусина (Хыкчи Санчи?) народ продолжал сопротивление. Еще до падения этой крепости танские завоеватели решили прекратить военные действия и перешли к новой тактике умиротворения Пэкче при помощи местной знати. Сын бывшего вана Юн был назначен танским наместником в Унджине. Танские правители принудили Силла заключить с Юном (в 665 г.) вечный мир, скрепленный клятвой на крови жертвенной лошади⁶. В результате Силла вопреки своим желаниям не могла претендовать на бывшие пэкчские владения.

После этого все усилия Танской династии были направлены на борьбу против Когурё. Военные действия начались сразу же после падения Пэкче в 660 г., но в связи с событиями в Пэкче танские и силланские войска не могли одновременно вести борьбу с пэкчскими повстанцами и государством Когурё. С подавлением восстания в Пэкче положение Когурё изменилось к худшему. Дело было не только в развязывании рук завоевателей. Сказывались и результаты длительных разорительных войн и их социально-экономические последствия, выразившиеся прежде всего в усилении классово дифференциации когурёского общества. Вполне можно предположить, что основная масса рядовых общинников намного обеднела и от тягот войны (военных повинностей и налогов), и от засилия на местах феодализирующихся крупных

⁶ См.: Ким Бусик. Самгук саги, с. 170—171.

землевладельцев, о чем можно догадаться по некоторым косвенным свидетельствам. Так, жесткая диктатура Ён Кэсомуна по укреплению центральной власти, вероятно, была направлена на подавление сепаратистских устремлений землевладельческой знати на местах, чтобы обеспечить возможность успешной борьбы против Танской империи и Силла. Однако искусственно сдерживаемые Кэсомуном внутренние противоречия в государстве Когурё не замедлили сказаться сразу же после его смерти (в 666 г.), когда не стало железной руки, сурово подавлявшей всякую внутреннюю оппозицию и смело обнажавшей меч против внешних врагов. Внутренние противоречия проявлялись в той острой борьбе, которая завязалась между сыновьями Кэсомуна — Намсэном, Намгоном и Намсаном — за должность фактического правителя страны (макниджи). Старший из сыновей Намсэн, изгнанный своими братьями (его заменил Намгон), перешел на сторону танского императора (Гаоцзуна) и стал помогать ему в подготовке войны против Когурё⁷. О расколе в правящем классе Когурё можно судить и по тому, что брат Кэсомуна Ён Чжонтхо в это время перешел на сторону Силла, передав 12 крепостей с населением в 3543 человека (763 двора). Как сообщают летописи, Ён Чжонтхо и прибывшие с ним когурёские чины получили признание и обеспечение и были поселены в столице и областных городах Силла⁸.

Внутренние раздоры в Когурё благоприятствовали танским завоевателям. Присвоив Намсэну и его сыну танские чины, Гаоцзун под видом поддержки Намсэна снарядил крупную армию (под командованием Ли Ши-цзи) для завоевания Когурё. Уже в 667 г. танская армия заняла важную когурёскую крепость Синсон (в районе совр. Шэньяна). Одновременно против Когурё двинулись войска силланского вана. Однако из-за сильного сопротивления Когурё союзникам в 667 г. не удалось добраться до столицы Когурё. Лишь в 668 г. после занятия важнейших крепостей на Ляодуне танские завоеватели преодолели сопротивление когурёских войск у р. Амноккан и вскоре приступили к осаде Пхеньяна. Силланские войска нанесли поражение когурёским силам, выставленным Намгоном для обороны столицы с южной стороны. Через месяц после начала осады Пхеньян оказался полностью отрезанным от остальных районов страны. Считая бессмысленным сопротивление, ван Понжан, Намсан и другие подняли белый флаг. Не принесла успехов и отчаянная попытка Намгона организовать отпор. 21 числа 9 месяца (октябрь) 668 г. ван Поджан, представители знати и тысячи людей из простого народа были увезены в плен в Танскую империю, а территория Когурё, состоявшая из 5 частей (бу) и 776 го-

⁷ Самгук саги, т. I, с. 545—546.

⁸ См.: Ким Бусик. Указ. соч., с. 172.

родов (крепостей) с населением в 697 тыс. дворов, попала под власть танских завоевателей, учредивших в Пхеньяне «Наместничество умиротворения восточных земель» (Андон тохобу). Оно подразделялось на 9 провинций (тодокпу), 42 области (чу) и 100 с лишним уездов (хён)⁹. В распоряжение танского наместника Сюе Жень-гуя было оставлено 20 тыс. охранных войск, а начальниками провинций и областей были назначены представители когурёской знати, перешедшей на сторону Танской империи.

Подобно Пэкче, и в Когурё установление власти танских завоевателей вызвало освободительную борьбу народа, причем эта борьба уже находила активную поддержку государства Силла, которое с присвоением Танской династией всех плодов общей победы над Пэкче и Когурё испытывало прямую угрозу своей собственной независимости, особенно когда стало ясно стремление Танской империи установить господство на всем Корейском полуострове.

Уже после падения Пэкче выявились истинные цели Танской империи, угрожавшие жизненным интересам государства Силла, но до тех пор, пока оставался на севере сильный противник в лице Когурё, правители Силла не осмеливались на открытое выступление против танских завоевателей. Положение изменилось с падением Когурё и началом борьбы населения Когурё и Пэкче против иноземных захватчиков. Используя старую знать Когурё и Пэкче, танские правители стремились всячески ущемить государство Силла. Как отмечалось, танский император принудил вана Мунму заключить договор вечной дружбы с Пуё Юном, чтобы закрепить за своим ставленником всю территорию Пэкче, на которую претендовала Силла¹⁰. Танские завоеватели отвергли и законное требование Силла о возвращении ей земель, захваченных в прошлом когурёсцами. Политика Танской династии, направленная на превращение Силла в слабого и послушного вассала, встретила активный отпор со стороны правителей этой страны. Выражая на словах свою лояльность к империи, они проявили непримиримость к попыткам утверждения танского господства не только в Силла, но и на завоеванных землях Пэкче и Когурё. Силла вдохновляла и поддерживала борьбу их населения против захватчиков.

В Когурё сопротивление танским войскам не прекратилось с падением столицы и капитуляцией двора. Об этом свидетельствовали и стойкая оборона 10 крепостей к северу от р. Амноккан, и стихийное движение против захватчиков на занятой танскими войсками территории. Эту борьбу возглавляли отдельные представители правящего класса страны. При этом они явно тяготели к Силла, оставшейся единственным государством в Корее, противостоящим захватническим устремлениям Танской империи.

⁹ Самгук саги, т. I, с. 550—552.

¹⁰ См.: Ким Бусик. Указ. соч., с. 177.

Так, отряд когурёских повстанцев во главе с Ком Моджамом перебил всех танских чиновников и буддийских священников и в г. Хансон (совр. Чэрён) основал базу для борьбы за освобождение бывшей столицы Когурё. На принадлежавшем Силла о. Саядо (совр. Соядо) Ком Моджам установил связь с одним из представителей ванского рода Когурё Ансыном (по одной версии он был внуком вана Поджана, а по другой сыном Ён Чжонтхо), который во главе 400 повстанцев обосновался на силланской территории. В Хансоне Ансын был провозглашен ваном Когурё. Затем Ком Моджам обратился с письмом к силланскому вану и сообщил о том, что после гибели своего государства он «нашел благородного отпрыска своего государства Ансына и признал его своим государем» и «хочет стать пограничным вассалом [государства Силла] и навеки вечные сохранить свою верность». Он писал, что в стремлении возродить государство Когурё «теперь надежда наша только на великое государство [Силла]». Через некоторое время в Силла оказали Ансыну торжественную встречу как вану Когурё и поселили его в г. Кыммаджо (совр. Иксан)¹¹.

Это была открытая демонстрация поддержки государством Силла когурёских повстанцев. А когда танские войска после расправы с повстанцами в Анси в 671 г. напали на ополчения, действовавшие в районе горы Пэкпинсан, силланские войска приняла непосредственное участие в боях и разгромили танские войска (более 2 тыс. человек было взято в плен). Одновременно Силла повела наступление для освобождения бывших пэкческих земель. В 670 г. силланские войска заняли 82 города (крепости)¹². В следующем году были освобождены новые территории, поэтому танский император (Гаоцзун), стремясь помешать дальнейшим действиям Силла, направил в Корею армию Сюе Жень-гуя. В письме к силланскому вану Сюе Жень-гуй обвинил его в непокорности императору и угрожал прибегнуть к силе, если тот не прекратит захвата пэкческих земель¹³. Однако в ответном письме, исполненном достоинства, силланский ван обвинил Танскую империю в стремлении использовать бывших пэкческих правителей («вражеские осколки») во вред Силла. Наряду с уверениями в преданности танскому императору он выразил надежду, что танские войска «не выступят в бой прежде, чем будет выяснена истина» (о справедливых действиях Силла)¹⁴. Отвергнув дипломатический нажим, ван Мунму дальнейшими военными действиями на территории Пэкче ликвидировал танское наместничество в Унджине и основал новую область Силланского государства — Собоури. Конфликт между Силла и Танской империей

¹¹ См.: там же, с. 178—179.

¹² См.: там же.

¹³ См.: там же, с. 180—184.

¹⁴ Там же, с. 191—192.

все обострялся. Для расправы со своим бывшим союзником танские правители отправляли все больше войск, в том числе киданей и мохэ (в 672 г. под командованием Гао Каня и др.). Когда они выступили из района Пхеньяна, против них на стороне Силла стали действовать когурёские повстанческие силы¹⁵. Уверения в преданности императору не мешали силланскому вану Мунму действовать решительно против наступавших танских войск. В 673 г. флот Силла установил прочный контроль над западным побережьем, а сухопутные войска в девяти сражениях нанесли поражение танской армии, подкрепленной отрядами киданей и мохэ¹⁶. В 674 г., посылая новые войска на усмирение Силла, танский император прибег к новому политическому маневру, объявив о низложении силланского вана Попмина (Мунму) и лишении его всех присвоенных ранее танских чинов. Ваном Силла был провозглашен оказавшийся в танской столице Ким Инмун (брат царствующего Попмина), который должен был занять престол при помощи танских войск. Но эта затея, видимо, встретила такой отпор, что император вынужден был «простить вана», восстановив во всех чинах, и вернуть с полдороги незадачливого претендента на трон¹⁷.

Между тем силланцы достигли значительных успехов, заняв большую часть пэкческих земель и распространив свои области и округа вплоть до самых южных пределов Когурё. Они выставили девять полевых армий для отражения танских, киданьских и мохэских войск. Танский военачальник Сюе Жень-гуй потерпел тяжелое поражение у крепости Чхонсон (или Пэксу, совр. Чэрён) и бежал. В том же месяце силланские войска напали на крепость Мэчхо (или Мэсо, совр. Янджу) и обратили в бегство 200-тысячную армию танского командующего Ли Цзинь-сина. В числе трофеев силланцам достались 30 380 боевых коней и масса военного снаряжения. В последовавших за этим восемнадцати больших и малых сражениях этого года силланцы одержали ряд побед над танскими войсками. В 676 г. силланский военачальник Сидык в 22 больших и малых схватках в районе порта Кибольшо (в области Собури) нанес поражение танским войскам Сюе Жень-гуя¹⁸. В результате многократных поражений своих войск Танская династия в 677 г. была вынуждена оставить бывшую когурёскую столицу Пхеньян и перенести административный центр Андонского (Аньдунского) округа на территорию Ляодуна. Таким образом провалились планы Танской империи на установление своего господства в Корее путем использования ставленников из числа бывших правителей государств Когурё и Пэкче. Так, бывший когурёский ван Поджан к этому времени был назначен

¹⁵ См.: там же, с. 192.

¹⁶ См.: там же, с. 195.

¹⁷ См.: там же, с. 196.

¹⁸ См.: там же, с. 196—197.

«ляодунским губернатором и корёским (т. е. когурёским) ваном», а сын последнего пэкческого вана Юн — «наместником (тодоком) Унджина и ваном Дайфана». Провал танских завоевателей и их марионеток свидетельствовал о том, что под главенством государства Силла произошла консолидация населения Корейского полуострова, поднявшегося на борьбу против установления господства иноземных захватчиков. Это проявилось и в совместных действиях когурёского населения и силланских войск против танских завоевателей, и в той легкости, с которой Силла отвоевывала у них города и крепости на землях бывшего Пэкче, превращаемых в часть нового объединенного государства. С прочностью этого государства вынуждена была считаться и Танская империя, которая спустя несколько десятилетий, в 735 г., признала границу Силла по р. Тэдонган (р. Пхэган), ибо вся территория Корейского полуострова к югу от нее составляла области и округа объединенной Силла¹⁹. Но обширная территория материковой части государства Когурё не попала в состав Силла, а большей частью была присоединена к Танской империи.

Победой Силла завершилась длительная борьба за объединение страны.

Недостаток фактического материала затрудняет выяснение всех внутренних факторов, определивших падение государств Когурё и Пэкче, а также возвышение и жизнеспособность государства Силла, выдержавшего борьбу против сильных соперников на Корейском полуострове и захватнической политики Танской империи. Но известные факты политической истории все же дают основание предполагать, что более раннее развитие государственности в Пэкче и Когурё раньше привело и к обострению социально-классовых противоречий, ослабивших господствующие классы Когурё и Пэкче перед лицом внешней агрессии. Повествуя о гибели этих государств, летописи отмечают роскошь и праздность господствующего класса Пэкче и падение нравов при дворе (фаворитизм, пренебрежение к справедливым советам мудрых людей и пр.), а также пагубные междоусобицы, раздиравшие государство Когурё. Отсюда можно, вероятно, делать выводы о далеко зашедших процессах распада общинных отношений, о росте имущественной дифференциации, приводившей к развитию крупного частного землевладения, и тенденций к феодальной раздробленности. Что касается государства Силла, утвердившегося позднее и, вероятно, сохранявшего устои общинных отношений, то оно, по-видимому, оказалось внутренне более прочным для осуществления миссии по объединению страны. Можно полагать, что для населения Когурё и Пэкче, страдавшего от более жестокой эксплуатации правящего класса, казалось более привлекательным вхождение в состав государства Силла, где еще не достигли такой остроты социальные противоречия. Хотя эти предположения нель-

¹⁹ См.: там же, с. 221.

зя обосновать прямыми данными источников, они косвенно подтверждаются позднейшими социально-экономическими процессами в объединенной Силла, где в известной мере нашли продолжение тенденции, наметившиеся в период трех государств.

Объединение населения Корейского полуострова государством Силла ознаменовало важный исторический этап в формировании национальной общности корейцев, а также в становлении и развитии феодального строя в Корее.

Объединение населения трех государств в составе Силла способствовало формированию единой корейской народности. А народности, складывавшиеся отдельно в каждом из трех ранних государств (когурёская, пэкческая и силланская), хотя и являлись дальнейшим шагом в общественном развитии корейского населения, во многом сохраняли черты общности, унаследованной от предшествующего этапа первобытнообщинного строя. В каждом из трех государств ядро господствующего класса составляла аристократия определенных родо-племенных групп, и сама государственная организация во многом унаследовала черты кланово-общинной организации племен, вошедших в состав данного государства. И только с объединением населения всех трех государств эти черты отступали на второй план и складывались предпосылки для формирования единой народности. Совместная борьба против танских завоевателей, единая территория объединенного государства Силла, утверждение одного общегосударственного языка — все это подготовило формирование новой исторической общности — корейской (силланской) народности, сложившейся на основе общего языка, одинакового способа производства и общности культуры, унаследованной от предшествующего периода. Единая народность включила не все население трех государств, так как значительная часть когурёского населения консолидировалась с иноплеменными элементами (мохэ и др.) и участвовала в формировании других народностей Восточной Азии (ассимиляция с ханьцами, киданями, мохэ и др.), оказав важное влияние, например, на складывание политического облика и культуры таких средневековых государств, как Бохай (Пархэ).

Таким образом, с времен объединенной Силла в Корее сложилась компактная этническая, языковая и культурная общность, послужившая основой для складывания в будущем единой корейской нации со своей самобытной культурой и историческими традициями.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ (ГОСУДАРСТВЕННЫЙ) СТРОЙ В ОБЪЕДИНЕННОЙ СИЛЛА

Определение сущности общественно-экономических отношений в объединенной Силла тесно связано с трактовкой характера социально-экономического строя Кореи в период трех государств.

Поскольку среди историков, как отмечалось, нет еще единого мнения о социально-экономической сущности государств Когурё, Пэкче и Силла, неизбежны различия и в понимании социально-экономического содержания исторических процессов и на следующем этапе после объединения территории этих трех государств. К тому же и на этом этапе исторические источники не дают сколько-нибудь детальных сведений, относящихся к характеристике процессов социально-экономического развития.

Несмотря на существующие различия при определении характера общества предшествующего периода, большинство современных прогрессивных корейских историков считают, что период объединенной Силла был временем, когда уже развивались феодальные отношения. При этом одни историки думают, что феодальные отношения сменили существовавший прежде рабовладельческий строй, а другие полагают, что с объединением страны получили лишь дальнейшее развитие элементы феодальных отношений, возникшие в период трех государств. По мнению первых, после объединения страны утвердилась качественно новая (т. е. феодальная) государственная власть. Так, некоторые утверждают, что существовавшая до VI в. н. э. государственность в Силла представляла примитивную монархию, служившую для подавления рабов и зависимых крестьян-общинников, поработанных в результате завоевания, в то время как государство после объединения служило целям эксплуатации распыленных (утративших общинные связи) мелких крестьян путем прикрепления их к земле и принуждения к уплате поземельного налога, к подворным поставкам и несению отработочных повинностей. И это качественное изменение государства Силла якобы выразилось в вытеснении (в VII в.) старой родовой знати Силла новой военной знатью из числа крупных землевладельцев, сложившихся в результате классового расслоения в силанских общинах²⁰. Борьба за объединение объясняется усилением политической власти этих феодальных помещиков (во главе с ваном), стремившихся к расширению сферы своего экономического господства. Правда, остается невыясненным вопрос о принципиальном отличии старой (так наз., «консервативной») аристократии от новой (так наз., «военной» знати), равно как и вопрос о происхождении «феодальных помещиков» в результате крушения рабовладельческой системы, олицетворяемой «консервативной» родовой аристократией.

По известным фактам невозможно установить принципиальных отличий в формах эксплуатации непосредственных производителей (представленных массой зависимых от господствующего класса крестьян) и в характере собственности на основные сред-

²⁰ Самгук сигы сахвекёндже кусонэ кванхан тхоронджип (Дискуссия о социально-экономическом строе периода трех государств). Пхеньян, 1958, с. 143—144.

ства производства в период трех государств и после объединения. Что касается государства Силла, то там после объединения произошли прежде всего количественные изменения. По сравнению с периодом до объединения у господствующего класса стало гораздо больше зависимо эксплуатируемого населения. Это было результатом расширения территории, а не качественных изменений в способе производства. Тем не менее заметно возросли богатства, которыми распоряжался господствующий класс. Силланский ван Мунму, завершивший борьбу за объединение, оставляя завещание, ставил себе в заслугу то, что «равномерно распределил чины в столице и по провинциям, вернул простому народу мир и долголетие, переплавив в земледельческие орудия солдатские копья, сократил и облегчил налоги и повинности, чтобы в домах люди увидели достаток, вернул народу спокойствие и установил порядок по всей стране, сложил высокие, как горы, склады с запасами зерна, опустошил все тюрьмы, дав зарости травой...»²¹. Если исключить преувеличения в духе конфуцианской идеи добродетельного правления, этот документ может служить свидетельством перемен, происшедших в Силла после объединения территории трех государств.

И до и после объединения господствовавшие в Силла производственные отношения основывались на государственной собственности на землю, служившей средством эксплуатации крестьян. В то время, когда общинные отношения в деревне мешали прямым земельным захватам, для силланской знати государственная власть служила средством установления господства над крестьянскими общинами. После объявления крестьянских (общинных) земель собственностью вана (государства) в виде различных пожалований они попадали во владение отдельных представителей господствующего класса. Уже при самом возникновении государственной собственности на землю (право государства полностью распоряжаться всей землей) предполагала различные формы крупного частного землевладения — от права временного сбора в свою пользу поземельного налога до закрепления за наследниками и превращения в фактическую частную собственность. Как известно, еще до объединения страны в Силла существовали земельные пожалования представителям правящей знати в форме так называемых кормовых округов (сикып), состоявших из определенных населенных территорий (деревень) или определенного количества крестьянских дворов, которые обязаны были платить налоги и выполнять повинности в пользу держателя таких наделов. В результате земельных пожалований государства в пользу буддийской церкви возникла категория монастырских или храмовых земель (саджон). Наиболее внушительную часть крупного землевладения составляли дворцовые земли (чикхальджи), нахо-

²¹ Ким Бусик. Указ. соч., с. 200.

дившиеся в распоряжении царствующей династии. Несмотря на зарождение этих форм крупного землевладения, абсолютно преобладали земли, находившиеся в распоряжении крестьян (общинников) и составлявшие номинальную собственность государства. Принцип государственной собственности предопределял выполнение населением этих земель триады повинностей — уплату полевого налога, подворные поставки и поголовные отработки. При передаче государственных земель во владение отдельных представителей знати последние присваивали то, что полагалось государству. Однако удельный вес пожалованных земель в период до объединения, вероятно, был невелик. Известно, что в VII в. такие крупные земельные пожалования были сделаны лишь за исключительные заслуги представителям столичной знати Ким Юсину и Ким Инмуну²².

И для периода после объединения характерны весьма немногочисленные сообщения летописей о поземельных отношениях. Первое из таких сообщений гласит, что в 687 г. был издан указ о раздаче гражданским и военным чиновникам в качестве жалованья полей с соответствующими различиями²³. Отсюда видно, что целью государственной власти (выступавшей в качестве собственника всех земель) было обеспечение соответствующими наделами представителей господствующего класса. Однако в 689 г. был издан другой указ об упразднении земельных пожалований ногып (жалованных округов) и установлении в качестве правила выдачи соответствующего жалованья рисом (зерном)²⁴. Эта мера, видимо, объяснялась тем, что в условиях значительного расширения территории государства Силла (после объединения страны) опасались ослабления центральной власти в результате земельных раздач, ибо тогда для интересов всего господствующего класса первостепенное значение имели укрепление государственной собственности на землю и эксплуатация крестьянского населения возросшей территории посредством централизованного государственного аппарата, который был особенно необходим для подчинения свободных общинников и для борьбы с антисилланскими элементами на присоединенных землях. С упрочением централизованного государства возобновились земельные раздачи. Сообщается, что в 757 г., «отменив помесячно жалованье центральным и местным чиновникам, возобновили раздачу в жалованье ногып»²⁵. Впоследствии, в 799 г., целый уезд был выделен в качестве ногып для содержания учащихся столичной конфуцианской высшей школы²⁶. В этом заключался источник роста частного землевладения и ослабления централизованного государства,

²² См.: там же, с. 167.

²³ См.: там же, с. 206.

²⁴ См.: там же, с. 207.

²⁵ Там же, с. 230.

²⁶ См.: там же, с. 246.

в то же время рост частного землевладения подтачивал основы государственной собственности на землю, обостряя заложенные в ней внутренние противоречия.

В течение примерно столетия с конца VII в. Силла еще оставалось как централизованное государство, основывавшееся на государственной собственности на землю и на общегосударственной системе эксплуатации крестьян путем прикрепления их к наделам государственной земли, за которые они обязаны были нести феодальные повинности — платить поземельный налог-ренту, поставлять изделия домашней промышленности или местных промыслов, нести военные или трудовые повинности. Именно в этом состоял смысл установленной в 722 г. системы наделения крестьян так называемыми «солдатскими полями» (чонджон)²⁷. Краткое сообщение летописей о существовании этой категории землевладения вызвало разные толкования. Одни историки видели в этом сообщении факт существования надельной системы, а другие — предполагали возможность существования особой категории солдатских земель. Сущность этих «солдатских полей» прояснилась лишь с введением в научный оборот найденного в Японии (в храме Сёсёэн в г. Нара) отрывка из силланского подворного списка (чанджок), относящегося к VIII в.²⁸ На основе этого документа, сохранившего описание нескольких деревень вблизи малой столицы Совон (совр. Чхонджу), стало понятным содержание слова «чон» («солдат», «совершеннолетний»), которое в данном контексте служило для обозначения совершеннолетнего субъекта мужского (чоннам) или женского (чоннён) пола, наделяемого участком государственной земли (чонджон) и обязанного за это платить налоги и нести другие повинности. По достижении 60-летнего возраста это лицо освобождалось от повинностей, а его земельный надел подлежал возврату в казну²⁹. Чонджон, таким образом, представлял категорию крестьянского землевладения при существовании государственной собственности и надельной системы. Документ дает также представление о других формах землевладения, существовавших в Силла VIII в. В описанных деревнях существовали следующие категории орошаемых полей (тап); поля, выдаваемые в качестве жалованья чиновникам (кванмо тап); поля, принадлежавшие дворцовому ведомству (нэсирён тап); поля, приписанные должности деревенского старосты (чхонджуви тап), и, наконец, упомянутые поля, составлявшие надельные крестьянских семей (ёнсюю тап) или дворов, называвшихся ёнхо («двор с дымовой трубой»)³⁰. «Солдатские надельные», как видно, давались не из какого-то особого государственного фонда, а пред-

²⁷ См.: там же, с. 215.

²⁸ «Ёкса квахак», 1957, № 4, с. 92—93.

²⁹ См.: П а к С и х ё н. Силла чанджок ёнгу (Исследование силланского подворного списка). — «Ёкса квахак», 1957, № 6, с. 13.

³⁰ См.: там же, с. 11.

ставляли исконные крестьянские земли, которые на некоторое время были объявлены государственной собственностью. Надельная система представляла форму прикрепления крестьян к земле и эксплуатации их с помощью централизованного государственного аппарата. И пока существовала эта система, крестьянские земли в определенной степени были гарантированы от захвата крупными землевладельцами, которые на своих землях применяли труд подневольных крепостных (ноби). Однако по мере укрепления класса крупных землевладельцев, которым принадлежала государственная власть, не исключалась возможность захвата ими и наделов свободных крестьян на государственной земле. По источникам более позднего времени известно существование деревенских общин типа пугок, хян и со, население которых было более принижено в сословном отношении, чем обычные крестьяне, и находились в так называемом «подлом» (презренном) состоянии. Население таких общин занималось земледелием или производством определенных ремесленных изделий (в со). Хотя нет сведений об этой категории населения в ранний период, историки, считающие три ранних государства рабовладельческими, полагают, что в ту эпоху оно составляло наиболее распространенную категорию (рабского) населения, возникшего из покоренных племен, которые целыми общинами попадали в рабскую зависимость от завоевателей³¹. По мнению этих историков, в период после объединения страны государством Силла эта категория населения представляла переходную форму от рабов к крепостным. Как и остальные крестьяне, эти общинники несли триаду повинностей, но в личном отношении они были настолько бесправны, что напоминали рабов.

Утвердившееся в объединенной Силла государство служило средством централизованной эксплуатации крестьянства на всей территории страны в интересах господствующего класса. Структура этого государства складывалась в течение длительного времени, вплоть до объединения. Большинство центральных правительственных учреждений было создано еще до войн за объединение, впоследствии они усложнялись, росло их число. При неограниченной власти вана государственное управление осуществляли следующие столичные органы: Исполнительный совет (Чипсасон), ведавший всеми важнейшими делами государства, Совет по внутренним или дворцовым делам (Нэсон), а также отраслевые палаты — по военным делам (Пёнбу), налогам (Чобу), государственным запасам (Чханбу), обрядам (Ребу), контролю (Саджонбу), сухопутным перевозкам (Сынбу), строительству (Реджакпу), корабельным делам (Сонбу), внешним сношениям (Рёнгэкпу), чинам и должностям (Вихвабу), наказаниям чиновников (Чау

³¹ См.: Пак М. Н. О возникновении и утверждении феодализма в Корее.— В кн.: Историография стран Востока. М., 1969, с. 227—233.

рибанбу) и др.³² В административном отношении все государство делилось: на области — чу или джу (в некоторых из них были учреждены наместничества или малые столицы — согён) во главе с тодоком; округа — кун во главе с тхэсу; уезды (хён) во главе с сосу. Самой низшей административной единицей являлась деревня (чхон) во главе со старостой — чхонджу. Эксплуатация деревень составляла смысл существования всей бюрократической иерархии господствующего класса. Общее число и названия областей и округов менялись в разные периоды. Во время войн за объединение новые области и округа учреждались по мере присоединения новых земель. С включением всей бывшей пэкческой территории было создано четыре новых области: Вансанджу (совр. Чонджу) и Чхонджу (совр. Чинджу) в 685 г., Унчхонджу (совр. Конджу) и Муджинджу (совр. Кванджу) в 686 г. Ряд новых областей и округов возникло на присоединенных землях бывшего Когурё. Затем в 757 г. (в правление вана Кёндока) произошла реорганизация административного деления страны, сопровождавшаяся переименованием областей и малых столиц³³. Общее число областей было ограничено девятью, причем три из них были образованы из исконно силланских земель, три — из бывших пэкческих, три — из бывших когурёских. В окончательном виде структура административного устройства объединенной Силла после 757 г. выглядела следующим образом (по данным Самгук саги).

№ п/п	Девять областей (джу)			Число округов, уездов		5 малых столиц (согён)	
	первоначальное название	после 757 г.	современ. название	округов (кун)	уездов (хён)	название	современ. название
1	Сабольджу	Санджу	Санджу	10	30		
2	Самъянджу	Янджу	Янсан	12	34	Кимгван	Кимхэ
3	Чхонджу	Канджу	Чинджу	11	27		
4	Хансанджу	Ханджу	Кванджу (Кёнгидо)	27	46	Чунвон	Чхунджу
5	Суякджу	Сакчу	Чхунчхон	11	27	Пуквон	Вонджу
6	Хасоджу	Мёнджу	Каннын	9	25		
7	Унчхонджу	Унджу	Конджу	13	29		Чхонджу
8	Вансанджу	Чонджу	Чонджу	10	31	Намвон	Намвон
9	Муджинджу	Муджу	Кванджу (Ю. Чолладо)	14	44		
		-		117	293		

³² Самгук саги, т. II. Пхеньян, 1958, с. 231—254.

³³ См.: Ким Бусик. Указ. соч., с. 230—231.

Действенность централизованной администрации подкреплялась военной организацией, которая после объединения служила главным образом для укрепления существующих порядков. Войска обеспечивали исправное поступление налогов и исполнение повинностей, подавляли выступления народных масс против господствующего класса. При учреждении новых областей или округов им придавали и соответствующие контингенты вооруженных сил. Всего было до 23 видов различных военных формирований, в числе которых значились 9 отрядов (содан) столичных войск (наряду с ними существовала и отдельная личная гвардия вана), 16 отрядов, охранявших крепости важнейших областных и окружных центров, до 20 отрядов различных провинциальных войск, подчиненных местным управителям, и другие. Существовали также отряды специализированных войск: арбалетчиков (нобён), специалистов по преодолению крепостных стен (унджебён), по штурму крепостей (чхунбён), катапультистов (сокхубён), мастеров рукопашного боя (кыкпён), лучников (кунбён) и др.³⁴ Основной контингент армии набирался из свободных крестьян, держателей податных наделов на государственной земле, для которых военная служба была одной из главных повинностей. Командный состав армии (чангуны, тэгамы и согамы) состоял исключительно из представителей землевладельческой аристократии.

После объединения страны для упрочения власти центрального правительства был предпринят ряд мер для преодоления былой обособленности отдельных районов. Чтобы поощрить поселение в малых столицах и в областных центрах представителей столичной аристократии, были установлены специальные провинциальные чины, которые по значению и обеспечению не уступали званиям военно-чиновной знати в главной столице Вангён (совр. Кёнджу). А такой факт, как отзыв из Кымаджо когурёского вана Подока (Ансина) и предоставление ему в столице подобающего звания и земельного пожалования (в 638 г.)³⁵, свидетельствовал о стремлении ликвидировать даже номинальное существование отдельных государств как несовместимое с принципом единого централизованного государства. Для предотвращения сепаратистских тенденций на окраинах была установлена система заложничества, предусматривавшая постоянное пребывание на мелкой чиновной должности в столице (сансури) представителей местной знати, по одному от каждой области³⁶. Как правило, все основные административные должности в малых столицах, областях, округах и уездах занимали представители столичной аристократии, практически состоявшей из близких или дальних родственников царствующей династии. Не довольствуясь этим, глава централь-

³⁴ Самгук саги, т. II, с. 267—283.

³⁵ См.: Ким Бусик. Указ. соч., с. 204.

³⁶ См.: Ли Бёндо, Ким Джэвон. Хангукса, т. I. Сеул, 1967, с. 628—629, 643.

ной администрации (ван) регулярно совершал инспекционные поездки в малые столицы. Расположение главной столицы на крайнем юго-востоке страны создавало определенные неудобства в управлении отдаленными областями, поэтому не раз обсуждался вопрос о переводе столицы в глубь страны, но осуществление этой идеи оказалось непосильной задачей для правящего класса. Потребности централизованного государства сделали необходимым особое покровительство конфуцианской идеологии. С 788 г. отбор чиновников на государственные должности стал производиться не по их воинской доблести и умению, как это было принято раньше, а по уровню знания конфуцианских классических сочинений, для проверки чего установлены государственные экзамены (токсо чхульсинква) на три степени учености³⁷. С этого времени особенно усилился поток аристократической молодежи в Танский Китай для получения конфуцианского образования.

Объединенное государство Силла, созданное для централизованной эксплуатации основной массы крестьянства и постепенного закрепощения ее классом крупных землевладельцев, могло сохранить свою силу лишь до тех пор, пока оставалась материальная база в виде государственной собственности на землю.

РАЗВИТИЕ ФЕОДАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ФЕОДАЛЬНОЕ РАЗДРОБЛЕНИЕ ГОСУДАРСТВА СИЛЛА

Создание централизованного государства Силла и установление определенной системы эксплуатации крестьянских масс способствовали дальнейшему развитию производительных сил страны. Определенное положительное значение имела проводимая государством политика регулирования в сельском хозяйстве (квоннон или принуждение к занятию земледелием), которая в необходимых случаях предусматривала крестьянам ссуды зерном или скотом из государственных запасов, уменьшение или отмену на определенный срок налогов, оказание помощи («милостей» — чинхюль) голодающему или терпящему бедствия населению, а также беспомощным старикам или сиротам. Так, например, в 705—707 гг. на оказание такой помощи было истрачено более 300 тыс. сок (мешков) зерна³⁸. Важнейшую часть политики регулирования (квоннон) составляла забота об увеличении площадей пахотных земель, о постройке и поддержании в порядке оросительных систем, о своевременном выполнении полевых работ, так как от этого зависели урожай и получаемые государством доходы. Государственный надзор за полевыми работами существовал в Силла еще задолго до объедине-

³⁷ См.: Ким Бусик. Указ. соч., с. 242.

³⁸ См.: там же, с. 211, 329.

ния, но он, видимо, значительно усилился после войн за объединение, когда настоятельно требовалось поднять земледелие после военных лет. Именно это имел в виду ван Мунму, который писал в своем завещании, что он принес народу вместе с миром благополучие и достаток. С присоединением больших пространств плодородных равнинных земель, пригодных для посевов риса, заметно возросли масштабы строительства плотин, водохранилищ и оросительных каналов. Летописцы сообщают, что в 790 г. только при ремонте плотины Пёккольдже было мобилизовано население 7 округов и уездов (Чонджу и др.)³⁹. О первых шагах обобщения научных знаний по сельскому хозяйству свидетельствует назначение государством в 749 г. (8-й год правления вана Кёндокса) специальной группы ученых в составе одного «доктора (пакса) небесной грамоты» (т. е. астрономии) и 6 «докторов по водяным часам»⁴⁰. Развитие сельского хозяйства сопровождалось притоком огромных богатств в столицу государства Силла, ибо потребности земледелия обусловили рост добычи полезных ископаемых, расширение различных ремесел, внутренней и внешней торговли. Выплавка меди и железа, обработка благородных металлов имели давнюю историю, но заметного размаха они достигли в VIII в. в связи с возросшим спросом на металлы. Из железа делали оружие и сельскохозяйственные орудия, а медь и бронза в больших количествах шли на изготовление изображений буддийских богов и святых, колоколов и другой утвари для храмов и монастырей. В 754 г. на изготовление колокола для храма Хванёнса было истрачено 790 тыс. гын (фунтов) металла⁴¹. Сохранившийся до наших дней колокол из храма Пондокса весит 12 тыс. гын. Хотя нет прямых сведений о социальной структуре ремесленного производства той эпохи, по многочисленным упоминаниям в источниках можно считать, что преобладающим было государственное ремесло, подчиненное центральному правительственному ведомству Конджанбу («Управление мастеровыми»), которое занималось производством различных тканей, одежды и украшений, домашней утвари и предметов культурного обихода, шорных и кожаных изделий, оружия, фарфора, черепицы и пр. Государственное ремесло основывалось на труде мастеров, приписанных к казенным учреждениям, или мастеров, обязанных нести отработочные повинности. Помимо этого, по всей вероятности, ремесла возникали как в хозяйстве свободного крестьянства, так и в имениях зарождающихся крупных феодальных землевладельцев, располагавших достаточным числом закрепощенных людей. О высоком уровне казенного ремесла можно судить по тому, что изделия силланских мастеров пользовались спросом далеко за пределами страны. Из перечня предметов, отправленных из Силла ко двору танского императора, видно, что наряду

³⁹ См.: там же, с. 244.

⁴⁰ Там же, с. 227.

⁴¹ Самгук юса. Пхеньян, 1959, с. 337—338.

с золотом, серебром и лекарствами имелись различные сорта парчи, тонкие шерстяные ткани и полотна, тончайшие ювелирные изделия — золотые и серебряные винные приборы, шпильки, колокольчики, колчаны с золотой и серебряной отделкой и другие изделия ремесленников⁴². Особенно славились разного вида луки и арбалеты силланских оружейников. Изменения в уровне развития производительных сил в сельском хозяйстве и ремеслах создали предпосылки товарного обмена. Основная масса прибавочного продукта непосредственных производителей поступала в распоряжение господствующего класса в виде продуктовой ренты (налогов и поставок), и из этой массы определенная часть превращалась в товар, о чем свидетельствует рост рыночного оборота. Однако не исключено, что часть избыточного продукта оставалась у самих производителей. Так или иначе оба этих источника могли обеспечивать товарный обмен. Если до объединения страны в столице Силла существовал только Восточный рынок, то в самом конце VII в. (в 695 г.) открываются еще два рынка — Западный и Южный⁴³. Торговая деятельность на всех рынках регулировалась особыми чиновниками государственного рыночного управления (Сиджон).

Часть избыточного продукта шла и на внешний рынок. Во внешнеторговом обмене Силла первое место занимала Танская империя, связи с которой (после кратковременного перерыва) усилились после объединения страны, когда вместо прежней военной помощи Силла была заинтересована в налаживании экономического и культурного обмена, поэтому развивала свое кораблестроение и мореходство. Обмен подарками и «данью» при официальных посещениях дипломатических представителей фактически носил характер межгосударственной торговли, ибо всегда соблюдался эквивалент обмениваемых ценностей (их перечень подробно давался в переписке). Кроме этой традиционной торговли в довольно широких масштабах велась частная торговля отдельными купцами. О размахе их деятельности можно судить по сообщениям о существовании в ряде портовых городов Танской империи специальных факторий и поселений, так называемых Силлабан, где всеми делами ведали сами силланские купцы⁴⁴. Обычный маршрут купцов проходил от силланских портов на западном побережье — Хельгучжин в устье р. Ханган или Тансонпхо (совр. Намьян) — через Шаньдунский полуостров (порт Дэнчжоу) вдоль восточного побережья Китая до уезда Динхай (около совр. Шанхая), откуда затем сушей или водным путем добирались до Чанъяня, столицы Танской империи. Очевидно, купцы торговали теми предметами, которые интересовали представителей господствующего класса обеих стран. Но по источникам известен лишь перечень предметов, которыми

⁴² См.: Ким Бусик. Указ. соч., с. 272.

⁴³ См.: там же, с. 208.

⁴⁴ См.: Ли Бёндю, Ким Джэвон. Указ. соч., с. 709.

обменивались обе стороны при посещении их посольств. Послы Танской империи передавали правителям Силла различные шелка, одежду, лекарства, ювелирные изделия, книги. Примерно такой же ассортимент составляли предметы вывоза из Силла, о которых мы говорили в связи с силланскими ремеслами. К названным ранее предметам, может быть, следует добавить вывозившиеся из Кореи шкуры морских зверей, мелкие лошадей, собак и т. д.

Оживленно велась торговля и с Японией. После разрыва дипломатических отношений в первой половине VIII в. примерно в течение 70 лет не существовало обмена посольствами между Силла и Японией (вплоть до 803 г.), но и тогда торговые связи поддерживали купцы обеих стран. Японские купцы довольно часто приезжали в порты Силла, а силланские купцы регулярно ездили на Кюсю и другие японские острова. Корабли силланских купцов производили перевозки пассажиров (паломников-монахов, учащихся и др.) и грузов, направлявшихся из Японии в Танский Китай. В дальнейшем с ослаблением централизованного государства и его контроля над деятельностью купцов еще более возрастал объем частной торговли силланских купцов, превращавшихся в отдельных случаях в весьма серьезную экономическую и политическую силу.

Активную деятельность Силла по развитию морских связей некоторые историки объясняют ослаблением контактов со своими соседями на материке после утверждения на севере государства Бохай (Пархэ). Возникло это государство в самом начале VIII в. (в 700 г. оно называлось Чжэнь, а с 713 — Бохай) в результате освободительной борьбы, развернувшейся среди местного населения и свергнувшей господство Танской династии на Ляодуне. В этом государстве, занимавшем территорию Ляодуна, северной части Корейского полуострова и южной части Приморья, подавляющее большинство населения составляли мохэские племена (в прошлом известные по китайским источникам как Сушень и Илоу), среди которых развернулся процесс классового расслоения, но ядро господствующего класса составили представители аристократии бывшего государства Когурё. Выходец из Когурё Тэ Чоён основал царствующую здесь династию. В 30-х гг. VIII в. Танская империя попыталась использовать государство Силла (этим можно объяснить и уступки ей со стороны Танской династии) против ее северного соседа, но эти действия оказались безуспешными. С тех пор в течение длительного времени не было налажено никаких дипломатических отношений между Силла и Бохаем, поэтому, несмотря на двухвековое соседство, в корейских источниках не осталось никаких сведений о Бохае. Отсутствие официальных отношений, конечно, не исключало возможности контактов, в том числе и торговых связей, между населением пограничных районов обоих государств.

Объединение страны и создание централизованного государственного аппарата не могло в условиях мелкого производства при-

вести к последовательному преодолению местной обособленности и тенденций к сепаратизму, но до тех пор, пока централизованная власть как олицетворение государственной собственности на землю служила орудием закрепощения крестьян (ломаая сопротивление их общинной организации), ее поддерживал формирующийся класс феодальных землевладельцев. Однако это централизованное государство довольно скоро исчерпало свои возможности в результате социально-экономических изменений, происшедших в течение VIII в. Развитие производительных сил и связанное с этим (особенно с развитием торговли и ростовщичества) усиленное разложение общинных отношений и интенсивная классовая дифференциация привели к небывалому усилению феодализации и росту крупного частного землевладения, подрывавшего устои государственной собственности на землю, на которой держалось централизованное раннефеодальное государство.

После узаконения с 757 г. земельных пожалований государственным чиновникам (в форме наделов ногып) дальнейшее увеличение общего числа и расширение существовавших государственных учреждений непрерывно увеличивало эту категорию крупного землевладения. Количественный рост земельных пожалований неизбежно вел и к качественным изменениям в характере этих земельных наделов, особенно в районах, удаленных от столицы, где сильна была тяга к закреплению их в качестве наследственных владений и превращению их в фактическую частную собственность. Об экономическом могуществе высшей служилой знати Силла можно судить, например, по сообщению «Син Таншу», где говорится, что «в доме силланского министра (чэсан) не прерывается жалованье», что большое количество принадлежащего ему скота — лошадей, крупного рогатого скота и свиней — пасется на морских островах (и по мере надобности отстреливают их для стола), что в его распоряжении находятся рабы и личная гвардия (латники). Правда, из текста не совсем ясно — имеется ли в виду наличие у него 3 тыс. латников (из отряда Нодан) или «трех тысяч юных невольников (нодон) и латников»⁴⁵. Во всяком случае из этого сообщения можно сделать вывод о наличии собственных войск в распоряжении крупных землевладельцев. Известно также, что после VIII в. общей тенденцией стало появление на местах феодальных владетелей, располагавших своими вооруженными отрядами.

Среди этих феодальных владений находились и обширные земельные угодья буддийской церкви. Когда буддизм стал официальной религией, а церковь получила различные привилегии (важнейшей из которых было освобождение от налогов ее земельных владений), земельные пожертвования в пользу церкви стали делать не только во имя спасения души жертвователей, но и для

⁴⁵ Син Таншу (Новая Танская история), кн. 220 (Лечжуань 145), Дунъян, Синло чжуань (Восточные варвары. Описание Силла).

облегчения налогового бремени. По-видимому, для борьбы с этими тенденциями еще в 664 г. ван Мунму запретил подданным самовольно передавать буддийским монастырям и храмам свои богатства и земли⁴⁶. Однако и после этого не только не уменьшились, но и значительно возросли земельные владения буддийских храмов и монастырей, главным образом за счет щедрых пожертвований самого государства, нуждавшегося в услугах церкви при решении политических и идеологических вопросов. Даже отрывочные известия свидетельствуют о весьма крупных земельных дарениях: 10 тыс. кён земли было передано церкви (монастырю Пэкюльса) в 693 г. в правление вана Хёсо, а ван Хегон в 779 г. передал 30 кель полей храму Чхусонса, чтобы его монахи молились о потустороннем благополучии вана⁴⁷.

И, наконец, растущая имущественная (классовая) дифференциация крестьян и разложение общинных отношений в деревне подрывали надельную систему, являвшуюся основной формой эксплуатации. О дальнейшей имущественной дифференциации в среде крестьян, держателей наделов чонджон, свидетельствуют и остатки подворного списка (чанджок), о котором уже упоминалось. Согласно этому документу по имущественному положению крестьяне уже подразделялись на 9 категорий, в соответствии с которыми находились размеры налоговых ставок. Подчеркивая особое привилегированное положение деревенского старосты (чхонджу)⁴⁸, документ констатирует факт выделения из среды крестьянства слоя богачей (тхохо), превращавшихся постепенно в мелких феодалов. Расширение земельных владений чиновников (ногып), буддийских монастырей и местных богачей означало постепенное поглощение ими крестьянских наделов (чонджон), составлявших материальную основу централизованного государства, сокращение доходов от крестьянских налогов и повинностей.

Таким образом по мере дальнейшего развития процесса феодализации, связанного с ростом различных форм крупного землевладения, все более обострялись противоречия, заложенные в системе классового господства, основанного на государственной собственности на землю. Несмотря на непрерывное сокращение сферы своего фактического господства, центральная власть по-прежнему требовала от населения уплаты налогов и выполнения всех повинностей. Чтобы спастись от невыносимого произвола правительственных чиновников, многие из крестьян, еще не попавших в крепостную зависимость от крупных землевладельцев, искали добровольного покровительства сильных и влиятельных людей. Такая форма закрепощения крестьян еще более усиливала местных феодалов, владельцев обширных имений (чанвон). Попытки центрального правительства применить силу для взыскания налогов встре-

⁴⁶ См.: Ким Бусик. Указ. соч., с. 170.

⁴⁷ Самгук юса, с. 105, 353.

⁴⁸ См.: Пак Сихён. Указ. соч.; «Ёкса квахак», 1957, № 6.

чали на местах упорное сопротивление. Кризис системы централизованной эксплуатации крестьян, обусловленный ростом на местах крупных феодалов, привел к крайнему обострению классово-политической борьбы в Силла. Власть центрального правительства парализовывалась не только сопротивлением податного крестьянства, которое не в состоянии было выдерживать двойной и тройной гнет, но и противодействием новых сил местных феодальных властителей, сформировавшихся как из числа государственных чиновников провинциальной администрации, так и стихийно выросших на местах богачей (преимущественно из крестьян). Развитие этих процессов привело к тому, что в конце IX в. фактически уже распалось централизованное государство Силла под ударами крестьянских восстаний и местных сепаратистских выступлений. Именно об этом повествует рассказ средневекового историка, который писал, что в третьем году правления вана Чинсон (женщина), или в 889 г., «в виду того, что из областей и округов страны не делали поставок и не платили налогов, правительственная казна была истощена, и государство испытывало крайнюю пужду. А когда ван направила своих посланцев, чтобы поторопить [с уплатой налогов], повсюду, подобно роям насекомых, поднялись воры и разбойники (т. е. бунтовщики)»⁴⁹.

Социальная природа мятежных выступлений против центрального правительства не раскрывается в сообщениях летописцев, которые и крестьянскую борьбу против эксплуататоров и сепаратистские восстания местных феодалов в одинаковой мере характеризовали как выступления «воров и разбойников». И в этих условиях рассмотрение некоторых моментов политической истории может помочь выяснению социально-экономических процессов, не нашедших прямого отражения в источниках.

Как известно из «Самгук саги», средневековые авторы делили всю историю государства Силла «на три периода: правление первых двадцати восьми ванов до вана Чиндок называют древней эпохой, правление восьми ванов, от вана Мурёля до вана Хегона, — средней эпохой, и правление двадцати ванов, от вана Сэндока до вана Кёнсуна, — поздней эпохой»⁵⁰, т. е. здесь древняя эпоха кончается 654 г., средняя эпоха — 780 г., поздняя — 935 г. Кроме того, в «Самгук саги» имеется пояснение о том, что первые двадцать восемь ванов назывались Сонголь, или «Священной костью», а последующие ваны от вана Мурёль — Чинголь, или «Истинной костью». Китайские авторы в дальнейшем отмечали, что первой костью назывался род вана, а второй — вся остальная аристократия⁵¹. Более точны указания о том, что к Сонголь принадлежали лица, находившиеся в родстве с ваном по отцовской и материнской

⁴⁹ Ким Бусик. Указ. соч., с. 278.

⁵⁰ Там же, с. 293.

⁵¹ См.: Ли Бёндо, Ким Джэвон. Хангукса, т. I, с. 552.

линии, а к Чинголь — родственники вана лишь по одной отцовской линии. Хотя еще не вполне выяснена социальная природа делений на «кости», связываемая с ними периодизация истории Силла (по линии родства правителей) несомненно говорит о происшедших социальных переменах. Сообщение о том, что линия правителей, принадлежавших к Сонголь, или «Священной кости», закончилась в 654 г. ваном Чиндок (женщина), дает основание предполагать, что связанная родством по мужской и женской линии эндогамная группа Сонголь охватывала крайне узкий круг привилегированных людей, старавшихся не допускать в свои ряды чужаков. Возможно, что она ограничивалась родовой аристократией первоначальной общины (Саро), которая покорила соседние общины и племена и положила начало силланской государственности (или даже первого союза племен). Однако дальнейшее развитие государства Силла и включение в ряды господствующего класса аристократии иноплеменного происхождения постепенно уменьшали удельный вес и роль первоначальных родов (пока, наконец, вовсе не прекратилась линия их потомков), и этот процесс отразился в смене царствующей аристократии Сонголь на Чинголь, ряды которой постепенно расширялись. С приходом ванов из аристократии Чинголь было осуществлено объединение страны. В течение так называемого Среднего периода существования централизованного государства ванский престол удерживался за прямыми потомками вана Тхэджон Мурёля (Ким Чхунчху), первого вана из рядов Чинголь. «Поздний период» истории Силла был временем, когда в борьбу за ванский престол включились многочисленные представители боковых ветвей царского рода, именуемого Чинголь. Эти изменения в генеалогическом древе правителей Силла явились отражением и социальных перемен и изменений в характере политической борьбы.

В ранний период создание бюрократического аппарата сопровождалось сохранением привилегий родовой аристократии различных племен, вошедших в состав государства Силла, причем царская (ванская) власть монопольно закрепились за аристократией определенных (первоначальных) родов, образовавших группу Сонголь. Такое своеобразное положение объяснялось сохранением сильных пережитков первобытнообщинных отношений в период зарождения класса феодальных землевладельцев в Силла. Здесь также следует искать причину того, почему оказался столь длительным процесс постепенной утраты политической гегемонии столичной аристократией Силла, которая по происхождению была связана с родо-племенной знатью периода возникновения раннефеодальной государственности.

Создание централизованного государства после войн за объединение страны, по-видимому, не изменило существенно положения и не прекратило борьбы между различными группами аристократии (разноплеменного происхождения) за политическую гегемонию и захват королевской (ванской) власти. Об этом напоминают сооб-

щения летописцев, касающиеся разоблачения заговоров против ванской власти в 681 г. (заговор Хымдоля, Хынвона и Чингона) и в 700 г. (заговор Кёнёна и др.), в которых оказались замешанными весьма высокопоставленные сановники⁵². И впоследствии представители высшей родовой знати не переставали оспаривать престол. После восшествия вана Хегона в 768 г. против него выступило 96 какканов (самый высокий чиновный ранг, присваиваемый представителями аристократии Чинголь), претендовавших на высшую власть. Междоусобная борьба охватила столицу и все области. Войска одного из какканов Тэгона в течение 33 дней осадили ванский дворец. Правительству вана потребовалось целых три месяца для разгрома сил мятежников. Как отмечает летописец, «казненных было неисчислимо», а все имущество мятежников перевезено в казну вана⁵³. Это крупнейшее вооруженное выступление против центрального правительства свидетельствовало не только о соперничестве аристократии различных родов, но и о симптомах ослабления центральной власти под влиянием роста сил крупного землевладения на местах. Несомненным отражением этих процессов являлось обострение соперничества и борьбы за власть в среде столичной аристократии, принадлежавшей к разветвившемуся царскому (ванскому) роду.

В 780 г. ван Хегон был убит во время мятежа, поднятого одним из представителей царского рода Ким Чиджоном⁵⁴. Со смертью Хегона закончилась линия прямых потомков Тхэджон-Мурёля, и вместе с этим началась полоса междоусобных распрей в среде столичной аристократии. Мятеж Чиджона был подавлен войсками сандэдына (первого министра) Ким Янсана и ичхана (чин 2-го ранга) Ким Кёнсина. В результате ванами последовательно стали Ким Янсан (ван Сэндок до 785 г.) и Ким Кёнсин (ван Вонсон до 792 г.), причем Ким Кёнсин занял престол в обход наследника предшествовавшего вана — Ким Чувона. Внук Вонсона ван Эджан в 809 г. был убит во время переворота, совершенного его дядей Онсыном (ван Хондок). В правление вана Хондока в 822 г. произошло выступление, которое указывало на прямую связь междоусобной борьбы в столице с сепаратистскими устремлениями на местах. Летописцы отмечают, что правитель области Унчхонджу — Ким Хончхан, «недовольный тем, что отец его Чувон (который был приемным сыном Ким Янсана — вана Сэндока. — М. П.) в свое время не стал ваном, поднял мятеж и провозгласил создание государства Чанан (Длительного спокойствия)», «угрозами подчинил себе правителей четырех областей — Муджинджу, Вансанджу, Чхонджу и Сабольджу, а также заместителей малых столиц Куквон, Совон, Кимгван (Кимхэ), а также начальников округов и

⁵² См.: Ким Бусик. Указ. соч., с. 209.

⁵³ См.: там же, с. 234—235, 334.

⁵⁴ См.: там же, с. 237.

уездов, входящих в эти области». Для подавления этого мятежа центральному правительству пришлось двинуть несколько армий, действовавших по восьми направлениям, дать ряд крупных кровопролитных сражений, в результате которых было убито или взято в плен множество мятежников. По сообщениям летописей, Хончхан после упорной обороны в осажденной крепости покончил с собой, и «одновременно были казнены двести тридцать человек из его родственников и единомышленников, а их люди были отпущены на волю»⁵⁵. Из последней фразы можно установить наличие у местных феодалов значительного числа закрепощенных подневольных людей. Через три года (в 825 г.) сын Хончхана «Поммун в сговоре с кодальсанским разбойником Сусином и другими ста с лишним своими сторонниками замыслил мятеж» и пытался основать свою столицу в Пхёнёне (совр. Янчжу), но потерпел поражение⁵⁶. На этом не прекратились распри в правящем классе. В 836 г. после смерти вана Хындока борьба за престол завязалась между его братом Кюнджоном и племянником Чеюном. Кюнджон погиб в завязавшейся схватке, а престол занял Чеюн (ван Хиган), но через некоторое время в 838 г. был свергнут своим подчиненным Ким Мёном (ван Минэ). Между тем Уджин, сын Кюнджона, ранее бежавший со своей семьей в порт Чхонхэджин под защиту его управителя Чан Бого, решил начать борьбу за престол при помощи сил Чан Бого⁵⁷. Таким образом междоусобная борьба столичной аристократии вовлекла и одного из крупных окраинных феодалов.

Чан Бого (его звали также Кунбок) представлял весьма колоритную фигуру провинциального феодала той эпохи. Выходец из крестьян, он выдвинулся на военной службе в Суючжоу (Танской империи), где стал мелким военачальником. По возвращении в Силла в 828 г. он был назначен управителем (тэса) порта Чхонхэджин (о. Вандо), где, собрав 10-тысячную армию, развернул борьбу с морскими пиратами. После успешной расправы с танскими пиратами ему удалось монополизировать в своих руках торговлю с Китаем и Японией, что принесло ему огромные богатства и силу. Он не только принял под свое покровительство одного из столичных аристократов, но и вступил непосредственно в борьбу за центральную власть. Посланный им 5-тысячный отряд помог Уджину свергнуть Ким Мёна (вана Минэ) и занять престол в 839 г. Так воцарился ван Синму. Чан Бого за свои заслуги получил титул почетного военачальника и 2 тыс. дворов в виде кормового владения (сиксильбон). Вскоре, при новом вane Мунсоне (сыне Синму), Чан Бого приобрел огромное влияние на государственные дела и даже собирался женить вана на своей дочери, но это вызвало противодействие родовой столичной аристократии. В конце-концов

⁵⁵ Там же, с. 254—255.

⁵⁶ См.: там же, с. 256.

⁵⁷ См.: там же, с. 261.

Чан Бого был убит подосланным убийцей в 846 г., а порт Чхонхэджин закрыт⁵⁸.

Несмотря на эти политические потрясения, столица Силла внешне сохраняла свое прежнее величие и производила впечатлительные достатки и даже процветания. В ней проживало 170 тыс. семей. Все дома были под черепичной кровлей, а у многих богачей они были украшены золотом. Вместо дров для отопления применяли древесный уголь. Но все величие столицы Силла держалось на зыбком основании, ибо бывшее могущество централизованного государства и власть столичной аристократии уже были подточены ростом крупного землевладения и самостоятельности феодальных властителей на местах. Фактический распад государства на многочисленные феодальные уделы воочию обнаружился в конце IX в. Этот упадок централизованного государства средневековые историки, проникнутые конфуцианскими предрассудками, пытались объяснить порочным правлением вана-женщины (Чинсон, 887—897), окружившей себя молодыми любовниками, которые, захватив власть, допускали всевозможные злоупотребления⁵⁹. Это считалось причиной народных волнений и беспорядков. В действительности центральное правительство не располагало средствами, чтобы подчинить местных феодалов своему влиянию. В результате налоги не поступали из областей, казна опустела. С ослаблением центрального правительства усилился произвол местных чиновников и богачей. Попытки центрального правительства собрать налоги, несмотря на голод и неурожай в стране, привели в 889 г. к всеобщему восстанию⁶⁰.

Источником этих восстаний, с одной стороны, была борьба крестьян против усиливающегося феодального гнета и эксплуатации. Уже в 819 г. были зарегистрированы восстания голодающих крестьян, названных в источниках «деревенскими разбойниками» (чходжок). С другой стороны, в целях борьбы против центрального правительства недовольством народа пользовались местные феодалы, выросшие из бывших чиновников и местных богачей, которые нередко возглавляли народные выступления и затем становились настоящими правителями целых районов. Наиболее крупными были антиправительственные восстания под предводительством Вонджона и Эно в Сабольджу (Санджу), Янгира и его вассала Кунъе в Пуквоне (Вонджу), Кихвона (Ки Хвона?) в Чукджу (Чуксан), Кён Хвона, или Чин Хвона, в Вансане (Чонджу) и др.⁶¹ В результате этих восстаний объединенная Силла распалась на многочисленные уделы, и власть центрального правительства ограничивалась небольшим районом около столицы. В противовес Силла провозглашались новые государства, феодальные правители которых

⁵⁸ См.: там же, с. 262, 264—266.

⁵⁹ См.: там же, с. 277—278.

⁶⁰ См.: там же, с. 278.

⁶¹ См.: там же, с. 278—280.

располагали большей силой и влиянием, чем старая аристократия Силла.

Одно из таких государств возникло в юго-западной части Корейского полуострова. Его основателем был сын крестьянина из Санджу Кён Хвон. Он выдвинулся на военной службе в войсках по охране юго-западного побережья, но в 892 г. он оставил службу и возглавил один из отрядов антиправительственных повстанческих сил в районе Кванджу (совр. Южн. Чолла). Повстанцы с восторгом были встречены населением областного центра Вансанджу (совр. Чонджу), где Кён Хвон объявил о возрождении государства Пэкче. Новое государство стало называться Хубэкче или Поздним Пэкче. По мере усиления его основатель недвусмысленно претендовал на власть в столице Силла.

Другое государство было основано на севере (в центральной части Корейского полуострова) неким Кунъе, отпрыском царского рода Силла, долгое время бывшим монахом в храме Седаляса (на территории совр. Кёнгидо). Во время начавшихся восстаний Кунъе примкнул к отряду Янгира, действовавшего в районе Пуквона (совр. Вонджу). При поддержке Янгира он подчинил себе местных властителей в бассейне р. Имджинган и в 898 г. в округе Сонак (совр. Кэсон) создал базу для дальнейшего усиления своего влияния. Вскоре он разгромил Янгира силами своего вассала Ван Гопа и захватил принадлежавшие Янгиру владения. В 901 г. Кунъе провозгласил себя ваном, а свое владение — государством Позднее Корё (т. е. Когурё)⁶², подчеркивая свое стремление к возрождению бывшего величия Когурё. Впоследствии название этого государства переименовывалось дважды — сначала в Маджин, а затем в Тхэбон, когда его столицей стал город Чхольвон. Как некогда Янгир, и Кунъе в 918 г. был свергнут своим вассалом Ван Гоном, который восстановил название государства Корё и перенес столицу в свое родовое владение Сонак⁶³.

Этот период феодального раздробления Силла и появления новых государств обычно называют временем позднего троецарствия (Хусамгук). Феодальная раздробленность Кореи была преодолена в результате нового объединения страны вокруг государства Корё.

О КОРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Периоды трех государств и объединенной Силла характеризовались не только зарождением и утверждением феодальных отношений; это было время становления феодальной культуры, пришедшей на смену культуре первобытнообщинного строя.

Для корейской культуры раннего средневековья были характерны унаследованные от прежних обществ самобытные черты, усвое-

⁶² См.: там же, с. 282.

⁶³ См.: там же, с. 285.

ние культурных достижений соседнего феодального Китая, создание новых культурных ценностей, которые оказали большое влияние не только на развитие своей страны, но и соседних стран, особенно Японии.

Возникшая в процессе формирования единой народности в Корее раннефеодальная культура положила начало самобытной национальной культуре последующего времени.

Источниками для изучения корейской культуры раннего средневековья служат различные археологические памятники (остатки городов и сооружений, курганы и гробницы, предметы быта и произведения искусства) и сообщения письменных источников.

Развитие культуры классового общества было подготовлено, прежде всего, качественными изменениями в развитии производительных сил, о чем можно судить по многочисленным памятникам материальной культуры. В период трех государств широко распространилось применение железа. Об уровне когурёской металлургии говорит, например, изготовление из стали сельскохозяйственных орудий, оружия, гвоздей, жаровниц и других предметов, сохранившихся в числе погребального инвентаря в когурёских гробницах (Ронамни в пров. Чаган, Рёнхори в пров. Сев. Пхёнан и др.).

С потребностями земледелия были связаны и первые шаги в развитии науки. Во всех трех государствах возникла постоянная служба наблюдения за небесными светилами и состоянием погоды. Отвечавшие за это должностные лица в Когурё назывались ильча, в Пэкче — ильгванджа, в Силла — чхонмун пакса («доктор небесной грамоты»). Материальными свидетельствами развития астрономических знаний могут служить высеченные на камнях или нарисованные на стенах гробниц небесные светила в Когурё, «Башня для наблюдений за звездами» (Чхонсондэ) в Силла (VII в.) и другие памятники.

Об архитектуре и строительной технике государства Когурё можно судить по следам или остаткам его бывших столиц в Кукнэсон (Хвандо) на р. Амноккан (теперь в уезде Цзиань КНР), в горной крепости Тэсонсан с примыкающим дворцом Анхаккун у ее подножия (в пригороде совр. Пхеньяна) и в Чанансоне (в пределах совр. Пхеньяна). Столицы, как правило, воздвигались в живописных местах с естественными рубежами (излучина или гористый берег реки), удобными для обороны от нападений вражеских войск. Когда дворцовый комплекс Анхаккун располагался на равнине в форме правильного квадрата, рядом с ним существовала горная крепость (на Тэсонсане) с запасами оружия и продовольствия, рассчитанная на длительную оборону в случае опасности. Пэкчская столица Унджин (в районе совр. Конджу), судя по остаткам валов, стен и фундаментов сооружений, тоже была хорошо защищена естественной преградой реки и скалистых гор. Столица Силла Кымсон или Вангён (совр. Кёнджу) также находилась в речной долине, окруженной горами, имела цитадель Вольсон («Лунный град»), возвышавшуюся над окружающим городом.

Архитектурный стиль Когурё живо представляют сохранившиеся до наших дней такие подземные гробницы-дворцы, как построенная в виде ступенчатой пирамиды Могила полководца (Чангун чхон) на территории Цзиани, скрытая под огромным курганом гробница № 3 в Анаке и ряд гробниц (Три могилы — Саммё и др.) в уезде Кансо. Некоторое представление об архитектуре Силла дает строгая каменная кладка упомянутой «Башни для наблюдения над звездами» (Чхомсондэ, VII в.) в г. Кёнджу. Кроме того, фрески с изображениями зданий из когурёских гробниц (в Цзиани, в уездах Ёнган и Анак), а также сохранившиеся в письменных источниках описания девятирусной пагоды храма Пунхванса в Силла, девятирусной (высотой в 70 чхок) пагоды храма Мирыкса в Пэкче и другие дополняют представление о самобытной архитектуре периода трех государств.

С сооружением дворцов и храмов, с обставлением быта представителей господствующего класса и их «загробной жизни» было связано развитие живописи, скульптуры, художественных ремесел и других отраслей прикладного искусства. Найденные на месте бывших дворцов и храмов куски черепиц и керамические плиты (облицовочные кирпичи) периода трех государств поражают прочностью и высоким художественным уровнем. Облицовочные плитки из государства Пэкче содержат рельефные изображения пейзажа, фениксов и других сюжетов. Наряду с подобными облицовочными материалами керамика Силла представлена разнообразными сосудами (кубками, чашами, горшками), отличающимися прочностью, изяществом и совершенством обжига («обжигом Силла»). В таких изделиях, как облицовочные плиты с изображением пейзажей и фантастических существ, художественное ремесло сочеталось с элементами скульптуры. Развитие скульптуры было связано преимущественно с распространением буддизма. Из произведений скульптуры государства Когурё сохранилось очень мало. Отдельные находки их, как, например, изображение Будды, найденное на горе Тэсонсан, свидетельствуют о довольно высоком уровне литья и обработки металлических скульптур. Среди скульптурных памятников из государства Пэкче можно отметить такие, как изображение бодисатвы Кваным (или Авалокитешвары) из меди и золота, найденное при раскопках в Пуё (на месте бывшей столицы Саби), рельефное изображение бодисатвы на большой глыбе естественного камня в уезде Сосан (пров. Южн. Чхунчхон), передающее мягкие черты человеческого лица с выражением спокойствия и счастья. Представление о скульптуре и искусстве Пэкче значительно дополняют памятники, оставшиеся на территории Японии. Особо следует напомнить о знаменитой скульптуре бодисатвы Авалокитешвары (VII в.) из храма Хорюдзи в г. Нара, где, кстати, и черепица аналогична применявшимся в государствах Пэкче и Когурё. И в Силла скульптура была связана с отливкой металлических изображений будд.

Об искусстве и художественных ремеслах периода трех госу-

дарств дают наглядное представление гробницы и их погребальный инвентарь. Выдающиеся образцы настенной фресковой живописи мы находим в гробницах Когурё. Связанные с представлением о загробной жизни, эти фрески, однако, с большой живостью воспроизводят картины реальной когурёской действительности. В анакской гробнице № 3 (IV в.), где потолок расписан картинами, изображающими райскую жизнь в небесах, настенная живопись реалистически показывает земную жизнь покойника, его богатую домашнюю обстановку, воинские подвиги и могущество (парадный выезд его сопровождается многочисленной свитой, включающей большой оркестр), его пиры и развлечения (сцены охоты и пр.). В фресках когурёских гробниц более позднего времени бытовые сюжеты вытеснялись мифологическими или религиозными, среди которых ведущим был мотив «Четырех гениев», или «Духов четырех частей света», охранявших потусторонний покой погребенных. Наиболее знаменитыми из них являются фрески из погребальных камер Трех могил (Саммё) уезда Кансо. На каждой из четырех стен размещены фантастические животные, изображающие духов четырех стран света: синий дракон (Чхонён) на восточной, белый тигр (Пэкхо) на западной, пурпурная птица (Чуджак) на южной, и сочетание черепахи со змеей (Хёнму) на северной. Несмотря на фантастический сюжет, животные изображены с огромной художественной силой и реалистическим мастерством, что делает эти фрески шедеврами мирового значения. Фресок пэкческих гробниц сохранилось не так много, но они также свидетельствуют о высоком уровне развития живописи Пэкче. Не случайно пэкческие художники наряду с когурёскими приглашались в Японию, где они оставили весьма заметные творения. Уехавший в 597 г. в Японию принц Ячва написал знаменитый портрет японского принца Сэнтюку. Известные фрески храма Хорюдзи в Нара были написаны когурёским мастером Тамджином, уехавшим в Японию в 610 г. О произведениях силланской живописи долгое время могли судить по письменным источникам, которые сообщали, например, о деятельности таких замечательных силланских художников, как Солго, расписавшего стены храма Хванёнса (конец VII в.). Археологические открытия последнего времени позволили узнать и о фресках на стенах силланских усыпальниц.

Из могильных курганов извлечены сокровища силланского искусства и более раннего периода (V—VI вв.). Наиболее знаменитым по богатству погребального инвентаря является открытый в уезде Кёнджу (еще в 1921 г.) «Курган золотой короны» (Кымгванчхон), где было обнаружено несколько тысяч различных предметов, в том числе замечательные украшения, оружие, конская упряжь и пр. Наряду с железными мечами, наконечниками копий и стрел, стремянами и прочим в погребении оказалось огромное количество тончайших ювелирных изделий, прежде всего корона из чистого золота, украшенная золотыми подвесками и бусами, золотые серьги, золотые и серебряные браслеты и кольца, пояс,

украшенный многочисленными золотыми подвесками, золотые туфли, подбитые фигурными гвоздиками и т. д. По времени это царское погребение, вероятно, относится к периоду утверждения государственной власти в Силла. По различиям в погребальном инвентаре разных курганов района Кёнджу можно сделать вывод о заметно развившемся процессе имущественной дифференциации и о резко выделении богатых и знатных в обществе Силла.

Изменения в материальной культуре трех государств отражали процесс развития классового общества и государственности, вызвавших одновременно важные перемены в духовной культуре и идеологии.

Для времени зарождения трех государств характерным являлось сосуществование первобытных анимистических культов (поклонения Солнцу, Луне, Земле и различным природным стихиям) с новыми верованиями и культами, порожденными развитием классового общества. С появлением первых политических объединений (союзов) племен и возрастанием роли их вождей, постепенно превращавшихся в царей, зародился культ Основателя, или родоначальника племени, игравшего роль гегемона в союзе. Появившись еще в первобытном обществе, культ предков со временем трансформировался в идеологию, призванную освящать новоявленную государственную власть. Предки захвативших политическую власть ведущих родов изображались происходящими от всевышнего духа Неба, а сама власть — выражающей волю Неба. Государство канонизировало мифы об основателях, а поклонение им превратилось в общегосударственный культ, которому посвящались алтари и храмы. Появление такого культа не отменило и различных анимистических верований, унаследованных от первобытности. Цари (ваны и пр.), представлявшие зачаток государственной власти, зачастую совмещали свои функции с жреческими, руководя жертвоприношениями духам стихий. В Когурё, например, поклонялись духам светил и Пещерному духу. Высшими божествами в Пэкче являлись духи Неба и Земли. Наряду с ними в Силла совершали жертвоприношения духам Трех гор и Пяти холмов (Самсан Оак).

В идеологии трех государств своеобразно сочетались первобытноанимистические культы с религиозными системами, проникавшими извне и служившими для освящения и упрочения государственных начал. К ним относилось прежде всего конфуцианство с его учением о Небе, как первопричине и властелине всего сущего, о государстве как большой патриархальной семье, где отношения людей определяются сыновней почтительностью (покорностью младших старшим). Для подготовки и воспитания государственных чиновников в духе этих принципов в Когурё в 372 г. открыли Высшую школу (Тхэхак), в которой преподавались конфуцианские каноны (так наз. «Пятикнижие») и китайские династийные истории. Почти в то же время конфуцианские идеи получили распространение в Пэкче, где для ученых конфуцианцев.

существовало звание пакса («доктор»). Этот титул носили, например, Кохын, автор первой истории страны, и распространитель китайской письменности в Японии Ванъин. В Силла примерно с начала VI в. конфуцианские идеи стали оказывать решающее влияние на организацию государственных учреждений и развитие культуры. Вместе с конфуцианством и буддизмом в трех государствах получила распространение китайская письменность, которую впоследствии приспособили и для передачи особенностей фонетики и грамматики местного языка. В VII в. силланский ученый Сольчхон на базе китайских иероглифов создал систему письма (хянчхаль или «иду»), позволявшую переводить на местный язык канонические сочинения конфуцианства. Во всех трех государствах возникла также историография (летописание), следовавшая конфуцианским традициям.

С утверждением буддизма в качестве государственной идеологии (в Пэкче и Когурё с IV в., в Силла с VI в.) и формированием буддийского духовенства стала создаваться и местная литература, посвященная толкованию религиозных догм. Сочинения силланского священника Вонхё получили известность за пределами корейских государств. В корейские государства проник и даосизм, который в Когурё, например, получил особенную поддержку в период борьбы против агрессии Танской династии, а в Силла был составной частью идеологии хваранов (в частности, учение о самоотверженном служении долгу). Идеи конфуцианства, буддизма и даосизма с разных позиций служили интересам господствующего класса трех государств, идеологически укрепляя его власть над народом. Вместе с тем они повлияли и на развитие различных областей культуры, способствуя, например, становлению научных знаний. Так, в связи с потребностями государственного управления и военного дела получили развитие географические, медицинские и другие знания. К VII в. во всех трех государствах велись работы по составлению географических карт и описаний, о чем свидетельствуют такие произведения, как «Изображение владений и пределов» (Понъёкто) в Когурё или «Собрание карт» (Тоджок) в Пэкче. Систематизировались также знания по методам врачевания, что позволяло готовить хороших лекарей. В VI в. японцы с большим почетом встречали пэкческих лекарей и фармацевтов. Когурёское пособие по фармакологии («Носабан») и силланское руководство по лечению («Попсабан») были высоко оценены в Суйской и Танской империях. С конца VII в. в Силла для подготовки лекарей была открыта специальная медицинская школа.

Идеологические перемены, связанные с утверждением классового общества и государства, повлияли на развитие литературы и искусства. В поэзии наряду с песенным жанром (каё) появляются книжные стихотворения на китайском языке (хянси), посвященные патриотическим (например, стихи Ыльчи Мундока) или лирическим (например, «Стихи об одиноком камне» монаха Чонбонса) темам. И в жанре песенной поэзии (каё), восходившей к устному народно-

му творчеству⁶⁴ и существовавшей в неразрывной связи с музыкой и танцами, началось индивидуальное творчество отдельных поэтов. Причем только с изобретением системы записи местной речи китайскими иероглифами (письма «иду») в VI—VII вв. появились письменные тексты сочинений этих поэтов, выражавших мировоззрение своей эпохи. В то время поэтическому слову, вероятно, придавали и какое-то магическое свойство заклинаний.

Прозаические произведения художественной литературы, тесно связанные с историографией, сохранились вместе с ранними летописями, вошедшими затем в состав таких сочинений, как «Самгук саги» и «Самгук юса». Художественные описания исторических событий (рассказы о возникновении государств, правлении царей, подвигах полководцев и героев) легли в основу ранних произведений повествовательного жанра. При этом рассказы о реальных событиях перемежались с легендой и сказкой, биографии реальных лиц — с художественным вымыслом о жизни идеальных героев. Часто прозаические сочинения представляли запись устных рассказов со сказочным или басенно-сатирическим сюжетами. Впервые появляются как прозаический жанр и путевые записки.

Подобно литературе, музыка и танцы в трех государствах (отражавшие определенный уровень их социально-экономического развития) также служили идеологическим целям возвеличивания господствующего класса. Настенные фрески когурёских гробниц живо воспроизводят парадные выезды правителей и аристократии, в свите которых внушительную часть составляли музыканты оркестра (во фреске анакской гробницы из 250 человек свиты они составляли половину). По фрескам из «Гробницы танцующих» (Муёнчхон) и по описаниям летописей можно узнать о разнообразных танцевальных жанрах и музыке трех государств (танцы с играми, танцы в масках, танцы с лением и т. д.). Известно также об огромной популярности, которой пользовались музыка и танцы трех корейских государств в соседних странах — Китае и Японии. Наиболее распространенными струнными музыкальными инструментами являлись созданный музыкантом Ван Санакком комунго в Когурё и каягым, внедренный в Силла музыкантом Урыком.

Культура периода трех государств получила дальнейшее развитие в объединенном государстве Силла, где завершилось развитие раннефеодального общества и начался переход к развитым формам феодальных отношений. Объединение страны, создавшее условия для экономического подъема и формирования единой народности с одним общегосударственным языком, ознаменовалось несомненным подъемом в области культуры, о чем красноречиво свидетельствуют культурные достижения Силла в течение VII—VIII вв. Как и в период трех государств, и в это время идеология характеризо-

⁶⁴ Судя по тому, что появление песенного жанра (в частности, песни «Тусольга») летописцы отнесли к временам силланского вана Юри (24—57 гг. н. э.), можно установить определенную связь этих песен с фольклором.

валась соединением исконных элементов (в частности, верований в различных духов) с идеями конфуцианства, буддизма и даосизма. Сплав этих идей нашел свое выражение в идеологии хваранов, в так называемых «Правилах (или пути) поведения цветущей молодежи», служивших целям борьбы за объединение страны. Культ воинской доблести получил еще большее распространение в ходе войн за объединение страны, в которых выдающуюся роль сыграли Ким Юсин и другие полководцы, вышедшие из среды хваранов.

После объединения страны и создания централизованного государства первостепенное значение приобрели вопросы, связанные с организацией управления. Вот почему на первое место выдвигалось конфуцианство, дававшее теорию и практическую систему государственного управления. Уже к концу войн за объединение в 682 г. в Силла для подготовки чиновников была создана высшая государственная школа (Кукхак), где главными предметами преподавания являлись сочинения китайских конфуцианских классиков (прежде всего «Лунь Юй» и «Сяо цзин»), а обучались выходцы из аристократических семей в возрасте от 15 до 30 лет. Для преподавателей были установлены степени пакса (доктор) и чоге (ассистент). К концу VII в. в Силла большую известность приобрели такие знатоки конфуцианских идей и китайского языка, как Им Кансу, Соль Чхон (создатель письма «иду») и др. Конфуцианство, которое в начале составляло лишь элемент в системе воспитания хваранов, постепенно приобрело доминирующее значение в качестве государственной идеологии. С 788 г. оканчивающим государственную школу присваивали чиновные ранги или степени, которые зависели от уровня знаний конфуцианских классиков, обнаруженного на специальных экзаменах. Отныне не военная доблесть, а конфуцианская ученость стала мерилom при отборе чиновников на государственную службу.

Нужды государственного управления и потребности производства, прежде всего сельского хозяйства, сделали необходимым развитие элементов точных, естественных и практических наук, особенно таких, как математика (счет), астрономия (с которой было связано летосчисление и определение времен года), медицина, военное дело и юрипруденция. Однако наряду с истинными знаниями развивались также суеверия, магия и чернокнижие. Особенно большое место занимала геомантия, исходившая из представления о существовании так называемых благоприятных и неблагоприятных мест для поселений и погребений, о необходимости угадать и найти такое счастливое сочетание гор и вод, когда духи их будут способствовать процветанию людей. Эта лженаука получила в дальнейшем еще большее «теоретическое» обоснование и распространение.

Если конфуцианство преобладало в сфере государственного управления и политики, то не меньшую роль играл буддизм в сфере духовного воздействия на народные массы, парализуя их настроения и недовольство существующими порядками. Распрост-

раняемый при поддержке государства буддизм в Силла был представлен разнообразными течениями. Если к середине VII в. в Силла существовало только пять основных сект махаянистской ветви, то в VIII в. в противовес им возникло девять новых сект («девять гор») разного направления, именовавших себя названиями гор и имевших свои монастыри и своих основоположников. В Силла появился ряд проповедников (Вонхё, Ысан и другие), пытавшихся дать свое собственное оригинальное толкование сущности буддийского учения. Много буддийских монахов направлялось на учение в Танскую империю, а также в паломничества («за верой») к святым местам буддизма. Еще в первой половине VI в. силланский монах Ариябарма сушей добрался до Индии, но не вернулся (умер в пути). Аналогичная судьба постигла и других монахов, попадавших в Индию. Лишь двое — Хёнтхэ и Хечхо — смогли побывать в Индии, а затем добраться, по крайней мере, до Танского Китая. Хечхо в начале VIII в. направился в Китай, откуда морем доехал до Индии, посетил святые места буддизма, а затем через Кашмир и другие североиндийские государства и далее через Иран дошел до Сирии. Обратный путь он совершил также пешком по всей Средней и Центральной Азии, через тысячи километров пустынь, гор, лесов, водных преград, преодолевая многочисленные трудности и опасности. Перевалив Памир, он дошел до Чанъяня (в 727 г.), столицы Танской империи, где и умер. Фрагменты его записок «Ваньо чхончхуккук чжон» («Повесть о посещении пяти индийских царств»), случайно найденные в начале XX в. в пещерах Дунхуана, представляют ценный исторический источник, дающий представление о тогдашних государствах Индии и Средней Азии. Хечхо был также крупным буддийским ученым, переведшим на китайский язык санскритские религиозные сочинения.

Литература и искусство объединенной Силла развивались в тесной связи с идеологией господствующего класса. Конфуцианскими учеными и писателями VII—VIII вв. была создана значительная литература на китайском языке. В источниках упоминается множество имен писателей, но их произведения не сохранились до наших дней. Так, например, автор начала VIII в. Ким Дэмун известен своими биографическими трудами, посвященными жизни отцов буддийской церкви («Повести о высших священниках») и знаменитых хваранов («Записки о поколениях хваранов»). К последнему периоду государства Силла относится деятельность знаменитого конфуцианского ученого и писателя Чхве Чживона, отдельные произведения которого дошли до наших дней.

Как и в предшествующий период, поэзия в объединенной Силла была представлена жанром каё (лесен), получившим широкое распространение в VIII—IX вв. Образцы песен каё периода Силла (всего 14) дошли до нас в передаче автора «Самгук юса». О большом разнообразии произведений песенной поэзии можно судить по сообщению летописи о составлении в 888 г. поэтом Тэгухвасаном и первым министром Вихоном большого свода поэтических

произведений «Самдэмок» («Чтение для всех»), который, к сожалению, не сохранился.

В объединенной Силла получили дальнейшее развитие музыка и хореография трех государств. Здесь продолжал свою деятельность знаменитый когурёский музыкант Ван Санак, создавший более 100 произведений. Ок Пого считается подлинным главой силланской школы музыкантов. Исполнялись музыкальные произведения на основных струнных (комунго, каягым, пипха) и духовых (тэхам, чунхам и сохам) инструментах, которые отличались весьма широким акустическим диапазоном. Развитие музыки и танцев привело к созданию своеобразных вокально-танцевальных ансамблей, состоявших из музыкантов-аккомпаниаторов (3—4 человек), танцоров (1—2 человек) и певцов (1—3 человек). Силланская музыка оказала заметное влияние на развитие музыкального искусства в тогдашнем Китае и Японии.

Изобразительное искусство периода трех государств также получило дальнейшее развитие в объединенном Силла в VII—VIII вв. Оно было тесно связано с идеологией буддизма и культовыми сооружениями, которые определяли комплексное развитие архитектуры, скульптуры, живописи и художественных ремесел. Несмотря на ограниченность изображаемых сюжетов, в произведениях этого времени отразились одаренность и самобытность художественного мышления народа. В скульптуре периода объединения страны характерным мотивом было изображение «Царя четырех небес» (Сачхонван) или духа-покровителя государства. Идея укрепления государственности была вложена в постройку храма Сачхонванса, возведенного в правление вану Мунму. Как показывают найденные на месте бывшего храма облицовочные плиты, на лицевой стороне их были рельефные изображения «Царя четырех небес» с мечом, вознесенным над поверженными врагами. Среди выдающихся мастеров, работавших над скульптурами и сюжетами на облицовочных плитах, был художник Янджи, оформлявший храмы Нёнмёса, Помимса, Сачхонванса и другие. В скульптуре этого периода важное место занимали намогильные памятники, типичным из которых можно считать монумент на могиле вана Тхэчжон-Мурёля (Ким Чхунчху), сыгравшего выдающуюся роль в возвышении государства Силла. На спине огромной каменной черепахи, символизирующей спокойствие и величие, возвышалась каменная стела, увенчанная характерной скульптурной капителью (стела не сохранилась). Поразительная монументальность этого памятника сделала его образцом для многочисленных последующих подражаний. С сооружением мемориальных памятников было связано и искусство каллиграфии на камне.

Укрепление централизованного государства Силла в VII—VIII вв. стимулировало развитие изобразительного искусства, связанного с оформлением храмов и других монументальных сооружений. О многих памятниках известно лишь по рассказам летописцев. Более наглядное представление об искусстве того времени дают

некоторые из сохранившихся памятников, например храм Пульгукса, искусственный грот Соккурам и др. От храма Пульгукса, сооруженного в 752 г., остались лишь каменные постройки, которые позволяют представить архитектурный ансамбль. Храм вознесен на высоком фундаменте, и к нему устремлены одна за другой лестницы (Чхонунгё и Пэкунгё), ведущие к воротам Чахамун, а на площадке перед главным зданием Тэунджон на левой стороне возвышается простая и величественная пагода Сакья (Соккатхаб), а по правую руку — каменная пагода Таботхап, производящая впечатление стройного деревянного сооружения. Эти две пагоды, поражающие изяществом и оригинальностью форм, прекрасно вписывающиеся в окружающий пейзаж на фоне лазурного неба, справедливо считаются шедеврами мирового искусства.

Так же как и Пульгукса, искусственная пещера Соккурам (VIII в.) свидетельствует о высоком уровне художественной обработки камня. Сложенная из гранитных плит, она представляет ансамбль выразительно расположенных барельефов буддийских святых, окружающих скульптурную фигуру Сакья, находящуюся в круглом зале, куда ведет прямоугольная передняя. Форма зала и расположение фигур подчинены тому, чтобы внимание входящего непроизвольно привлекла центральная фигура Будды, наделенного священным величием и человеческой простотой. Огромное впечатление на зрителя производит также тонко высеченная фигура бодисатвы Кваным (Авалокитешвары).

Произведения силланской живописи стали известными в последнее время, но представление об ее уровне давно сложилось по сохранившимся скульптурам (особенно барельефам) и произведениям прикладного искусства. Своеобразное место среди них занимают выполненные в самобытном стиле колокола буддийских храмов. Наиболее древним из сохранившихся является отлитый в 725 г. колокол храма Санвонса. Самым большим и красивым является колокол храма Пондокса (отлит в 771 г.). Поверхность его богато украшена орнаментом и живописными фигурами летающих небожителей. О прекрасных изделиях прикладного искусства говорит, например, описание в «Самгук юса» макета «Горы 10 тыс. будд», отправленного в качестве подарка в Танскую империю. Письменные источники также сообщают о деятельности силланских художников этого времени в соседних странах (Понмарё, Панманнё и др. в Японии, Ким Чхунь в Танской империи, где последний стал придворным художником).

Рассмотренных выше общие черты культуры трех государств и объединенной Силла нам кажутся характерными для корейской культуры раннего средневековья, когда формировался основной облик культуры феодального общества в Корее. Тогда возникали своеобразные формы и традиции, послужившие истоками дальнейшего развития национальной культуры корейского народа, явившейся важным вкладом и в сокровищницу культуры всего человечества.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

В настоящей работе сделана попытка показать основные этапы (периоды) истории Кореи с древнейших времен до утверждения феодального общества. Особенно трудно было представить процесс разложения первобытнообщинного строя и возникновения классового общества и государства, поэтому свои взгляды на этот процесс автор не считает бесспорными и рассматривает их в качестве одной из ранних рабочих гипотез. При крайнем недостатке письменных данных, характеризующих социально-экономическое развитие Кореи в древности и раннем средневековье, отрывочные сведения этого рода автор старался сочетать с фактами политической и культурной истории, чтобы таким образом получить комплексную картину социальной истории, сознавая при этом неполноту охвата (в виду недоступности) современной исторической литературы. Изучение основного фактического материала в первоисточниках убеждает в том, что дальнейшим шагом в изучении социальной истории Кореи раннего периода должны стать комплексные сравнительные исследования, сопоставляющие историю Кореи с аналогичными этапами и процессами прежде всего в соседних странах данного региона. Только так, наверно, можно лучше уяснить общие закономерности и специфические черты социально-экономического развития древней и средневековой Кореи.

Автор также надеется на объективную критику своей работы и большую помощь коллег в дальнейшем освещении сложных проблем ранней истории Кореи.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

3

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Первобытная Корея

(по археологическим данным)

5

ГЛАВА ВТОРАЯ

**Некоторые вопросы
периодизации
ранней истории Кореи**
(историография)

90

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

**Возникновение и развитие трех
государств— Когурё, Пэкче и
Силла.**

**Зарождение феодальных
отношений**

143

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

**Объединение Кореи в период
раннего средневековья.
Утверждение феодализма**

198

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

238

Михаил Николаевич ПАК

ОЧЕРКИ РАННЕЙ
ИСТОРИИ КОРЕИ

Зав. редакцией
Н. М. Сидорова

Редактор
В. В. Белугина

Мл. редактор
С. Б. Неволин

Художник
В. В. Гарбузов

Художественный редактор
М. В. Мухина

Технические редакторы
З. С. Кондрашова

Корректоры
**И. А. Большакова,
Т. С. Милякова**

Темплан 1979 № 46
ИБ № 655

Сдано в набор 23.11.78. Подпи-
сано к печати 20.03.79. Л-76090
Формат 60×90¹/₁₆ Бумага тип.
№ 1. Гарнитура литературная.
Высокая печать Усл. печ. л. 15,0
Уч.-изд. л. 17,06 Тираж 1180 экз.
Зак. 517 Цена 3 руб. Изд. № 206

Издательство
Московского университета.
Москва, К-9 ул. Герцена, 5/7.
Типография Изд-ва МГУ.
Москва, Ленинские горы